

Андрей Десницкий

В поисках смысла

Публицистика 2010-2012 годов

Оглавление_Тос408919777

От автора	4
Верую	5
1. В поисках смысла.....	5
2. Глас хлада тонка.....	8
3. Паек или благодать?.....	10
4. Битвы за чужую святость.....	13
5. С двух сторон аналоя	16
6. Парадоксы нашего поста.....	18
7. Пост в купальный сезон	21
8. Вопросы не о богослужебном языке	23
9. Возвышенность языка.....	27
10. Фунт чухонского масла.....	30
11. КПСС и РПЦ.....	33
12. Свое суждение иметь	36
13. Наука ли богословие?.....	39
14. Фундаментализм: выход или вызов?	42
15. Лингвисты об эволюции	49
16. Первая тувинская Библия.....	52
17. Миссия для мусульман: разговор не о том.....	55
18. Не наша миссия?	57
19. Православие с чистого листа?	61
20. Зачем мы молодежи?.....	64
Наедине	66
21. Текст как пространство Встречи	66
22. Любить себя?	69
23. Безотцовщина	72
24. Праведный гнев – это страшная сила	74
25. Киники и циники	76
26. Уроки снобизма.....	79
27. Чему учишься за рулем	82
28. Вдоль по разделительной.....	84
29. Про «попробовать».....	87
30. Убложество	90
Планета людей	93
31. Христианская свобода и либеральные ценности	93
32. Большой Брат по последней моде	96
33. Битва за внимание	99

34. Модернизация по прадедовским заветам?	102
35. Общество потребления детей	105
36. Бесплатное или бесцельное?.....	108
37. И снова о ЕГЭ.....	110
38. На переднем крае научной бюрократии.....	113
39. Хотим ли мы жить в правовом государстве?	116
40. Право на смерть?.....	119
41. О спорт, ты.....	121
42. С Уильямса хватит?.....	123
43. Век праздности и уныния в одном флаконе.....	125
44. Два языка в одной Латвии.....	128
45. Война, которую учитель проиграл?.....	131
На площадях	135
45. Другие мальчишки	135
46. Нет власти не от Бога!.....	137
48. Чего мы искали на болоте.....	140
49. Народ как подросток	143
50. Россия с Путиным	146
51. Услышьте нас!.....	149
52. Кощунство в светском государстве?	152
53. Единственная Гражданская?	155
54. Фальшивое средневековье	158
55. МакДак на Малой Бронной, Старбакс на Моховой.....	161
Настоящее прошлое	163
56. Книга и Личность	163
57. Храмовое благочестие	166
58. Три библейских трапезы.....	169
59. Учитель Израилев.....	172
60. Златоустый Святитель	175
61. Святые филологи	179
62. Христианские утопии и государственное строительство.....	182
63. Кто избирает парламент?.....	184
64. Уроки черногорского	186
65. Уроки нашего евроремонта	189
66. Про(то)колы модернистских мудрецов	192
67. Десятилетие потерянных	195
68. И что же такое сергианство?	199
69. Жара в эпоху раскола	202
70. Так было ли возрождение?	205

От автора

В этот сборник вошли семьдесят статей, которые публиковались в 2010-2012 годах в разных изданиях (в основном сетевых): «Православие и мир», «Нескучный сад», «Фома», «Русский журнал», «Татьянин день», а также на сайте храма Св. Иоанна на Пресне. Некоторые из них были отредактированы, поскольку книжная публикация всегда немного отличается от журнальной, даже если обе они – электронные.

Но самое главное, они были собраны вместе, и надеюсь, читатель согласиться: собраны не случайным образом. Жанр этой книги – христианская публицистика. Говоря иным языком, это размышления на разные темы и по разным поводам, их объединяет стремление найти смысл, и найти его на пути христианской веры. Это не разговор об особенностях церковной жизни (как молиться и поститься), не проповедь и не богословский трактат, хотя в некоторых статьях будет немножко и от первого, и второго, и третьего. Но это прежде всего личные размышления. Читатель может согласиться с ними или нет, его право, если же он задумается над этими вопросами, если постараётся найти свой собственный ответ на них – значит, уже не зря он эту книгу читал.

В книге пять разделов. Название первого «Верую», говорит само за себя. Но это не изложение догматов, не изъяснение богослужебных текстов, а разговор о православном христианстве здесь и сейчас: каким оно может быть, что дает оно нашим современникам и перед какими вопросами их ставит. Статьи второго раздела, «Наедине», говорят о личном, о чем-то таком, что обсуждают обычно двое или трое друзей, а третий раздел, «Планета людей», посвящен уже общественным проблемам – прежде всего, нынешней российской жизни. Четвертый раздел, «На площадях», мог бы стать его частью, но все же от выделен особо как слишком «горячий» и конкретный – туда вошли статьи, написанные зимой и ранней весной 2012 года во время выборов и всего, что за ними последовало. Наконец, пятый раздел, «Настоящее прошлое», содержит размышления о тех страницах истории (от библейской и до новейшей), которые остаются актуальными и сегодня. В то же время статей по библеистике (моей основной специальности) здесь нет, они вошли в состав другой книги, «Сорок вопросов о Библии».

Что еще сказать? Читайте на здоровье! А если захотите отправить отзыв, это можно сделать по адресу: a.desnitsky@gmail.com.

Верю

1. В поисках смысла

Был такой человек – Виктор Франкл. Он изучал психологию у самого Зигмунда Фрейда, практиковал как психоаналитик – а во время Второй мировой попал в нацистский концлагерь. Ему удалось выжить, и он написал об этом несколько книг. Самая известная из них называется «Человек в поисках смысла». В концлагере заключенные испытывали множество мучений, но самым страшным оказались не голод, побои, холод и унижения – а бессмысличество всего происходящего. Солдаты в окопах точно так же недоедали, мерзли, подчинялись жестокой и не всегда разумной дисциплине, наконец, умирали от ран – но они понимали, что такова цена победы над врагом. Заключенные страдали без какой-либо разумной цели, и бессмысличество становилось для них самой страшной пыткой.

«Человек не должен спрашивать, в чем смысл его жизни, но скорее должен осознать, что он сам и есть тот, к кому обращен вопрос» – такой вывод сделал сам Франкл из своих наблюдений. Иными словами, каждый человек сам решает, каким смыслом наполнить свою жизнь, никто не даст ему этот ответ в готовом виде.

Вне экстремальных обстоятельств желания большинства людей просты и понятны: обеспечить себе и своим близким безбедное существование. Питаться всё лучше, жить всё комфортнее, развлекаться всё изысканней... и нет предела этой гонке за комфортом и удовольствиями. Пусть мы сегодня живем намного лучше, чем жили наши предки сто или пятьдесят лет назад, зато нам намного хуже, чем некоторым соседям по планете! И даже мультимиллионер будет завидовать миллиардеру.

И в то же время среди людей всегда находились такие, кто бросал уютный дом и пускался в дальние и опасные странствия в поисках новых земель, или селился среди бедняков в далеких странах, чтобы облегчить их страдания, или уходил в бесплодную пустыню, чтобы наедине беседовать с Богом... Ради чего стоило бросить столь естественные для человека заботы? Люди открывали некий очень важный для себя смысл – и по сравнению с ним ничего уже не значили комфорт и достаток.

В советское время почти все жители нашей страны предавались вынужденному аскетизму, кроме самой верхушки. Продукты и вообще почти всё приходилось доставать по блату или выстаивать за этими товарами в очередях, а путешествовать по миру можно было только с разрешения парткома. И вот советский строй пал, и бывшие советские люди обнаружили, что «народное достояние» было моментально кем-то приватизировано, а им практически ничего не досталось. Дети падали на уроках в голодные обмороки, инженеры высшей квалификации торговали на базарах китайским ширпотребом... Людям, казалось, было не до высоких смыслов – нужно было элементарно выживать.

Но и тогда отчего-то множились не только ларьки с пивом и закуской, но и книжные издательства, народ шел не только на рынки, но и на проповеди о Боге. Люди массово принимали крещение. Прежние идолы рухнули, и надо было заботиться не только о пище и одежде, но и о новом смысле для новой жизни.

Впрочем, времена первоначального накопления капитала давно закончились. Конечно, в стране немало по-настоящему бедных людей, но жители больших городов уже в основном освоились с новыми условиями игры, приоделись на сезонных распродажах, съездили отдохнуть к теплому морю, попробовали разных деликатесов... Молодые уже не понимают, как это можно было стоять в очереди за докторской колбасой, штопать носки, стирать полиэтиленовые пакеты.

А тоска и недоумение остаются. Почему вокруг все-таки столько равнодушия, жестокости, алчности и лицемерия – возмущаются люди. Почему на каждом шагу нас

обманывают, нами манипулируют, почему мы не живем как на благополучном Западе? Вроде бы, всё есть в нашей стране: талантливые люди, богатая культура, чудесная природа, а в недрах – чуть ли не все возможные ископаемые. Чего не хватает нам?

Да и не только нам, если задуматься. Один из самых верных показателей того, насколько разочарованы бывают люди в жизни, насколько бессмысленной она кажется им – это статистика самоубийств на душу населения. Так вот, в верхней части этого списка – очень разные страны: бедные и богатые, диктатуры и демократии. Оказывается, не внешние обстоятельства определяют, насколько осмысленной видит человек собственную жизнь.

В библейской книге пророка Амоса есть такие слова: «Вот наступают дни, говорит Господь Бог, когда Я пошлю на землю голод, – не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних» (8:11). Именно эту жажду мы и ощущаем сейчас, когда материальный голод оказался, насколько это возможно, утолен. И оказалось, что жаждать слова можно настолько же сильно, как воды в жаркий день... Кстати, «слово» на греческом языке звучит как «Логос», именно этим понятием открывается Евангелие от Иоанна: «В начале был Логос». И точно так же обозначали греки смысл. «Человек в поисках Логоса» – так можно было бы перевести название книги Франкла.

Человеку свойственно придумывать логические объяснения всему, что с ним происходит. На этом основан и т.н. «Стокгольмский синдром»: люди, взятые террористами в заложники, с течением времени начинают оправдывать действия террористов, отождествлять себя с ними. Им невыносимо думать, что они для террористов – только средство, расходный материал. Они склонны будут согласиться, что террористы преследуют высокие цели, а сами они – помощники этих борцов за истину, вот такой смысл они придумывают для своих страданий. Только от этого они, конечно, не перестают быть пешками в игре террористов.

С точки зрения Библии, весь наш мир взят в заложники террористами, их глава так и называется в Библии: «князь мира сего», то есть тот, кто распоряжается в этом мире, не имея на это настоящих прав. И люди склонны находить свое уютное место в этом мире, и даже придумывать разумные объяснения нынешнему террористическому порядку: у нас то-то и то-то плохо, потому что нам мешают такие-то враги, потому что у нас несчастливая судьба, потому что обстоятельства наши так неблагоприятно сложились... А стоит убрать все эти помехи – вот тут-то мы и заживем счастливо и благополучно!

Только подлинный смысл событий лишь затуманивается такими объяснениями. Библейский взгляд на вещи предполагает, что в начале всего действительно был смысл, точнее – замысел Божий об этом мире, и значит, о каждом из нас. Его не так просто разгадать, как кроссворд, или решить, как математическую задачу. Скорее, человек распознает его в своей жизни, прислушиваясь к совести, разуму и чувствам и руководствуясь Словом Божиим, и на этом пути его могут ждать удивительные открытия – именно такие открытия и заставляют его порой бросить комфорт и резко переменить свой быт, чтобы последовать за открывшимся Смыслом Всей Жизни.

Каким он будет, зависит, в конечном счете, от каждого из нас. Для кого-то он состоит в том, чтобы испытать как можно больше наслаждений и накопить как можно больше богатств, но такой материалистический подход выглядит достаточно отталкивающе. Кто-то ставит во главу своей жизни служение высоким идеалам: например, искусству или науке, или политическому преобразованию общества, – но зачастую оказывается так, что за этими высокими желаниями тоже стоит жажда приобретений: всемирной славы, власти над людьми, изысканных интеллектуальных наслаждений. Кто-то служит другим людям, например, больным, или бедным, или даже просто членам своей семьи, и это прекрасно... если только в конце жизни человек не приходит к выводу, что своей-то жизни у него как раз и не было, если не разочаровывается он в своем служении.

«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам», говорит Христос (от Матфея 6:33). Какой неконкретный призыв! Понятно, как искать славы или денег – а вот как искать Царства и правды? О чём это Он? Мне кажется, здесь он призывает нас как раз к поискам великого, подлинного Смысла нашей жизни. Остальное: достаток, комфорт, разумное общественное устройство – приложится само собой, то есть либо возникнет, либо… мы научимся без всего этого обходиться и не страдать. И этот главный смысл жизни может быть у каждого свой, его нельзя описать никакой универсальной формулой. «В доме Отца Моего обителей много», говорит Христос в другом месте (от Иоанна 14:2).

На что похоже это Царство, в каком смысле Бог – наш Отец, как можно искать Его правды – об этом можно было бы говорить много, но всё равно не скажешь лучше, чем в Евангелии. Но мы можем быть уверены: если Бог – наш Отец, то смысл есть во всём, что происходит с нами, даже в страданиях, и он однажды откроется нам, если мы этого по-настоящему захотим.

2. Глас хлада тонка

Есть в Библии один красивый образ, который нечасто вспоминают – он теряется за другими образами, куда более звучными и красочными. Илия, великий пророк, в тяжелое для себя время, когда израильтяне преследовали его и поклонялись идолам, попросил Господа, чтобы Тот Сам явился ему. Ответ ему был дан такой: «выйди и стань на горе пред лицем Господним, и вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, и там Господь». По-славянски заключительные слова звучат еще ярче и загадочней: «Глас хлада тонка и тамо Господь» (3 Цар 19:11-12).

Илия весь был – пламя и буря. Он обличал царя и истреблял языческих пророков, низводил огонь с неба и сам был вознесен на небо в огненной колеснице. Не случайно именно о нем говорили наши предки, заслушав грозу: это пророк Илия катит по небу. Именно такому пророку Господь и показывает самым наглядным образом, что Он входит в человеческую жизнь не в вихре, не в землетрясении, не в пламени, а в чем-то настолько тихом и неприметном, что даже перевести это выражение на любой современный язык очень трудно. Как же так, можно возразить и удивиться, ведь Закон на горе Синай был дарован народу как раз в землетрясении, и не раз сведенное с неба пламя подтверждало, что Господь есть Бог (и по молитвам Илии в том числе), и даже Иову ответил Господь из бури. Всё это так.

Но сам Ветхий Завет – он скорее про другое: про то, как Господь избрал неприметный и ничем не знаменитый народ. У египтян были великие пирамиды, у вавилонян – каналы, шумеры изобрели первую письменность, а финикийцы – первый алфавит. Все эти народы создали великие и славные государства, могучую культуру, распространяли свое влияние по окрестным странам… а вот древним евреям нечем было хвалиться, кроме Бога. Как особую честь для Соломона, самого и знатного и богатого царя Израиля, упоминает Библия, что за него выдал свою дочь сам египетский фараон! Когда читаешь это, понимаешь, кем выглядели евреи на древнем Ближнем Востоке. Даже своим заклятым врагам филистимлянам, и тем уступали они в культурном развитии: позже них научились обрабатывать железо.

И так Господь напоминал им, что назначение избранного народа в этом мире – не в славе и силе, не в государственном величии и не в культурном и технологическом превосходстве, а в чем-то совсем другом. То же самое касается и Нового Израиля, Церкви. Ведь всё самое главное, что мы находим в Новом Завете, дается не в буре и пламени, а именно что «в гласе хлада тонка». Рождение Младенца в вертепе, беседы с рыбаками на берегу озера, Вечеря с учениками в горнице частного дома – разве сравнится всё это с царскими праздниками Ирода, с великолепием храмовых обрядов, с мощью римского войска и многоученостью книжников и фарисеев? Но не во всем этом явился Господь.

Сегодня, как и во времена Илии, как и во времена Христа, внешний, языческий или атеистический мир поражает многим, но прежде всего, своим блеском и шумом. Включаешь телевизор, открываешь новостной сайт в интернете – на тебя обрушаются и вихри, и землетрясения, и пламень. Не слишком добросовестные журналисты сознательно стараются дать каждой новости наиболее хлесткий заголовок или анонс, и желательно с негативом. Если подать мелкий скандалчик как глобальную катастрофу, читателя такой заголовок зацепит, он щелкнет по ссылке, прислушается на секунду к бубнежке теледиктора – пусть даже суть события его разочарует, но на минутку-другую его внимание будет привлечено, а значит, цель достигнута.

Еще в большей степени это касается рекламы. Сегодня на человека обрушивается такой поток информации, что до него можно только докричаться. Некогда ему объяснять, чем хорош именно этот товар, нужно пощекотать его нервы, задеть в нем самые

чувствительные струнки (например, тщеславие или сексуальный голод), любой ценой его «зацепить». А поскольку зацепок таких всё больше и больше, приходится придумывать всё новые, всё более изощренные и сильнодействующие. Так компания подогретых пивом подростков кричит всё громче, размахивает руками всё шире – каждому надо перекричать остальных. Скажи один из них любую, пусть даже самую важную вещь спокойным, ровным голосом – его никто просто не услышит. Проходит время, они привыкают – и то, что нельзя прокричать, они уже не могут выразить; что превосходит сложностью и глубиной рекламный ролик или музыкальный клип – то неспособны воспринять. «Ну это... я, типа, такая... а он ваще, короче, такой...»

Что с такими делать – отдельная тема, да и нет у меня единого ответа. Но одно могу сказать точно: этому вихрю бессмыслиц нельзя подражать, с этим мозготрясением нельзя соревноваться. Всё равно проиграешь, а если вдруг даже выиграешь, сам тому не обрадуешься.

Но христианские СМИ, христианские блоги да и просто частные разговоры христиан тоже нередко вовлекаются в похожий круговорот. Говорить вполголоса значит не быть услышанным, и потому выбираются самые скандальные темы, приводятся самые жареные факты, даются самые резкие оценки. Ничего, если потом не всё сказанное окажется уместным – по крайней мере, внимание привлечь удалось. А если сама тема разговора очень важна, то, пожалуй, можно и пренебречь побочными эффектами, главное, чтобы люди услышали. Разве не так?

Нет, не так. Даже если не вспоминать о таких понятиях, как пустословие или осуждение (а их границы в крике пересекаются легко и незаметно), такое поведение оказывается просто нерациональным. Перекричать рекламистов и «новостников», равно как и подростков с пивасиком, нам все равно не удастся. С тем же успехом мог бы Моисей взяться за строительство пирамид повыше фараоновых, или апостолы – за сооружение храма пышнее иродова. Если мы сегодня закричали, чтобы нас услышали, то завтра придется кричать еще громче, и послезавтра, и так до бесконечности. Мы втягиваемся в соревнование, которое обречены проиграть

Есть такое понятие, как «экологичность решения». Порой то или иное решение проблемы оказывается самым выгодным и единственным в ближайшей перспективе, но оно наносит существенный и длительный вред всей ситуации в целом. Например, построили нефтяную вышку, получили прибыль, но на десятилетия загубили окрестную природу. Или другой пример, из лета 2010 года: засыпали пожарный пруд и пустили его под застройку, не обновляли пожарную технику и даже рынду сдали в металлолом – а через несколько лет оказались совершенно беззащитными перед пожаром. Чтобы избегать таких решений, не нужна какая-то особая мудрость, достаточно обычного опыта и здравомыслия. И сдается мне, что там, где о Боге начинают кричать, где Евангелие проповедуют путем скандала – там принимают крайне неэкологичные решения, пусть даже и для очень насущных проблем.

Но даже не это главное. Наш мир, оглушенный криком, ослепленный фальшивым блеском, все-таки воспоминает иногда: да ведь было же и еще нечто важное, полузабытое, давнее, детское... И мы, может быть сумеем ему об этом напомнить словами древней нашей Книги: веяние тихого ветра, глас хлада тонка – и там Господь.

3. Паек или благодать?

Рассказывали историю про одну пожилую жительницу Северной Кореи, которая лет пятнадцать назад бежала из коммунистического лагеря и поведала о своих ожиданиях от свободного мира: «США такая богатая страна, что там даже младенцам дают по 800 гр. чистого риса в день!» Государство должно раздавать пайки, чтобы его граждане не умерли с голода, и в богатом государстве ей будут выдавать пайки побольше, причем чистым рисом, а не ячменем или кукурузой, как давали дома. Ей и в голову не пришла мысль о том, что в этом самом свободном мире пайки выдают только солдатам и заключенным, а все остальные люди зарабатывают деньги, идут с ними в магазин и покупают сами, что пожелают.

Даже теперь, когда в Северной Корее возникло нелегальное частное предпринимательство, работникам таких предприятий тоже выдают... продуктовые пайки. Хозяин отправляет своего помощника на рынок купить там мешок риса, а потом раздает его своим сотрудникам. Проще, конечно, было бы заплатить им деньгами, как во всём остальном мире, но тогда они бы почувствовали себя обделенными: у соседей есть пайки, а у них нет!

Но пайковое сознание не уходит само собой при перемене общественного строя, и когда мы входили в свободный рынок, оно нас оставило не сразу. Рынок, свободу и демократию нам тоже должны были дать откуда-то сверху, по определенной мерке. В принципе, так оно и вышло: раздали всем ваучеры, люди понесли их во всякие фонды... Недавно нам по почте пришло письмо от акционерной компании. Предлагалось проголосовать за решения: выплатить совету директоров вознаграждение в размере более 21 миллиона рублей, а акционерам дивиденды. На одну акцию пришлось, я цитирую, 0,000046791 рубля. Такой вот паек установили владельцы контрольного пакета, и всё строго по закону. Да и с демократией у нас получилось примерно то же самое.

И даже наши самые великие демократы до сих пор нередко мыслят по-пайковому. Как было при Советах? Сдал двадцать кг макулатуры – получи талон на роман Дюма, выдал на гора тонну угля сверх плана – вот тебе путевка в санаторий. И, по мнению В.И. Новодворской, в Евросоюз тоже путевки не просто так дают, надо сдать кого-нибудь в обмен. Сербы вот молодцы, сдали Младича... Это только в Гааге уверены, что суд будет устанавливать его причастность к военным преступлениям, для демократов пайкового образца всё намного проще, всё по-большевицки: враги народа осуждены по определению, надо сдать их куда положено в обмен на светлое будущее.

Но не будем больше о политике. Как живет человек с пайковым сознанием? Это очень хорошо видно по опыту коммуналок, да и многоквартирных домов. Отношения с соседями он будет выстраивать при помощи графиков уборки общественных мест, взносов на подъездные нужды, а если возникнет спорная ситуация, ни за что не решится напрямую побеседовать, предложить какой-то компромисс. Нет, он будет писать жалобы вплоть до ООН, требуя, чтобы начальство пришло и восстановило попранную справедливость. Ему достался паек слишком маленький, а соседу – слишком большой, и это вовсе не повод добровольно поделиться. Следует требовать централизованного перераспределения благ, и мы видим это на множестве примеров, от территории лестничной площадки и до нефтегазовых компаний.

Но вырастает новое поколение, которое привыкло не получать, а зарабатывать. И тот, кто вложил в акции не какой-то бессмысленный ваучер, а собственные трудовые накопления, наверное, проследит, куда пошли его деньги и почему они не приносят ему дохода. И тот, кто полжизни выплачивает ипотеку за купленную квартиру, иначе строит отношения с соседями, и тот, кто работает на благо своей страны и своих детей, ждет от государства не якобы положенной ему путевки в Евросоюз, а понятных, справедливых и общих правил игры. Именно таких правил, на основе которых и строился сам Евросоюз, безо всяких путевок от месткома. И я глубоко убежден, что в России мы справимся с

коррупцией и чиновным произволом тогда и только тогда, когда простые люди отвыкнут от взгляда на чиновника как на Великого Распределителя, который раздает всем пайки, и надо *подсуетиться* (какое замечательное советское словцо!), чтобы получить 800 гр. чистого риса, а не полкило кукурузы.

Казалось бы, в Церкви не место пайковому сознанию. Христиане верят, что все получают свыше, благодарят за каждый час своей жизни, за каждый кусок хлеба и за каждую улыбку ребенка. Но это не паек, мы называем это совсем другим словом – *благодать*. Нам ничего не «положено», но нам даётся все, что нам действительно нужно, и гораздо более того, «ибо не мерою дает Бог Духа» (от Иоанна 3:34) и «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Коринфянам 2:9). Бери, сколько хочешь и можешь взять – только действительно бери.

Всё так и бывает, или должно быть в Церкви, только в Церкви у нас – те же бывшие советские люди, других нет и неоткуда взять. Им трудно без пайка, как той северокорейской крестьянке. Пусть «паек Духа» будет очень-очень большим, и весь из чистого риса, но пусть это всё-таки будет паек, который будут давать, кому положено. Вычитал молитвы по книге, пропостился определенное количество дней – вот тебе Причастие. Отстоял сколько надо на службе, сделал земные поклоны – вот тебе и праздник с разговением. Произнес положенный набор фраз про «простите-благословите», про «смиление-послушание», передал свечку правильной рукой к правильной иконе – вот тебе и почет и уважение окружающих, почетная грамотка «за успехи в воцерковлении».

Я не о том, как меня могут понять, что внешние формы надо немедленно отменить, вовсе нет. Я о том, что их не надо путать с благодатью. Она на то и благодать, что дается даром, просто так, по любви – как и мы детей кормим, поим, и балуем даже не за хорошие отметки, а просто потому, что любим. И все же мы повторяем по-писаному «не обрящеш бо дел отнюдь оправдающих мя», но добавляем от себя: зато я вычитал каноны и отбил поклоны. И даже дело не в том, что человека не пустят без этого в Царствие Небесное строгий батюшка или кто-нибудь еще, человек сам себя не пускает. Ведь если это паек, то надо отработать, надо попасть в какой-нибудь правильный список – а если вот просто так схватить его и убежать, то догонят, отберут и побьют. Не за то побьют, что нарушил волю Отца, а за то, что взял, чего не положено. А вон кто-то берет, кстати… Эй, ты постился, молился, сколько у тебя канонов-поклонов? А ну, положь на место! Не положено.

Это многое объясняет в нынешних спорах об очевидных несовершенствах церковной жизни. Для одних важно освободиться от пайковой логики, для других – добиться правильного распределения правильных пайков. Какую оппозицию встречает вопрос, например, о [самой осторожной редакции богослужебных текстов](#) (а о русском богослужении и упомянуть страшно): как, теперь вместо моего любимого риса будут гречку давать? И ответ, что насилию никому ничего давать не будут, что просто предлагается некая новая возможность, отмечается сходу. Либо всем рис, либо всем гречку, и если лично я люблю рис, значит, гречка никому не нужна, и кричать нужно об этом как можно громче, не то рис отнимут.

Но времена меняются. Еще десять лет назад в Церковь приходили в основном люди, уставшие от бурных девяностых, они хотели понятных гарантий. Потом одни из них разочаровывались и в своих пайках, начинали обличать церковные структуры за их неправильное распределение – а другие с неменьшим пылом объясняли, что как раз всё правильно, ровно 800 гр. отборного риса. Но сегодня всё большую роль начинает играть новое поколение, которое ценит самостоятельность, а в церковной жизни видит не столько свод правил, сколько набор возможностей. Как это прекрасно, поститься и молиться! Не потому, что так добывается допуск к причастию, а потому, что это правильно, хорошо и полезно. Но тогда уж, добавляют они, без шаблонов, каждому по его возможностям и силам.

Мы зачастую пугаемся этой самостоятельности и свободы, да в ней и в самом деле есть, чего пугаться: так можно скатиться к полной неразборчивости и индивидуализму, выстраивая духовную жизнь на потребительский лад: «мне это по вкусу, а вон то нет». Но надо понимать, что пайковое сознание никак не привлекает человека, взыскиующего подлинной благодати, пусть даже он еще так мало знает о ней. Что же предложить ему, как говорить с ним – вот, на мой взгляд, один из главных вопросов сегодняшней миссии, да и нашей внутренней церковной жизни, если разобраться.

4. Битвы за чужую святость

С самого начала христианская Церковь была Церковью мучеников. Проповедники других религий и философий могли показывать чудеса аскетизма (как индийские йоги) или углубляться в мистические тайны (как египетские жрецы), они могли быть превосходными ораторами (как древние греки) или могучими завоевателями (как последователи Мухаммеда). Но для христиан не это было главным. Еще от Ветхого Завета, от самого жертвоприношения Исаака, приняли они другое: тот, кто поверил, должен оставаться верным до конца, даже до смерти, и это будет лучшим свидетельством о Том, Кому он верен. Ведь именно такую верность Отцу проявил на кресте и сам Христос.

Поэтому первым и наивысшим среди всех видов святости у первых христиан было мученичество: кем бы ни был человек, проявивший такую верность до смерти, он сразу почитался как святым. Мы знаем, что среди мучеников первых веков даже не все были крещены: случалось и так, что один из мучителей (например, воин, охранявший место казни) добровольно присоединялся к мученикам, пораженный величием их подвига. Такого человека Церковь тоже сразу начинала почитать как святого, не смотря на то, что в своей жизни он вообще не был христианином и наверняка совершил множество грехов, в которых просто не успел покаяться, а о добродетелях его нам ничего не известно. Собственно, его шаг вперед к страшной смерти и был отречением от всей его прежней жизни со всеми ее пороками, он был и покаянием, и крещением, и постом, и молитвой одновременно.

Но это самый яркий и понятный случай. В наше время человеку редко предлагают такой выбор: отрекись от Христа и принеси жертву идолу, или умри. Идолы нашего времени требуют жертв не так прямолинейно, а отречение разбивается на множество мелких шажков, и трудно бывает отделить разумный компромисс от начала настоящего падения, и, наоборот, здравую принципиальность – от узколобого фанатизма... А главное, если сегодня убивают человека, свидетельствовавшего о Христе, трудно бывает сказать наверняка, за что его убили. Может, по ошибке, а может, из ревности или мести? Такие убийства или остаются нераскрытыми, или вдруг оказываются случайными: дескать, убийца был сумасшедшим, или он принял свою жертву за кого-то другого. Слишком многим станет неуютно, если окажется, что это действительно хладнокровно рассчитанное убийство за проповедь Христа.

Только сумасшедшим не удается так хорошо все исполнить и скрыться с места преступления, не оставив улик. Не раскрыты двадцатилетней давности убийство о. Александра Меня и совсем недавнее – о. Даниила Сысоева. Между ними были и другие, но я не случайно поставил здесь рядом эти два имени. Оба были известными проповедниками, обоим не раз угрожали, обоих убили в храме или по дороге в храм – и обоим, судя по всему, не делали формальных предложений принести жертву идолу. Но и без того было понятно, что не принесут. Это мученичество или нет? А как посмотреть...

И люди смотрят. Но эти два священника, столь похоже закончившие свой земной путь, при жизни были очень разными. Их объединяла Церковь, но если мыслить в земных, политических категориях, они были на разных «флангах» церковной жизни. Один отличался широтой взглядов и склонностью к компромиссу, за что иные его считали еретиком и отступником, другой, напротив, настаивал на исключительной правоте собственного вероучения, за что не раз бывал назван узколобым фанатиком. О. Даниил и сам отзывался об о. Александре крайне нелестно.

И вот сегодня заходит разговор о канонизации одного и другого, уже существуют иконы, возносятся молитвы, пока еще сугубо личные, но оттого не менее горячие... Это, в общем-то, нормально, так всегда и начиналось почитание святых. А в остальном, говоря словами раввина Гамалиила (кстати, канонизированного святого!), «отстаньте от людей

сих и оставьте их; ибо если это предприятие и это дело – от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его» (Деян 5:38-39).

Но вопрос зачастую ставится так: вот именно «нашего» батюшку надо канонизировать, потому что он, в отличие от «вашего», и жил правильно, был настоящим христианином. Именно так и говорят порой с обеих сторон. Но ведь это просто нелепо! Оба они умерли не просто в мире с Церковью, но как деятельные ее служители. Оба, очевидно, не были безгрешными и безошибочными людьми, как и каждый из нас, но если смерть была мученической, она смыла все грехи, прояснила все ошибки. Я почему-то уверен, что сейчас (если слово «сейчас» тут подходит) о. Александр и о. Даниил свободно могут беседовать друг с другом. Наверняка о чем-то спорят, порой даже и горячо, но общий язык, не сомневаюсь, у них есть.

Но он есть не у всех их последователей, увы. Сам я, как знает всякий, кто хотя бы немного со мной знаком, считаю одним из главных своих учителей о. Александра (хотя при его жизни мы не встречались) и во многих оценках резко расхожусь с о. Даниилом. Но это мое личное восприятие, пристрастное и неполное. И оно не должно закрывать мне глаза на тот факт, что оба они, судя по всему – мученики за Христа. Если мы, конечно, готовы принять это и не подыскивать более «простых» объяснений вроде сумасшедшего с топором или пистолетом...

А еще я уверен, что многие из мучеников первых веков были странными, неприятными людьми с нелепыми взглядами, мы много бы спорили с ними при их жизни, а то и вовсе отказались бы разговаривать. Но смерть за Христа всему подвела черту, теперь остается только поминать и молиться... или не молиться, если нет готовности и желания, ведь в святыцах имен много, и далеко не каждое мы поминаем лично.

И еще стоит задуматься о том, что такое мученичество и святость для нас, не достигших этой меры. Для кого-то чужая мученическая смерть – доказательство собственной правоты. Дескать, я разделяю взгляды убитого, а он святой, значит, и я во всем прав. При таком подходе, конечно, святость человека с другими взглядами – вещь исключительно неудобная, от нее следует защищаться руками и ногами. Но есть ведь и более здравый подход: все люди, в том числе и святые, во многом ошибаются, их правота всегда частична и неполна. Мученичество есть акт беспредельного доверия абсолютной Истине, и мы канонизируем именно эту верность, а вовсе не частичную правоту, которая была у них при жизни.

Собственно, примерно то же самое можно сказать о любом случае сомнительной канонизации, например, той, которая сопровождается языческими по сути обрядами поедания землицы с могилы святого и всевозможными сказочными рассказами о его жизни. Жаль, что у нас довольно мало говорится о самой сути новых канонизаций, и церковный народ, по сути, остается наедине с именем прославленного святого и начинает почитать его, что называется, кто во что горазд. На самом деле канонизируется, то есть провозглашается своего рода образцом, отнюдь не всё в жизни человека, и уж тем более не все существующие формы его почитания. Церковь свидетельствует: и этот путь можем привести человека к Богу, причем в случае мученичества это особенно очевидно. Что называется, происходит это прямо на наших глазах.

Но если такой путь тоже приводит к Богу, это еще не значит, что приводит к Нему только такой путь и никакой иной, или что все мы должны немедленно ступить ровно на этот путь. В конце концов, у людей разные характеры, не говоря уже про семью, образование, профессию, род деятельности. Одному свойственна горячность и прямолинейность, другому – рассудительность и неторопливость, и так далее. Среди святых мы встретим всяких людей, потому что Царствие не закрыто ни для кого.

Банальности? Да. Но о них приходится напоминать, когда видишь словесную битву за чужую святость, а в особенности – против нее. Сражаться за святость нам всем необходимо, но полем битвы тут может стать только наше собственное сердце, собственная жизнь. И мученическая смерть за Христа, в конце концов – самое

достоверное свидетельство, что в этой битве одержана окончательная победа.
Собственная мученическая смерть, если Господь тебя сподобит и сам ты решишься – но
никак не чужая.

5. С двух сторон аналоя

В советские времена (я еще их застал) Церковь по Конституции имела право «отправлять религиозные обряды», и только. Это атеизм можно было пропагандировать и распространять, религию – ни в коем случае. И потому легальных способов поговорить с людьми о Боге у священника было ровно два: проповедь и исповедь. Домашние чаепития, конечно, тоже имели место, но на них всех не пригласишь, да и то могли пришить какую-нибудь «антисоветскую агитацию». Впрочем, и проповеди внимательно выслушивались, кем надо, и при необходимости куда надо о них доносилось. Напомню, что Библий или молитвословов не было в свободной продаже, да и в библиотеках они были в спецхране (помню, как студенты МГУ порой специально выбирали такие темы дипломов и курсовых, чтобы получить допуск к Библии!)

Оставалась исповедь. Она была не просто таинством отпущения грехов и примирения с Церковью, но и возможностью свободного разговора о Боге и человеке. Именно там мирянин мог задать важнейший вопрос, а священник – сказать ему то, что он не посмел бы произнести перед всеми. И такой разговор не мог состояться практически нигде, кроме как у аналоя.

Времена изменились, но Церковь – очень консервативный институт, поэтому практика исповеди меняется медленно и далеко не везде. И вот с одной стороны аналоя – прошедший определенную вычурку священник, который не знает, как можно по-другому, и боится что-то в привычном ритуале изменить: а вдруг тогда разрушится всё? А кроме того, он – ведь так положено, так написано! – зачастую старается быть не «точию свидетелем», как сам говорит исповедующемуся, но обязательно духовным отцом, руководителем и наставником. В том числе и для человека, о котором он практически ничего, кроме перечисленного списка грехов, не знает, который его об этом наставничестве не просит. А в худшем случае священник отчего-то уверен, что, надевая епитрахиль, он слагает с себя человеческие немощи и страсти, а потому его рекомендации абсолютны, его оценки не подлежат сомнению, а его власть «вязать и решить» должна пониматься чуть ли не в полицейском смысле.

А с другой стороны аналоя – зачастую человек, который именно этого и ждет. Один из героев Н.С. Лескова, «Несмертельный Голован», приходя на исповедь, говорил священнику: «Посрамите меня, батюшка, что-то себе очень не нравлюсь». Сюда можно добавить: посоветуйте мне, объясните мне, поддержите меня, поучите, утешьте, пожалейте… да просто выслушайте и поговорите со мной! Стоит ли уточнять, что всё это не имеет прямого отношения к основному смыслу исповеди? Но объявить это лишним тоже никак не получится. Если в Церкви человек не находит поддержки и утешения, то зачем ему такая Церковь? И Церковь ли это вообще? В конце концов, о Боге можно и в книжке прочесть, помолиться можно и дома, крестный ход – его по телевизору куда удобнее смотреть, чем вживую.

Только ведь на самом деле совет или утешение не обязательно получать от священника – чтобы его преподать, не требуется ни рукоположение, ни епитрахиль. Более того, если священник совсем молод, или характер у него непростой, или просто он слишком занят, то он явно не лучший кандидат в советчики или утешители. Наверняка в любом приходе найдется человек, готовый выслушать и поговорить. Но вот когда ты приходишь в храм… к кому подойти, кого попросить, с кем поговорить по душам – это очень большой вопрос. А тут стоит у аналоя настоящий, живой батюшка, который вроде как «принимает население по личным вопросам». Называется это «исповедь». Вот как удобно!

Но люди бывают разных типов. Кому-то очень важна вот эта психологическая составляющая, а кому-то, напротив, не хочется ощущать себя маленьким ребенком, которого то ругают, то жалеют, называя этот подход «духовничеством». И такой человек может отойти от исповеди, а заодно и от Церкви, всерьез и надолго просто потому, что

опыт исповеди показался ему слишком травматичным. Таких примеров есть немало. Да, в грехах каяться всегда неприятно, куда приятнее бывает хвалиться достижениями – но этот стыд человек все же преодолел, раз к аналою подошел. Значит, что-то не сложилось у него в беседе с самим священником, не удалось вписаться в предлагаемую схему. Но может быть, тогда надо разнообразить эту самую схему, если прежняя становится для кого-то неудобоносимым бременем?

И дело тут далеко не только в частоте, обязательности и т.д. Это всё детали технические, это выяснится по ходу дела, если разобраться с самой сутью. Дело скорее в настроении: чего ждут не только от Бога, но и друг от друга два человека, стоящих у аналоя: один в епитрахили, другой со склоненной головой? Ощущают ли они, что их не двое, что есть между ними Христос, и есть церковная община, к которой они принадлежат, которой они небезразличны? И если да, то она могла бы немного их разгрузить: предложить какие-то другие формы внутриприходского общения, не связанные с таинством покаяния. Уже давно не советские годы, можно собираться, обсуждать что-то, делиться горестями и радостями, друг другу помогать... Слишком редко нам это удается.

Я с некоторым смущением читаю рассказы (в основном, женские) о «поездках к старцу». Вот, собралась христианка в дорогу, доехала до места назначения, выстояла службу, среди толпы дожидалась старца, он вышел, что-то ей важное сказал, и она, окрыленная, уехала. Всё, вроде бы, хорошо... только что же тут христианского, где же тут Церковь? Если бы она ездила не к схимонаху, а к ламе, мулле, раввину, да хоть шаману – рассказ бы не сильно отличался, только названия у обрядов и святых мест были бы другими. Поехала к некоему святому и мудрому человеку за ответом на свой личный вопрос – и получила его. И лично ей достаточно.

Я бывал только у одного человека, которого могу назвать старцем – у о. Виктора (Мамонтова) в Карсаве, в Латвии. Приводя этот пример, я понимаю, что о. Виктор – человек совершенно особенный, и нельзя ждать, чтобы все священники уподобились ему, как нельзя от всех поэтов потребовать, чтобы они сравнялись с Пушкиным. Но один очень важный урок, мне кажется, мы все можем извлечь... Впрочем, судите сами. Летом к нему приезжали многие, но что поражало с первой минуты – он не спешил с индивидуальными беседами и ответами. Люди собирались вокруг него – но там они и встречались друг с другом. Начинали вместе молиться, общаться... На утрени вдруг звали новоприехавшего на клирос и давали читать каноны, показывая пальцем по книге, откуда и докуда, и даже проповедовал на литургии не только батюшка, но и миряне. После службы люди могли собраться на беседу и говорили, говорили, а зачастую и спорили друг с другом – о. Виктор молчал, вовсе не торопился, как многие священники, немедленно подвести все итоги и расставить все оценки. Говорил только в самом конце, совсем кратко и немного...

Это были очень простые и домашние слова, а не какие-то великие духовные истины, которых от него ждали многие, в том числе и я. Но истина заключалась в другом: мы, пришедшие к нему одному, встречались не только с ним, но и друг с другом. Мы начинали слышать и слушать друг друга. Мы, в конце концов, получали ответы на те вопросы, с которыми приезжали – или вдруг понимали, что вопросы эти не так уж и важны. Но в любом случае это происходило не в какой-то особо торжественный момент у аналоя, а просто в ходе нашей жизни. Это действительно была жизнь в Церкви...

А исповедь – да, была и исповедь, долгая, подробная, внимательная. Но это была просто исповедь, не более и не менее того, и тем она и была прекрасна.

6. Парадоксы нашего поста

«Обед весь постный-постный! На перво жиdenъка овсянка с луком, грибовница с крупой, лукова похлебка. На второе: грузди жарены, брюква печеная, солоники – сочни-сгибни с солью, каша с морковью и шесть других разных каш с разным вареньем и три киселя: кисель квасной, кисель гороховой, кисель малиновой... А время идет да идет. За послеобеденным кипятком с клюквой да с пастилой и паужне черед пришел. Вздохнула купчиха, да ничего не поделать – постничать надо! Поела гороху моченого с хреном, брусники с толокном, брюквы пареной, тури мучной, мочеными яблоками с мелкими грушами в квасу заела. Ежели неблагочестивому человеку, то эдакого поста не выдержать – лопнет».

Так писатель С. Писахов [описывал пост](#) некоей купчихи. Мы, конечно, эту карикатурную купчиху разгромно обличим: скажем, что пост заключается не только в перемене блюд, но и в сокращении их количества. И что кулинарные изыски тут неуместны. И вообще, дело не в грудях и брюкве, а надо накормить голодного и самому не есть человеков. И главное тут настрой духа, а не пища, и...

И всё равно каждый год во всех православных СМИ подробнейшим образом после всех этих правильных слов обсуждается постное меню, и поминается монастырский устав, и отдельно разъясняется, что не надо всем подряд ему следовать. Разговор у посте все равно у православных сводится к бесконечному перебору «это себе позволю» и «от этого воздержусь», прежде всего в отношении пищи, хотя, конечно, речь заходит и о развлечениях, и о супружеской жизни, и о многом ином.

Вообще-то это хорошее нам всем напоминание, насколько зависим мы от этой самой пищи. Какими бы духовными мы себя ни считали, а желудок определяет наше поведение и самочувствие куда сильнее, чем нам кажется – вот одна из простых истин, которым учит нас пост.

Но купчиха вместе со всеми нами, похоже, забыла еще кое о чем важном. Посты существовали еще задолго до христианства, и христиане с самого начала к ним прибегали, следя словам Спасителя «придут дни, когда отнимется у них Жених, и тогда будут поститься» (Матфей 9:15). Тогда постившиеся просто ничего не ели, как правило, в течение одного дня. Но вот эта идея постного стола с брюквой и грудями – она как раз появилась позднее. Об этом около ста лет назад [рассказал священномученик Иларион \(Троицкий\)](#), и затем, уже ближе к нашему времени, [напомнил о Александр Шмеман](#). Но их голоса, что удивительно, остались практически не услышанными: мы со всеми своими рассуждениями зачастую оказываемся ближе к той купчихе, нежели к ним.

Церковь первых веков знала тот же пост, что мы встречаем и в Ветхом Завете: полное воздержание от пищи. В этом смысле пост у мусульман, когда верующие вообще ничего не едят и не пьют в течение всего светлого времени суток, по форме гораздо ближе к тому самому древнему посту. Кроме того, христианский пост был по природе своей евхаристическим, т.е. верующие воздерживались от еды и питья во время той самой разлуки с Женихом, о которой говорил Христос. Встреча с ним, которая происходила на Евхаристии, и была завершением постного дня.

Как напоминает нам о. Александр, «являясь таинством присутствия Христа, Евхаристия – это пир Церкви, и более того, Евхаристия – это Церковь на Пире и, следовательно, мера и значение всех пиров». Если устав предписывает совершать Великим постом литургию Преждеосвященных даров вечером (чего сегодня практически нигде не делают), это и означает пост с самого утра и до литургии, но уже никак не после нее. Поэтому в большие праздники литургию в древности совершали ранним утром, после всенощного бдения (которое действительно было ночным), а в меньшие праздники – поздним утром, создавая тем самым более продолжительное время для «предвкушения пира», т.е. поста. А в постные дни, соответственно, богослужение совершается вечером, и предвкусение получается самым долгим.

Именно по этой причине служба в воскресные дни Великого поста так похожа на рядовые воскресенья: воскресный день просто не был в древности постным. А вот в Великую Субботу литургия служится по уставу после вечерни, т.е. вечером – к сожалению, в нашей практике уже давно всё сместилось.

Однако никто из нас не ходит на литургию каждый день, и даже каждую неделю ходят далеко не все. Поэтому нет ничего удивительного в том, что тесная связь между постом и евхаристией достаточно оказалась нарушенной: христианам надо было как-то поститься, значит, пришлось изобретать правила поста, не зависящие от Евхаристии напрямую. Пост становился подготовкой не к вечернему богослужению, а к празднику, который наступал еще через несколько недель…

Так возникли правила многодневных постов. В древности уставы были куда более разнообразны, нежели теперь, но общий принцип был понятен: люди отказывались от пищи самой дорогой, самой вкусной и самой плотной – прежде всего, конечно, от мяса. В результате, как пишет св. Иларион, «с течением времени понятие о посте было, так сказать, подменено понятием постного», причем, что поразительно, первыми произвели эту замену еретики-монтанисты, которые ввели у себя многодневные посты с сухоядением (отказом от любой приготовленной пищи).

Это, конечно, совсем никак не означает, что нынешние правила поста с отказом от мясного и молочного, а при строгом посте и от рыбного, чем-то плохи и должны быть заменены на другие. Вовсе нет. Даже если изначально какая-то деталь церковной жизни была изобретена вовсе не святыми отцами, но отцы ее приняли и сделали своей, нас это не должно смущать. Но этот исторический экскурс показывает, что правила эти вовсе не абсолютны, что они зависят от конкретно-исторической ситуации и в принципе могут быть пересмотрены.

Поэтому нет ничего удивительного или скандального в том, что покойный Патриарх Сербский Павле, сам человек святой и аскетичной жизни, [выступал за существенное смягчение](#) правил поста для мирян. Собственно, в этом нет никакого новшества – он всего лишь предложил вернуться к тому многообразию постных практик, которое мы встречаем в истории Церкви.

Но самое главное, что разговор на тему «что есть, а чего не есть», он вообще тут второстепенный. И не потому только, что смысл поста вовсе не в гастрономии – это, конечно, так, но мы слишком легко это повторяем, слишком легко представляем себя этакими титанами духа, которым нет никакой разницы: что сочная котлета, что сухая корочка. Один-два дня, может быть, и нет, а за сорок дней очень хорошо эта разница ощущается, так что разговор о конкретном меню будет совсем не лишним.

И все-таки первичный смысл поста – молитвенный, литургический, евхаристический. Сегодня вполне обыденна ситуация, когда в пост человек выбирает себе особое меню, ходит на некоторые церковные службы, молится дома – словом, создает себе сам или по согласию с духовником некий индивидуальный ритм духовной жизни. Но из такого поста полностью уходит общинная, евхаристическая направленность, о которой [так много и горячо писал о. А. Шмеман](#). Ведь пост – это не просто упражнение в личном благочестии, но дорога к Пасхе, главному для Церкви событию года и всей нашей жизни. А мы вместо попытки пройти этот путь, по слову о. Александра, «удовлетворяемся великостным символизмом». И жареными груздями с печеною брюквой, конечно.

Дело, опять-таки, не в том, чтобы отходить на все богослужения, вычитать все молитвы. Такое действие тоже может быть формальным и бессмысленным, как показал в рассказе [«Мирное житие»](#) А. Куприн. И тогда слова Триоди «постимся постом приятным, угодным Господеви» перестают пониматься в том духе, что наш пост должен быть угоден, приятен Господу – нет, приятности ищем для себя самих. Для кого грузди вкусны, для кого молитвы сладковзвучны, а кому и похудеть пора, оздоровиться, духовность, опять же, «подкачать»…

Пост совсем не про это. А про что он – я лучше Шмемана всё равно не скажу. Тем более, что тут никого уговорить не удастся, подлинный его смысл каждый может открыть только для себя, в свете грядущей радости Христова Воскресения.

7. Пост в купальный сезон

Вот и закончился Петров пост, можно подводить его итоги. Но я сейчас не о духовных вопросах, а скорее об очень земных, практических. На какой бы день ни приходилось начало этого поста, но завершается он всегда в один и тот же сезон: купально-отпускной. Православная общественность (в основном, дамская) в очередной раз уточняет степень православности своего внешнего вида: можно ли ей пользоваться обычными купальниками, или требуются какие-то особые, и если особые, то какой именно длины, и не слишком ли тогда эти купальники будут походить на мусульманские? Тут же, конечно, всплывает тема юбок и платков...

Людям свойственно беспокоиться о том, как они выглядят, встречают-то нас действительно по одежке. Но есть и еще одна православная подробность, о которой как-то не принято говорить вслух: а как нам поститься в отпуске?

Это, на самом деле, совсем нетрудно, особенно Петровым постом. На адриатическом берегу Черногории, где я пишу эти строки, полным-полно фруктов, в любом кафе можно заказать на обед рыбу или морепродукты. Только цена будет соответствующей: порция постного жареного осьминога стоит в три-четыре раза дороже, чем простое «дежурное блюдо», которое, конечно, включает для сытости мясо. А вино... воздержаться вроде бы нетрудно, но это ведь классика жанра: усыпанное звездами южное небо, шелест прибоя, дружеская беседа на набережной или балконе за стаканом доброго вина.

Народ, конечно, находит выход из положения, записывая себя в «путешествующие». Подходя формально, так оно и есть: мы не дома, так что заниматься готовкой постных блюд слишком хлопотно, а наесться одними фруктами не всякому удается (да и желудок протестует). Так что есть причины вести себя «по-походному». Но если задуматься, то это ведь тоже не совсем честно: послабления для путешествующих были введены в те времена, когда сами путешествия были долгими и непредсказуемыми, а от путников требовалось немалое напряжение физических сил. Да, таким путникам не обойтись было без мяса.

А нам без осьминогов? Тут вот и задумаешься, насколько вообще пост совместим с отпуском, если подходить не формально. Отпуск, по самой своей сути – время отдыха, расслабления, общения. Время праздника. А пост – это ровно наоборот, и перемена меню тут мало что изменяет. В результате носим православные купальники, едим в кафе frutti di mare, – и все это стоит дороже, выглядит изысканнее. Возникает, и не только в отпуске, целая субкультура, «православный гламур»: обмен рецептами и фотографиями, реклама соответствующих товаров. Всё по благословению батюшки и рекомендациям журнала «Cosmopolitan».

Конечно, каждый может выбирать себе стиль жизни по вкусу, и я вовсе не хочу осудить тех, кто выбирает такой стиль. Мне он совсем не близок, потому что в христианстве я привык видеть принципиальный отказ от следования духу сего суетного века. Когда сарафаны и косоворотки были одеждой простого народа, их ношение не означало ровным счетом ничего, но сегодня это утонченное стилистическое решение, своего рода вызов толпе, одетой в джинсы и свитера. Хочешь такое носить и питаться в начале июля осьминогами – на здоровье, это красиво и вкусно. Но православие тут, на мой взгляд, не при чем, оно про что-то другое.

Впрочем, и пост не сводится к кулинарным ограничениям, как мы старательно себе напоминаем перед началом каждого поста (и потом все равно 9/10 наших постных усилий сводятся именно к ним). Дома у большинства православных есть привычные храмы и батюшки, а у многих на примете и такие, к которым «ни ногой»... А вот в отпуске – пойдешь ли в незнакомый приход, где свои порядки и обычаи, где еще не известно, как примут? Подойдешь ли на исповедь к священнику, которого видишь в первый раз в

жизни, да еще если он говорит на ином языке? Вот такая ситуация и позволяет нам понять, чего именно мы ждем от богослужения, насколько оно нам вообще необходимо.

Наверняка непросто и тем священникам и прихожанам, которые служат в курортных местах: как принять всех этих чужаков со своими привычками и ожиданиями? Но в их положении я никогда не был, так что сказать про него ничего не могу. Только отмечу, что одно из самых ярких и светлых впечатлений от Черногории – это неожиданной теплый, даже, можно сказать, горячий прием, который мы встретили в первой попавшейся церквушке. Может быть, дело еще и в том, что мы были «руси, братски народ» – но наверняка не всё тут определялось национальностью. В такие моменты действительно начинаешь понимать те высокие слова о Церкви и Царствии, которые мы так легко произносим, но которые, увы, далеко не всегда находят соответствие в прозе нашей жизни.

Служба, которая велась одновременно и на сербском, и на церковнославянском языке (и никто не смущался!), в каких-то деталях отличалась от нашей, равно как и убранство храма. Например, в сербской церкви сразу бросится в глаза национальный флаг на видном месте, а после исповеди тебе предложат поцеловать крест и епитрахиль (вместо наших креста и Евангелия). С одной стороны, эти различия только подчеркивают единство в главном, а с другой – заставляют задуматься о смыслах, которые несут в себе все эти символы.

Может ли отпускная поездка оказаться духовным путешествием, если мы не отправляемся в паломничество к святыням, а банально едем загорать и купаться? Может, безо всякого сомнения, и далеко не только в пост. Мы вырываемся из привычной обстановки, и тут самое время понять для себя самих: в чем именно заключается наше христианство? Все эти бесконечные частные вопросы: какой купальник надеть, что заказать в кафе, куда пойти в праздничный день, – они ведь отражают какие-то главные ценности на практическом, повседневном уровне. Что есть наше христианство, как высокие идеи сочетаются с бытовыми подробностями, и как нам сохранить одно и не утратить другое – это наш вечный вопрос, и кто сказал, что в отпуске он теряет свою значимость?

Освободившись от повседневной рутины, как раз и находишь время и силы всерьез задуматься о самом важном. Пост, как и отпуск – самое время для этого.

8. Вопросы не о богослужебном языке

В 2011 году Патриарх пригласил на Страстную и на Пасху в Москву делегацию молодых христиан из Европы, их принимал в том числе и наш приход. В самом деле, трудно найти другой способ всего за несколько дней показать человеку глубину, красоту и мощь русского Православия. Да мы и сами сознаем: много у нас всяких неурядиц, но когда подходит Страстная и мы собираемся в храмах, вспоминая спасительные страдания, когда готовимся встретить Воскресение – тут высшая точка нашего христианства, и собирает нас, конечно, богослужение.

Впрочем, и в другие дни обычным ответом на любые вопрошания часто становится «неукоснительное посещение богослужений». Что вообще должен делать в жизни христианин, чем отличается он от других людей? Тем, что ходит в храм, постится и молится дома. Как поступить в сложной ситуации, как найти верный выход? Сходить в храм, поститься и молиться. А что делать, если само богослужение бывает для кого-то непонятным и утомительным? Ну, надо чаще (вы уже поняли!) ходить в храм, и дома тоже поститься и молиться. В самом деле, все остальные вещи спорны и неоднозначны, а тут заранее известно, что и как происходит, устав всё предписывает, а мы следуем ему и всё понимаем. Или не очень следуем… и не очень понимаем?

Об этом невольно начинаешь задумываться как раз на великолепных службах Страстной. Мы с одиннадцатилетним сыном зашли на службу Двенадцати Евангелий в ближайшую к дому и потому непривычную церковь (да, у жителей мегаполиса часто выходит именно так, свой храм далеко, а соседний – он случайный). Священник размеренно читал нараспев, ему отвечал хор, но акустика была не очень хорошей. «Столп злобы Богопротивный Божественные отроцы обличиша; на Христе же шатающееся беззаконных соборище советует тщетная, убити поучается живот Держащего дланию»… из всего этого ухо выхватывало только отдельные слова, они звучали торжественно и создавали торжественное настроение. Сын торжественность оценил… но получаса ему вполне хватило. И даже если бы исполнилось это чтение артистом Малого театра в идеальных условиях, скажем честно – кто из взрослых, не говоря уже о детях, поймет на слух подобные фразы? И даже если придет в храм двадцать раз подряд – заучит эти слова наизусть раньше, нежели расшифрует их значение. Одна знакомая гречанка сказала мне, что греческий оригинал тут понимается гораздо легче, чем буквальный и тяжеловесный славянский перевод. В славянском, например, нет артиклей, которые в греческом помогают понять, что с чем согласовано и к чему относится.

Вот и опять, подумает читатель, завожу я речь о переводе богослужения на современный русский язык. На самом деле, [я об этом уже писал](#) полтора десятилетия назад, и к сказанному тогда мне нечего добавить сегодня, разве что ссылки и примеры можно было бы привести посвежее. Но речь в таких разговорах на самом деле идет не совсем о богослужебном языке, или даже совсем не о нем. И без споров ясно, что церковнославянский понятен нашим современникам лишь отчасти и что в идеале всякий молящийся должен ясно понимать смысл молитвы, а не просто произносить благочестивые звукосочетания, и что поголовной ликвидации славянской неграмотности не случилось за первые двадцать лет церковной свободы и вряд ли стоит ожидать ее в ближайшем будущем. С другой стороны, реформы дело тонкое, и может выйти только хуже – это тоже ясно.

Но споры о богослужебном языке ведутся так упорно и горячо как раз потому, что речь идет здесь скорее о месте Церкви в нашем обществе и в этом мире, о ее смысле и назначении здесь и сейчас, применительно лично к нам. Правильные ответы можно найти в катехизисах, но они будут слишком общими и мало помогут. Может быть, отчасти потому, что сами вопросы обычно не проговариваются вслух?

Я постараюсь сейчас сформулировать некоторые из тех вопросы, которые мы, на самом деле, обсуждаем, говоря о языке богослужения. Ответов на них у меня нет, и я

уверен, что дать простой и однозначный ответ на любой из них сейчас было бы просто невозможно: слишком разными бывают люди и ситуации. Рассуждать об идеалах, конечно, можно до бесконечности, и зачастую подобные разговоры и сводятся к перечислению абстрактно правильных формулировок. Но в этом не видно большого смысла. А вот если вернуться к российским реалиям начала XXI века, вопросы я бы задал такие:

1. Чем мы вообще руководствуемся в своей богослужебной практике? Наступает пост, достается с полки Триодь... и вот мы служим вечером утреню, утром вечерню (в том числе и литургию преждеосвященных), а часы либо не служим вообще, либо «приклеиваем» их все разом к той самой утренней вечерне. Это что угодно, но это не устав, и даже не сокращение его, а какая-то серьезная адаптация. Но насколько можно, насколько нужно перерабатывать устав? И насколько железобетонным и нерушимым является этот нынешний порядок, который мы привычно называем словом «обиход»? И, соответственно, кто и как вправе всё это менять, и ради каких целей?

Я был один раз в монастыре, где служили действительно по уставу, семь раз в день: утреня утром, часы в положенные часы, литургия, вечерня, полунощница... монахам до церкви было не больше пяти минут ходу, и это действительно была жизнь, наполненная молитвой. Но каждая служба при этом была совсем не длинной и не утомительной, и вполне уставной – по бенедиктинскому уставу. Это была обитель Св. Мартина в Лигюже, во Франции. Понятно, что в приходских церквях и во Франции никто не служит семь раз в день, и вообще горожане даже единожды в день до храма не всегда добираются. Вот и возникает желание отслужить разом всё, что положено, «залпом». А прихожане уж на что попадут, уж сколько выстоят, столько им и достаточно. И, соответственно, что сумеют понять, то и поймут, и хватит с них.

2. Но тогда для кого сберегается всё это богатство византийской гимнографии? Когда писались наши прекрасные каноны, тропари и стихиры, большинство населения было неграмотным, книги были редки и дороги. Для простого человека была одна возможность ликвидировать свою богословскую безграмотность: прийти на службу и выслушать, что читается и поется. Именно поэтому многие ключевые песнопения повторяются по два или три раза, в них постоянно раскрываются одни и те же догматы веры. Но сегодня всё поменялось: богослужение понимается плохо, и прихожанам советуют... наоборот, прочитать сначала дома текст службы, желательно с переводом и комментарием, чтобы его понимать. И на службах Страстной всё больше в храмах людей, которые следят за службой по книжке.

Так для кого всё это читается или поется? Для прихожан? Но они понимают плохо, если заранее сами не прочитали текст. Для Бога? Он вряд ли нуждается в наших напоминаниях. Для священника, чтеца и хора? Или просто для порядка?

3. А отсюда возникает следующий принципиальный вопрос: кто у нас за богослужением прихожане – клиенты клира или полноправные участники? Многих вполне устраивает пассивная позиция: в храме совершается положенное священодействие, там знают, как надо, наше дело – просто прийти и отстоять службу. Если получится вникнуть в текст, хорошо, а если нет, тоже не страшно. Главное, чтобы богослужение состоялось и мы на нем присутствовали.

Нельзя не увидеть ущербность этой позиции... но с другой стороны, а что еще можно предложить человеку, от которого, собственно, ничего и не требуется, кроме внутреннего настроя? Несколько раз довелось мне бывать в храмах, где прихожан запросто приглашали почтить канон на утрени, или часы, или молитвы. Кого угодно, даже если люди сбивались, даже совсем новоначальных, читавших прямо по книге «Слава, и ныне» или «Господи, помилуй сорок раз». Эти люди становились из зрителей соучастниками, зато страдали плавность и великолепие богослужения. Что важнее?

4. Соответственно, надо ли вообще прихожанам вникать в богослужение, или пусть «душа с Богом беседует напрямую», как сформулировал это один человек? Тогда как раз

малопонятный, но торжественный фон очень полезен: настраивает на соответствующий лад, но в то же время оставляет простор для такого вот собеседования. Неважно, что человек не понимает точного смысла прочитываемых слов, важно, что он проникается их настроением. И в самом деле, если в слова вдумываться, придется как-то реагировать на них, что-то менять в своей жизни. Настроенческое собеседование, конечно, проще, потому что никого ни к чему не обязывает.

5. Но если все же вдумываться в тексты, то возникнет следующий вопрос: должна ли византийская образность и обрядность в своей культурно-обусловленной части сохраняться для всех и навсегда? Догматы нашей веры не меняются, но меняется мир, в котором мы живем. Когда-то образы и подобия, взятые от византийского двора, объясняли невыразимое, сегодня они сами нуждаются в объяснении (классический пример – выражение «ангельскими невидима дориносима чинми», изображающее ангелов в виде дворцовой стражи). Пока эти образы прикрыты полупрозрачной занавесью славянского языка, пока они способствуют созданию торжественного настроя, всё в порядке. Но как только мы захотим понять их смысл и выразить его на современном русском языке, мы увидим, что понимание тут невозможно без какой-то серьезной культурной адаптации. Что же делать: обучать прихожан тонкостям византийского придворного ритуала (но тогда и славянский выучить им будет нетрудно), или заменить византийские реалии какими-то другими (но тогда уже потребуется не перевод, а создание новых текстов)? Оба решения вызывают немало возражений.

И принятие любого из них, конечно, в конечном счете, потребует от нас какого-то внятного ответа на вопрос, что есть Православие, как сочетаются в нем византийские ризы с евангельской простотой, средневековые обряды с вечной актуальностью, особые культурные формы с вселенским призванием. И как сочетаемся со всем этим мы, такие разные, с такими несходными потребностями и запросами... Уже говорилось не раз, что нынешний «обиход» ориентирован в основном на немолодых женщин без высшего образования, которым нужно не точное понимание, а возвышенное настроение, которые склонны довериться в богословских вопросах клирику и удовлетвориться решением вопросов бытовых. Конечно, так сложилось исторически: в советское время именно пенсионеркам не мешали ходить в храм, вот они и вынесли всё на своих плечах, вымостили новую свободу, сберегли огонек веры для будущих поколений. Но есть тут и другая причина: с такими женщинами клирику намного проще, чем с другими категориями прихожан. Они и вопросов лишних не зададут, и батюшку накормят-напоят, и сами заставят равняться на себя молодых да слишком умных. Вот, видимо, главная причина, по которой воспроизводится этот образец и в наши дни, хотя нынешние пенсионерки в советское время в церкви не бывали, а нынешние молодые батюшки его и вовсе не застали, кроме как в детсадовском возрасте.

Еще раз повторю: я не знаю, как решать все эти вопросы, и никто, по-моему, не знает этого наверняка. Но я уверен в одном: общих решений нет и быть не может, слишком разные у нас приходы, настоятели и прихожане. И поиск решений должен проходить, по моему разумению, по пути, указанному в древние времена Св. Викентием Лирийским: «в главном единство, во второстепенном свобода, во всем – любовь». Напомню, что именно эти слова произнес во время своей интронизации Патриарх Кирилл. Ничего не будет страшного в том, что в одном храме будут служить не совсем так, как в другом, что вопросы эти будут решаться несколько по-разному (да уже сейчас так и происходит, на самом деле), если при этом мы все будем помнить о том главном, что нас объединяет, будем хранить верность и любовь.

Слишком часто происходит у нас так, что внешним единообразием стремятся прикрыть глубокие внутренние расхождения и противоречия, не говоря уж о подмене любви всевозможными «послушаниями» и «смирениями». А потом вдруг обнаруживается, что кто-то уходит в открытый раскол, а кто-то, оставаясь в рамках единого церковного организма, фактически перенимает раскольничью психологию и себя

почитает столпом и утверждением истины, а всех несогласных – еретиками. И тут уже неважно, кто на каком языке молится, кто как относится к византийской обрядности, и что вообще думает по второстепенным вопросам.

«Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» – так сказал еще апостол Павел (1 Коринфянам 11:9). Между прочим, слово, которое переведено здесь как *разномыслия*, по-гречески αἱρέσεις, стало впоследствии обозначать *ереси*. Вот и читай эти слова апостола как хочешь: то ли как призыв к братскому обсуждению своих разномыслий в духе взаимопонимания и любви, то ли как призыв к обличению нечестивых еретиков, лично со мной несогласных. И никак нам тут в рамках лингвистики не удержаться – не о языке это вопрос, а о вере, надежде и любви.

9. Возвышенность языка

Самый первое произведение греко-римской античности, в котором упомянута Библия (еще только Ветхий Завет) – это трактат «О возвышенном», написанный неизвестным автором около 50 г. н.э. Среди прочих примеров возвышенного стиля там приводилась и книга Бытия. Можно, конечно, удивляться, почему о Библии греки и римляне впервые заговорили с точки зрения стиля, а не содержания, но ведь это не так уж и странно, если разобраться. Вникнуть в суть этой книги, услышать весть о Едином Боге и о сотворенном Им мире – это достаточно сложно и ответственно. А вот оценить стиль, его величавость и красоту – для этого не нужно особого труда, да и не обязывает такое признание ни к чему. Сказать «книга Бытия проповедует нам Единого Бога» значит встать перед самым серьезным выбором: поверить в этого Бога и изменить свою жизнь, или отвергнуть эту весть. А вот сказать «ее язык возвышен» можно без таких серьезных последствий.

Нечто подобное происходит и сегодня. Нередко люди ценят в Церкви и во всем, что к ней относится, прежде всего возвышенность, неотмирность. Когда заходит речь о возможности перевода богослужения на русский язык, единственный, по сути, аргумент, который выдвигается против – это как раз необходимость сохранять для общения с Богом особый язык, который само по себе включал бы молящихся в церковную традицию и не был бы «испорчен» повседневным употреблением. Аргумент всего один, но для тех, кто его выдвигает, он побеждает любые другие соображения. Примерно то же самое касается и переводов Библии на русский и другие языки: их допустимость признают сегодня все (еще полтора-два века назад это было не так), но главная и зачастую единственная претензия, которая выдвигается ко многим новым переводом, касается как раз обыденности языка. Писание не должно звучать как обычное художественное произведение, ему подобает свой, священный стиль, – говорят критики.

Насколько справедливы подобные утверждения? Трудно сказать однозначно. С одной стороны, всё, что относится к области священного, всегда и у всех народов отличалось от обыденного. Собственно, в Библии слово «святой» изначально и значило «избранный, отделенный для Бога». Так и на нашей литургии возглас «святая святым» вовсе не говорит о личной святости всякого, кто принимает причастие, но скорее о том, что в храме собрался Божий народ, и что происходящее здесь отличается от любых событий за его стенами. Храмовые облачения не похожи на повседневную одежду, а чаша с дарами – на обеденную посуду. Вполне естественно, что и священные тексты будут непохожи на повседневную речь.

Но возможна и другая ситуация – мы с ней встречаемся обычно в музее, хотя и в действующем храме такое тоже бывает. Церковная утварь, облачения или архитектура могут оказаться настолько ценными, что их просто перестают употреблять по прямому назначению, чтобы они не испортились и не обветшали; чашу могут вынести, показать – и унести обратно. Священные предметы помещают в особое место, где они будут сохраняться в неприкосновенности, и не всегда к таким реликвиям открыт доступ. Они уже настолько отделены от повседневности, что просто не соприкасаются с ней.

При этом люди могут вовсе не тяготиться таким положением дел. Ну кто, в самом деле, захочет держать дома драгоценный музейный экспонат? Пусть он останется там, где его сохранят, о нем позаботятся. И мы можем иногда прийти и полюбоваться на него, и как раз очень важно, чтобы он сохранялся в неприкосновенности. Примерно так рассуждают обычно о церковной жизни люди, которые в этой самой жизни участвуют два-три раза в год, или даже два-три раза в жизни (венчание-крестины-отпевание). Им очень важно, чтобы Церковь сохраняла свою аутентичность, чтобы экспонат не подменили. Так и анонимный греческий автор любовался еврейской книгой Бытия – но вникать в ее смысл совершенно не хотел.

Среди охранителей есть, наоборот, и такие люди, которые чуть ли не ежедневно соприкасаются со святыней, знают и понимают если не всё, то почти всё, и они как раз не нуждаются ни в каких переменах. Для них вхождение в этот мир возвышенной архаики было трудным, но радостным, они знают, что этот путь не закрыт ни для кого – и потому предлагают всем желающим последовать их примеру.

Но не все хотят следовать, как не все любят читать изысканную поэзию или любоваться музейными экспонатами. Для таких людей возвышенность языка не обязательно достоинство, она скорее связана для них с непонятностью. Им хочется услышать на богослужении и прочитать в Библии, как жить и что делать здесь и сейчас, и не вникать при этом в грамматические и стилистические тонкости. В конце концов, говорят они, ко Христу мы приходим, или к плюскувамперфекту? А Христос говорил с апостолами на самом простом, разговорном языке. Да нет же, отвечают им охранители, молился Он уж, во всяком случае, на особом, священном языке, и Евангелие написано возвыщенно...

Не вполне правы тут обе стороны. В Библии, и в Евангелии в частности мы найдем примеры очень разного стиля – к сожалению, мало какие переводы обращают на это внимание. Евангелист Марк писал предельно просто, порой даже с грамматическими ошибками (если судить по строгим меркам школьных правил), он и был простым человеком – а вот Лука получил хорошее образование, и в своем Евангелии он употребил самые разные стили. Так, обращение к Феофилу, с которого начинается его Евангелие, следует всем правилам греческой риторики, а песнопения первой главы («Величит душа моя Господа» и др.) подражают поэтическим текстам Ветхого Завета. Точно так же и в нашем богослужении мы можем найти тексты предельно простые и мощные именно в этой свое простоте (например, Трисвятое), и одновременно сложнейшие богословские построения, практически непонятные человеку без специального образования.

Но было бы неверно связывать сложность предмета с возвышенностью стиля. Как раз тот самый анонимный античный автор говорил о суровой простоте первых слов Бытия: «В начале сотворил Бог небо и землю». Возвыщено могут звучать очень разные тексты: и витиеватое плетение словес, и предельная лаконичность. Более того, возвышенность не является принадлежностью какого-то одного языка, например, церковнославянского. Как любой намагниченный кусок железа имеет два полюса, и если его разрубить пополам, то и каждая из половинок сохранит оба полюса, так и любой язык с литературной традицией имеет свое просторечие и свой высокий стиль. И эти два полюса распознаются людьми почти бессознательно, как магнитное поле действует на металлические предметы.

Именно поэтому, когда люди открывают, к примеру, новозаветный перевод «Радостная Весть» и встречают там слова «проститутка» и «брюхо», у многих из них возникает резкое отторжение, и едва ли оно какие-то другие черты этого перевода помогут его преодолеть. Но ощущение возвышенного или повседневного создается не только выбором слов, но и подбором синтаксических конструкций, даже порядком слов. «И сказал Авраам» звучит куда более по-бibleйски для русского читателя, нежели «Авраам сказал». Конечно, на самом деле первый вариант – самый естественный для древнееврейского языка, где сказуемое обычно идет впереди подлежащего, а повествовательные предложения часто начинаются с союза «и». Для древнего еврея это была самая обычная фраза – но для русского читателя это уже непеременный признак возвышенного библейского языка, и с его ожиданиями нельзя не считаться.

Иными словами, говорить о Боге на языке подворотни действительно недопустимо. Но это не означает, что о Нем можно говорить только на искусственном языке с какими-то особыми словами и конструкциями. В конце концов, язык классической русской литературы для наших современников уже есть язык возвышенный. Лингвисты недавно провели эксперимент: предложили добровольцам носить при себе некоторое время диктофон, который записывал всё, что они произносили. Потом эти записи расшифровали – так, как расшифровывали бы запись речи какого-нибудь племени на далеких островах,

ничего не зная еще о его языке. Результаты ошарашили ученых: в повседневной речи мало что сохраняется из тех правил и норм, которые нам преподают в школе как непреложную истину.

Понятность и одновременно возвышенность языка – вот те два столпа, на которых, полагаю, должен держаться стиль, которым мы говорим о Боге. Возможности у нас для этого есть, и нет никакой нужды выбирать между языком подворотни и нарочитой архаикой – в конце концов, есть великая русская литература и ее язык, переживший века, одновременно понятный даже школьникам и очень непохожий на то, как говорят между собой эти школьники на перемене.

10. Фунт чухонского масла

Когда-то давно меня поразила небольшая кулинарная заметка в пасхальном выпуске одной епархиальной газеты. Я уже не помню, что именно предлагалось там приготовить к празднику, но начинался рецепт так: «возьмите фунт чухонского масла...» Ясное дело, перепечатка из дореволюционного издания. Но все ли читатели газеты знают, где достать «чухонское масло», все ли привыкли отмерять его фунтами? Получается, что рецепт вовсе не был рассчитан на практическое применение. Это был идеальный рецепт для идеальной православной газеты, и только. В советское время в заводских многотиражках точно так же писали «решения такого-то съезда – в жизнь!», не имея при этом в виду ничего конкретного.

Но кулинария – это ладно. В другой православной газете я увидел ответ на вопрос читательницы. Вопрос был довольно типичный: что делать, если муж пьет? Читательница объяснили, какие акафисты и перед какой иконой читать. На самом деле, конечно, дать конкретный совет по одному письму было бы просто невозможно, тут надо долго и подробно вникать в ситуацию, и вообще это задача для нарколога и семейного психолога, а не для газетной рубрики.

Но точно такие же вопросы приносят люди и в храм: про семейные неурядицы, конфликты на работе или с соседями, да и про любые житейские проблемы приходится выслушивать священнику вместе с исповедью или вместо нее. Кто из них построже, осадит; кто помягче – пожалеет; любой предложит молиться, а кто-то даст и практический совет. Но самое страшное, что может священник в такой ситуации сделать – это начать возвещать волю Божью о кающемся, а заодно обо всех его родных и знакомых. Сей недуг у нас называется «младостарчеством», и он уже был многократно осужден.

Человек подходит к аналою, по сути, за рецептом для решения некоторой жизненной проблемы. У аналоя этот рецепт ему дать, за редчайшим исключением, просто не могут, а куда еще обратиться – тоже не подсказывают. Конечно, сейчас выходит всё больше разной литературы, в том числе и на тему пьянства или семейной жизни, существуют и православные психологи, врачи, адвокаты, которые могут помочь соратьям по вере. Но как же их все-таки мало! Так что человеку скажут: что ж, будем молиться, смиряться, и Господь всё управит.

Вот и получается, что в Церковь человек приходит с ворохом проблем, ему сразу говорят о главном, но как конкретно решить эти проблемы, по-прежнему остается загадкой. И он либо идет в мир и начинает жить там по законам этого мира, как и любой неверующий, либо закрывается в собственной скорлупе и этот мир просто по возможности игнорирует. Оба решения не назовешь идеальными.

Зато идеальными легко можно назвать те разговоры, которые ведутся в православной среде на любую практическую тему. Начинается пост – и значит, СМИ сообщают нам про мясо-молоко-яйца-рыбу, а православная блогосфера в очередной раз будет горячо выяснять, можно ли есть черепокожих и действительно ли супругам совсем-совсем нельзя заниматься сексом, или возможны послабления. Разумеется, в конце будет сказано, что главное – не есть человеков, но это прозвучит уже в виде примечания.

Почему так? В тех разговорах о некоей идеальной ситуации для идеальных людей уже всё давным-давно сказано, аргументы взвешены, так что можно рассуждать безошибочно и безопасно. Но каждый из нас не идеален, и вопрос о поедании креветок в пост явно не входит в топ-десятку (и даже сотню) наших духовных проблем. В светских СМИ своя картина: наши «властители дискурса» любят порассуждать о Вере, Церкви, Русском Народе, Духовности и Нравственности. Когда потом узнаешь, как ведут они себя в обычной жизни, возникает порой вопрос: а что, собственно, они имели в виду под этими словами? Да видимо, не врали: просто говорили о некоем идеальном мире, как в свое время на собраниях рассуждали о коммунизме. А жили и живут все эти люди в мире реальном, устроенном совсем иначе.

Вот известный журналист Дмитрий Соколов-Митрич поступил иначе: написал [честную статью](#) «Технический христианин», основной смысл которой можно изложить так: «вообще христианство – это замечательно, но что-то как-то во мне его маловато». Эта статья вызвала серьезные отзывы, уже потому, что она излагает реальную проблему реального мира, актуальную для множества людей. Но отзывы сводятся в основном к повторению правильных фраз и цитат из Писания. Получается такой же диалог, как и в случае «муж пьет – читай акафист»: называется проблема – дается готовый, заведомо правильный ответ. Плюс наше вечное стремление к перебору терминов: какой христианин у нас воцерковленный, какой нет, какой «технический», а какой – «этнический». Сразу вспоминаются черепокожие и чухонское масло.

Чтобы проблему действительно решить, ее сначала нужно проанализировать. Почему пьет муж, почему Соколов-Митрич не живет как христианин значительную часть года? Просто потому, что слаб? Это универсальный, идеальный ответ – и потому он не работает. Мы, слабые и грешные, не забываем зубы чистить два раза в день, и множество других рутинных и скучных дел совершают, так что если молимся от случая к случаю – значит, есть тут какая-то причина. Значит, не находит человек в христианстве чего-то настоящего, достаточно ценного для повседневной жизни. Почему не находит, что можно сделать, чтобы нашел? Вот тут нужно разбираться долго и подробно, и было бы здорово, если бы тот же Соколов-Митрич помог нам разобраться.

И высказывается в этих разговорах шокирующая, но реальная гипотеза: а может быть, всё дело в том, что мирянин в церковной жизни ничего не значит и ничего не решает? Вот он и не стремится к ней... Недавно был принят новый приходской устав. По прежнему уставу на каждом приходе всё решал церковный совет, который, в частности, приглашал к себе священника. Я не знаю в России приходов, жизнь которых проходила бы по этой модели. По новому уставу всё решает епископ и назначенный им настоятель, доколе епископ им доволен. И можно при этом сколько угодно говорить, например, о соборности.

Этот устав возвращает нас в мир реальный: такая модель у нас действительно сложилась, и надо признать, что большинство церковных людей с ней согласны. Во всяком случае, за новый устав приходские советы проголосовали; очень редко можно услышать голос протеста, и, как мы видим на примере о. Павла Адельгнейма, обычно [такой голос](#) не получает заметной поддержки.

Но надежда есть. Наше нынешнее положение совершенно не идеально – но мы хотя бы начинаем всерьез говорить о том, каково оно. Еще десяток лет назад за всеми разговорами о «возрождении духовности» просто не обращали внимания на реальность, не измеряя ее числом открытых монастырей и храмов.

А в заключение я хотел бы предложить читателю задачу, на которую я сам не знаю ответа. Мы очень много сегодня говорим о миссии среди молодежи, ведь приближать нашу реальность к желанным идеалам предстоит именно молодым. Мы долго и подробно рассказываем им о христианстве, но есть такие темы, переходя к которым, мы сразу уходим в область общих фраз об идеальном. Прежде всего, это тема брака.

В свое время Церковь просто приняла существующий в светском обществе институт: юноша и девушка объявляют о своем желании жить вместе, вести общее хозяйство, хранить друг другу верность, рожать и воспитывать детей. Такой союз Церковь благословила (при этом особого обряда венчания долгое время просто [не существовало](#)), а всё остальное назвала блудом.

Нынешняя реальность такова, что у молодежи между явным блудом и несомненным браком существует множество переходных позиций – да и слов таких, «брак» и «блуд», никто не употребляет. Люди «встречаются» или «живут вместе», и венчание для них – просто красивый старинный обряд, штамп в паспорте – пустая формальность. В нынешней культуре есть очень много «ступеней совместности», принято переходить от одной к другой постепенно, в расторжении таких союзов (даже и со

штампом и венчанием) тоже трагедии обычно не видят. Что может сказать об этом Церковь? Может ли назвать четкие критерии, отделяющие грех от подлежащего благословению союза? Или она предложит некие общие принципы, предоставляя конкретные решения совести каждого? Я знаю парней и девушек, для которых этот вопрос весьма актуален, но я не знаю ответа.

И еще я уверен, что стоит говорить с нашими современниками не о фунтах чухонского масла, а о насущных вопросах их жизни. У нас может не быть готовых ответов, но это даже хорошо – поищем вместе!

11. КПСС и РПЦ

«Вы хотели бы, чтобы Церковь заняла освободившуюся нишу КПСС» – услышал я однажды от одной из читательниц моих статей. Не хочу, разумеется, и более того, даже не знаю таких, кто хочет залезть в эту нишу. Советский Союз оттого и развалился, в конечном счете, что сама КПСС устала ее занимать – вот одни из ее руководителей и начали рассуждать о «социализме с человеческим лицом», а другие срочно всё приватизировали, чтобы отныне распоряжаться богатствами страны не от имени и по поручению, а в качестве законных собственников.

Но периодически приходится слышать от самых разных людей такую страшилку: РПЦ заменит нам КПСС, введут Закон Божий в школах и обязательные справки об исповеди на работе, за неблагочестивое поведение будут штрафовать, а за ересь – и вовсе сажать в тюрьму. При этом никто из людей церковных ни о чем подобном не мечтает, и это понятно: зачем брать на себя непосильную ответственность, зачем заставлять людей лицемерить? Невольник – не богомольник.

Так что прежде всего: расслабьтесь, граждане, ваши опасения напрасны. Не будет у нас насилиственного православия уже хотя бы потому, что сил у нас не хватит его ввести, а желания нет и подавно.

И все-таки не так всё однозначно… В первой половине девяностых мне довелось слышать, как один весьма образованный священник, занимавший значительную должность, выступал перед своими слушателями и говорил им примерно следующее: «Советский Союз развалился потому, что был основан на ложной идеологии, в которую люди не верили. И сегодня мы должны…» Тут я представил себе завершение его речи: должны не повторять чужих ошибок, не пытаться ввести новую идеологию. Но батюшка продолжил совсем не так: «…должны дать людям новую, истинную идеологию, с которой они и будут жить».

То есть возможен сценарий не полного и однозначного сползания к образцу КПСС, а такого частичного возвращения. Не будет обязательных партсобраний или молебнов, но зато будет простая и ясная идеология для народа, и основана она будет на православии. Как наш нынешний российский герб включает в себя византийскую символику, так и идеологическое наследие Византии, Руси и Российской империи может быть органично вплетено в нашу нынешнюю государственность, может породить ту самую великую идею, об отсутствии которой кто только не говорит.

Выступая на приеме у Краснодарского губернатора как раз тогда, когда разворачивалось расследование преступлений в станице Кущевской Краснодарского края, [Патриарх Кирилл ответил](#) на подобные настроения: «Идеология живет в течение трех, максимум четырех поколений людей… Церковь проповедует не для того, чтобы становиться сильной, храмы нужны не для того, чтобы собирать в них деньги, не для того, чтобы правящий архиерей чувствовал себя этаким местечковым князем. Сегодня мы создаем все это для того, чтобы возродить нравственное чувство в людях».

Кстати, речи руководителей КПСС цитировались журналистами потому, что так было положено, в этом и состояла их основная работа. Я привожу сейчас слова Патриарха по совсем другой причине: я с ними полностью согласен. Каковы опасности слишком тесного привязывания церкви к определенному государственному строю, мы видим на примере 1917-го года, но дело не только в исторических precedентах. Церковь по определению говорит о вечном, и пытаться заставить ее обслуживать сиюминутные, пусть даже очень важные и хорошие интересы государства или общества – то же самое, что делать из храма овощехранилище, как было при той самой КПСС.

Но значит ли это, что церкви с ее верой в вечное просто нет никакого дела до «житейского моря» с его страстями и бурями? Та самая моя читательница говорила мне: если в храме совершается литургия, чего же еще требовать, чего еще ждать? Интересно, что в этом отношении она вполне согласна с атеистами, с той самой КПСС: при ней в

оставшихся храмах разрешалось служить литургию, не разрешалось только выходить за церковную ограду, как бы то ни было участвовать в жизни общества. Церкви была отведена роль резервации для дикарей: пусть себе отправляют там, за прочным забором, свои нелепые обряды, и для иностранных туристов это привлекательно смотрится, а вот реальная жизнь пусть течет по совсем другим законам.

Но и с этим нельзя согласиться. Литургия необходима, но если необходима только она, это означало бы превращение церкви в «комбинат ритуальных услуг»: вот в парикмахерской граждан стригут, в поликлинике лечат, а тут исповедуют и причащают. Но церкви даже ее недоброжелатели отводят все-таки более значительную роль... Какую же?

Крестившись в 1986 году, я застал еще времена соревнования между коммунистической идеологией и христианской верой (сегодня мы, христиане с «дореволюционным стажем», как это называлось у большевиков, даже склонны этим стажем гордиться). В церкви и тогда было много всяких проблем: например, уровень грамотности рядовых верующих был удручающе низок, и сам я узнал, что существует некий «символ веры», непосредственно в момент своего крещения...

Но церковь очевидным образом предлагала нам иные смыслы и иные отношения. Там, за ее стенами, гремела коммунистическая идеология, в которую к середине восьмидесятых уже почти никто не верил, а здесь люди говорили о чем-то ином и действительно очень важном. Они не были идеальными, но никто из них не был случайным, никто не оказался в храме просто потому, что модно или выгодно. Мы, студенты, приходя в храм, рисковали членством в комсомоле и высшим образованием, но рисковали не сильно – а вот любой, кто официально начинал в храме работать, мог поставить крест на светской карьере. Выше дворника или разнорабочего должность ему бы не дали.

Мы помнили об этом всегда, мы, при всех наших недостатках, были в мире, но не от мира. Сегодня, когда всё стало возможным, это ощущение зачастую утрачивается. Церковь становится просто еще одной формой общественного бытия, еще одним вариантом карьеры, от которого при случае можно легко отказаться, ничего не потеряв (см. случай Охлобыстина). Глупо грустить о временах юности, когда трава была зеленее. Но нельзя не заметить, что теперь, спустя более двадцати лет после выхода церкви из резервации, нам по-прежнему не очень понятно, какую роль может и должна играть она в обществе.

Далее в той речи Патриарх сказал: «На нравственные идеи мы должны опираться в нашей политике, экономике, в деятельности правоохранительных органов, в развитии культуры, потому что нет ничего сильнее и значительнее нравственного начала. Если законы не соответствуют нравственности, они не живут. Если деятельность власти не соответствует нравственным началам, власть нежизнеспособна. Если деятельность правоохранительных органов не соответствует нравственным принципам народа, эти органы воспринимаются, как органы притеснения, давления, а не защиты людей». Заметим, это было сказано накануне побоища на Манежной площади в Москве.

Как и во времена Советского Союза, а до того – Римской империи, церковь может предлагать людям иной взгляд, иную норму поведения, показывать опыт иной жизни. И если в условиях гонений это было возможно лишь внутри самих общин, то сегодня церковь может создавать островки иной социальной реальности.

Вот в очередной раз [прозвучало предложение](#): создавать приюты для женщин, которые собираются сделать аборт, но готовы выносить и родить ребенка, если им будет где и на что жить (а таких немало, поверьте). Нет, не запретить абORTы в масштабах всей страны, а создать иную реальность, пусть для очень небольшого круга людей. Ну и что, что их будет мало? [Первый московский хоспис](#) вмещает всего 30 человек, но он изменил нашу реальность, он показал, что провожать неисцелимо больного человека можно с нежностью и заботой, о чем не принято думать в обществе для здоровых, успешных и

веселых. А в подобных приютах для беременных мы могли бы так же точно встречать людей, приходящих в этот мир... Пусть они не нужны никому, но нужны Богу, а значит, нам.

Ценности отличаются от идеологии тем, что они вечны и конкретны – тем же и церковь отличается от политических партий. Церковь пережила империи, пережила КПСС, переживает, несомненно, и нынешнее серое безвременье. Вопрос в другом: что мы явим страждущему миру, нашей растерянной и бестолковой стране? Способность совершать богослужение, рассуждать о догматах и иконах, восстанавливать стены храмов и монастырей – для самих себя, в конечном счете... или еще и способность жить иначе, лучше, осмысленней, добре – и учить людей на собственном примере не идеологии, не лицемерию, а именно что жизни будущего века, здесь и сейчас?

12. Свое суждение иметь

В дискуссии вокруг [одной моей статьи](#) много говорилось о пространстве личной свободы – и тут же оказалось, как это обычно и бывает, что для одних это величайшая ценность, а для других излишество. Артем Ермаков из Иркутска пишет: «А в Царстве Божием оно есть, это пространство? И зачем оно там нужно? Оно и здесь-то нужно лишь для того, чтобы опровергать общественную ложь Божьей правдой. Но ведь Божьей, а не какой-то там "личной"!» И так думает далеко не один Артем.

Сколько раз в разговорах, а особенно в спорах, доводилось слышать: «это не мое личное мнение, так учит Церковь, так говорят отцы». Говорящий так человек словно бы не ощущает никакой дистанции между собой и отцами, не подозревает, что простое повторение чьих-то слов (да и верно ли понятых?) еще не означает повторения чужого опыта. Я, конечно, могу с утра до вечера обличать моих близких словами Св. Иоанна Златоуста – но это совсем не значит, что в их личной судьбе я сыграю такую же роль, какую Златоуст сыграл в судьбе своей паствы, что я вообще стану на него похож. Отказываясь от «собственного мнения», слишком легко можно отказаться от этой собственной жизни в угоду каким-то представлениям о жизни чужой. Но ведь я могу быть только самим собой, могу прожить только свою жизнь.

Опровергать ложь «правдой Божьей», как предлагает Артем, можно лишь в том случае, если ты, в отличие от других, действительно носитель этой правды. И поэтому люди обычно доверяют не тем, кто произносит правильные слова о Боге, а тем, кто делится личным опытом богопознания и богообщения. Не случайно и в Священное Писание у нас входят не катехизис и не учебник догматики, а истории о живых людях: патриархах, пророках, апостолах, – и о том, как в их судьбах проявилась воля Божья. И если они дерзали возглашать эту волю другим, то не потому, что вычитали о ней в книгах, а потому, что лично получили откровение о ней от Бога, лично приняли и прожили это откровение. Так что бесполезно бывает проповедовать «правду Божию», пока она не стала твоей правдой.

«Свое суждение иметь», в том числе и в Церкви – вовсе не излишняя роскошь, а неизбежность. Слишком часто люди спешат объявить «вероучением Церкви» то, что на проверку оказывается схематично понятым и по-своему истолкованным кусочком этого вероучения. Свой личный кусочек правды ставится на место Истины – так, на самом деле, и рождались ереси. И поэтому, говоря публично, в том числе и здесь, я не устаю повторять: я выражаю свою собственную точку зрения, она, как я надеюсь, вполне совместима с верой Церкви, но я не дерзаю говорить от имени Церкви, кроме тех редких случаев, когда читаю символ веры или нечто настолько же бесспорное. Говоря от себя, в чем-то я наверняка ошибаюсь, но цена ошибки совсем не так велика, если это мое частное суждение, и все слушатели признают его за таковое.

Всё это, на самом деле, банальности (хотя их тоже стоит порой напоминать, особенно горячим неофитам), и писать статью только для того, чтобы произнести их в очередной раз, явно не стоило. Я хотел бы призвать задуматься о другом – о том, что пространство личной свободы для нас и в самом деле большая проблема. И не только в церковной, но и в общественной жизни, как прекрасно показало дело Егора Бычкова. Одни говорят: наркоман свободен, и потому может проводить свою жизнь, как ему вздумается. Когда он убьет или ограбит кого-нибудь, тогда, конечно, другое дело, но насилию его удерживать даже в самой лучшей клинике никто без приговора суда не вправе. Если пойти по этому пути, неизвестно, кого дальше начнут принудительно лечить (алкоголиков? любителей компьютерных игр? наконец, диссидентов?) и где будет проведена та грань, за которой человека можно без приговора приковать наручниками к кровати.

Другие им возражают: а что, если человек уже совершенно не контролирует себя и при этом опасен для окружающих? Разве нужно до последнего оставлять нож в руке

маньяка, шприц в руке наркомана (это зачастую одно и то же), или лучше попытаться выбить его прежде, чем совершилось непоправимое? Разве не заканчивается свобода одного гражданина там, где начинается свобода другого – и почему тогда ограбленная наркоманом семья не может отправить на лечение своего пусты даже совершеннолетнего отпрыска, пока он еще никого не убил? Две стороны одной правды. Два разных понимания свободы.

Все признают: прав Егор Бычков или нет, но он начал делать то, чего не делают ни государство, ни общество. Милиция ловит наркоманов ради отчетности или просто вымогательства, дипломированные врачи тоже не за бесплатно выводят их из ломки и отправляют домой жить и колоться дальше. Всем вроде как даже выгодно, чтобы они оставались наркоманами – всем, кроме их близких и людей вроде Егора Бычкова. Как поступить с ним – только одна, и самая легкая часть проблемы. Куда сложнее ответить на другой вопрос: а кто будет вместо него заниматься этими людьми, и как?

Всё это заставляет нас снова задуматься о смысле – а точнее, смыслах слова «свобода». В начале либеральных реформ девяностых годов нам объявили: мы свободны от государства, а государство – от нас. Каждый сам по себе, никто никому ничем не обязан. Только на практике подобный «либерализм» оборачивается законом джунглей, и наркоманы, а равно и их семьи, живут в основном по этим законам. Нет ничего удивительного в том, что семьям это не по душе, и не так уж высоко они ценят гражданские права человека, разум и совесть которого уже подчинены химической зависимости.

Бывает свобода кочевника в диком поле, но современное общество все же предпочитает свободу оседлого землемельца: у каждого свой участок земли, и он волен обрабатывать и застраивать его по своей воле, а государство следит, чтобы его действия не помешали соседям. И вся проблема наркомании сводится, в конечном счете, к тому, что мы предоставляем им гулять в диком поле, запирая от них ворота своих участков – а государство не вмешивается до тех пор, пока не становится слишком поздно.

Порой нам кажется, что в нашей жизни слишком много государства, но это совершенно не так. Все эти вымогатели в погонах, все взяточники в кабинетах, все немотивированно жестокие разгоны митингов, выборные махинации и принятые за закрытыми дверями генпланы – это свидетельство слабости государства, приватизации его функций теми, кто должен был бы ему служить, но ставит его себе на службу. Такое государство бесконечно утомляет и раздражает своих граждан, приставая к ним по всякой мелочи, но даже не берется за подлинную проблему – например, профилактику наркомании. И не удивительно, что при таком раскладе появляются Бычковы, а то и вовсе приморские партизаны, берущиеся за борьбу с наркоманией или коррупцией собственными методами – «в те дни не было царя у Израиля; каждый делал то, что ему казалось справедливым» (Судей 21:25). И когда такое происходит, государство вынуждено жестко пресекать самодеятельность граждан... вот только без толку всё это, если оно не станет само исполнять свои функции, обеспечивая гражданам пространство личной и защищенной свободы.

Нечто подобное происходит и в церковной жизни. Всё это младостарчество с его бесконечными практическими приказами по любому мелочному вопросу, все выступления «против ереси священноначалия» и за «единственно истинное Православие в моем собственном лице» – свидетельство слабости нашей Церкви. И я имею в виду даже не церковную организацию, хотя и это очевидно, слишком уж много примеров, когда монастырь или приход становятся совершенно никому неподотчетными и неподвластными, словно какое-нибудь таежное РУВД, или епархия оказывается маленькой такой абсолютной монархией. Но прежде всего такие вещи свидетельствуют о слабости веры, которая маскируется за внешней категоричностью, жесткостью, бескомпромиссностью, авторитарным стилем управления.

Не бывает суждений без погрешностей, жизни без ошибок, но в Церкви мы знаем, что с ошибками делать. Только сильный человек может позволить себе и другим внешнюю свободу высказываний и поступков в рамках определенного порядка. И только слабый притворяется неживым, чтобы показаться безошибочным.

13. Наука ли богословие?

В середине девяностых я сдавал в Институте философии Российской академии наук кандидатский минимум по этой самой философии. По сравнению с советскими временами изменилось в стране к тому моменту буквально всё, но только не этот самый экзамен. Оно и понятно: его сдавали люди, учившиеся в ВУЗах еще при советской власти, а принимали те, кто при этой же власти сделал всю свою научную карьеру. Поэтому в стране победившего дикого капитализма для получения степени кандидата наук было необходимо вырубить основные определения из кондового учебника диалектического материализма – так называлась единственная при Советах философия (пояснение для тех, кто не застал).

Экзаменаторы не зверствовали и ставили пятерки и четверки за хотя бы приблизительные ответы на вопросы из краткого списка – они же прекрасно понимали, что застряли в позавчерашнем дне. Но им тоже надо было как-то кормиться… Экзамен я сдал успешно, тем более, что как гуманитарий я читал и что-то сверх советских учебников, а это производило выгодное впечатление.

Совсем не та история приключилась с одним моим знакомым, который к тому моменту пребывал в сане игумена и читал книги по философии не меньше моего. На экзамен он явился в подряснике и с крестом, что уже напрягло экзаменаторов. Они задали ему вопрос: «В чем причина единства и многообразия мира?» По правилам игры, надо было ответить словами учебника: «В его материальности». Но отец игумен приосанился и прорек: «В воле Творца! А если бы я ответил иначе, меня надлежало бы извергнуть из священного сана». Он получил троек, единственный из всех.

Теперь многое изменилось. Марксистские философы вышли на пенсию, государствообразование и наука подвергаются непрестанному реформированию (и никто, похоже, не рад результатам). А богословие теперь предлагается включить в перечень научных дисциплин, чтобы государство официально выдавало богословам дипломы кандидатов и докторов наук, как выдает их физикам или историкам. Одни недоумевают: зачем? Есть же и так всякие семинарии и академии, они вправе выдавать своим выпускникам какие угодно бумажки, причем тут государство? Другие даже опасаются: а не будут ли всех теперь загонять в православие, как прежде в коммунизм, не придется ли аспирантам отныне сдавать Закон Божий? Третьи, напротив, считают такое стремление к государственному признанию слишком мирским и суетным шагом со стороны церковных иерархов: дескать, молиться эти дипломы не помогут, так зачем они нужны…

На самом деле, перед нами сложный клубок проблем, всех не охватишь в одной статье, но можно попробовать хотя бы назвать основные, чтобы легче было разбираться.

Прежде всего, стоит признать, что сама эта номенклатура научных специальностей возникла не сразу в готовом виде, изменения в ней были, есть и будут. Так, совсем недавно была введена в нее новая дисциплина «культурология», хотя и о ней можно было бы спорить: разве это не смешение истории, филологии, философии и социологии? Но культурологам показалось осмысленным вывести свой предмет в особую рубрику, и никто особенно не возражал. И точно так же никто не возражает против присутствия богословских факультетов во многих университетах Запада, и против степеней по богословию, признаваемых государством.

Здесь, впрочем, всё зависит от конкретных обстоятельств. В Германии богословский факультет – обычное явление в государственном университете, но не так во Франции, где в свое время церковь была отделена от государства, и, как шутят французы, теперь единственная святыня для государства – его светский характер. В то же время во французском Страсбурге такой факультет есть: всё дело в том, что этот город долго принадлежал Германии, и когда он по итогам Первой мировой перешел к французам, они не стали менять сложившееся положение дел. И светский характер государства не мешает

существованию такого факультета... а точнее, сразу двух: католического и протестантского.

Наша образовательная система – прямая наследница атеистического Советского Союза. Значит, нет у нас богословия в ВУЗах, но надо ли его возвращать? И, кстати, будет ли, к примеру, в МГУ тоже два факультета, и два научных совета по диссертациям: один для православных, другой для протестантов? А в Казани – для мусульман, в Элисте – для буддистов, и где-нибудь еще для католиков, иудеев, а то и язычников с растаманами... Или официально все будут только православными, как при Советах были атеистами?

Богословие не может быть нейтральным, независимым от конфессиональной принадлежности, как физика или химия, это понятно. Может ли оно тогда называться наукой? Но если взять пример той же философии, да и других гуманитарных наук – всякая работа в этой области неизбежно основана на определенных мировоззренческих предпосылках. И тем не менее, не бывает «платоновских» или «аристотелевских» факультетов, хотя на каждом из них, разумеется, может быть своя школа, которая следует определенному направлению мысли. Главное, что есть общие правила ведения научных исследований и дискуссий. Видимо, так могут поступать и богословы.

Но что вообще такое богословие? Церковь называет богословами всего трех святых – Евангелиста Иоанна, Григория Назианзина и Симеона Нового Богослова. Это не значит, что все остальные отцы были чужды богословию. Например, Св. Василий Великий значит для нашего богословия никак не меньше своего друга Св. Григория. Но, давая святому такое именование, традиция подчеркивает особый характер его служения. Так, о Христе говорили все евангелисты, но среди четверых Иоанн действительно выделяется, так сказать, «высотой полета»: остальные приводят больше фактов, а Иоанн в первую очередь излагает идеи. Так и Григорий отличается от Василия, деятельнейшего епископа, более кабинетным характером своего служения – он оставил прекрасные проповеди, письма и даже стихи.

Такому богословию, конечно, не выучишься на университетской скамье, по нему не защитишь диссертацию. Так что сегодня богословием у нас называется скорее «богослововедение». Литературоведы-пушкинисты не пишут новых стихов и повестей, как Пушкин, они изучают и систематизируют уже написанное, составляют биографии Пушкина, рассказывают о нем публике. Точно так же поступает и большинство современных богословов, действуя как раз в научной парадигме: писал ли такой-то автор такие-то слова, в каком смысле следует их понимать, как они соотносятся со словами других авторов – всё это вопросы для самого обычного гуманитарного исследования. Эти труды соответствуют необходимому в науке критерию фальсифицируемости: в принципе может быть доказана неистинность высказываний ученого. Например, если я утверждаю, что канонических Евангелий с самого начала было четыре, это утверждение может быть опровергнуто находкой какого-то древнего и авторитетного христианского документа (например, письма того же Св. Григория, или постановления какого-нибудь собора), в котором к известным нам текстам приравнивались бы «Евангелие от Петра» или «от Фомы». На сегодняшний день такого текста нет.

Но как может быть доказано или опровергнуто ключевое положение христианской веры, что Сын Божий умер за наши грехи и воскрес? Даже если будет стопроцентно доказано распятие и неожиданное возвращение к жизни Иисуса из Назарета, наука ничего не скажет нам о том, был ли Он Сыном Божиим и что означают эти события для нашей жизни в вечности – хотя бы потому, что сама эта вечность лежит за пределами научного знания. Равно как и Бог: биология изучает живое (био-), геология изучает земное (гео-), а вот богословие, теология, изучает все не само божественное (тео-), а скорее представления людей о Нем.

Тогда чем же они отличаются от религиоведения или той же культурологии? Очевидно, что богослов не просто констатирует факт: в этом трактате написано то-то и то-то, – но делает практические выводы. Написано так, и сие есть истина, а значит, жить нам

следует так-то и так-то. И такое богословие, конечно, будет неизбежно зависеть от представлений автора о Боге, от его конфессиональной принадлежности. Можно не заводить двух или трех разных факультетов, потому что многие факты и теории будут общими для честных исследователей всех конфессий, но надо представлять себе, что полностью объективной и «конфессионально-стерильной» такая наука не будет никогда. Правда, примерно то же самое можно сказать и о философии, которую вычеркивать из списка научных дисциплин пока что никто не собирается.

Итак, стоит ли присваивать богословию статус официально признанной науки? Однозначного ответа на этот вопрос у меня нет, потому что всё зависит от того, как именно это сделать. Действительно, если курс православной (или любой другой) догматики заменит марксистский диалектический материализм, а история церкви – историю КПСС, то лучше не надо. Но такой подход не имел бы вообще никакого отношения к науке. Было точно так же неверно приравнивать к научным гипотезам вероучительные положения, выводить их из фактов и доказывать логически. И, наконец, совсем нелепо было бы навязывать принцип конфессиональности гуманитарным наукам. Ученый может быть православным или протестантом, и его взгляды будут неизбежно влиять на его работу, их необходимо будет учитывать при чтении его трудов. Но если мы попытаемся «ради чистоты веры» отгородить свою церковную науку от мирового научного сообщества, то она сразу перестанет быть и церковной, и наукой, превратится в сектантское начетничество.

Но если признание богословия наукой будет способствовать интеграции церковных ученых в единое научное пространство, это можно будет только приветствовать. В значительной степени сейчас так уже и происходит: недавно я был на защите кандидатской диссертации по богословию, которую, на мой взгляд, вполне можно было бы провести в ученом совете по истории (специальность – источниковедение) или даже по филологии. Содержание и оформление работы, характер дискуссии и всё остальное вполне отвечало требованиям академической науки... правда, тут можно начать рассуждать о том, в каком положении находится эта самая наука в России, но это уже отдельный разговор, и не самый радостный.

Только богословам самим придется задуматься над тем, что дипломы государственного образца не просто дадут им больше веса, но наложат на них строгие обязательства, прежде всего формальные. Нельзя будет выносить на защиту диссертацию, как бы ни была она хороша, пока не наберется достаточного количества публикаций в рецензируемых журналах (и попасть в этот список журналу тоже будет непросто). Потребуется соответствовать многим другим требованиям ВАК... К сожалению, сейчас наши администраторы от науки озабочены прежде всего собственным контролем над ней: придумать как можно больше формальных показателей, за несоответствие которым можно будет наказывать. Понятно, что недобросовестные карьеристы всегда будут пролезать сквозь сито этих требований куда легче, чем настоящие ученые, и нет таких алгоритмов, по которым можно было бы отделить красиво оформленную белиберду от серьёзной научной работы.

Собственно, в том и главный вопрос: что будет на первом месте в такой реформе? Смена вывески ради пиара – или серьезная, кропотливая и порой неблагодарная работа над сутью? Но этот вопрос относится далеко не только к богословию или науке, а ко всей нашей нынешней жизни, и общественной, и церковной.

14. Фундаментализм: выход или вызов?

Либеральная библейская критика, расцвет которой пришелся на вторую половину XIX – начало XX вв., основывалась во многом на том, что текст Библии в его существующем виде не представляет существенного интереса для ученых. Всё внимание таких критиков было обращено на реконструкцию некоего изначального состояния текста, или, точнее, на реконструкцию событий, лежавших в основе этого текста. Из этой реконструкции заведомо исключалось всё чудесное, да и вообще всё, что в той или иной мере не соответствовало теориям реконструкторов. Вместо того Христа, в которого верит Церковь, на сцену выводился некий «исторический Иисус», причем у разных исследователей он получался неодинаковым.

Нет ничего удивительного в том, что для традиционных христиан любых деноминаций такой подход оказывался неприемлемым. Своебразным «отрицанием отрицания» стал фундаментализм – течение, зародившееся на рубеже XIX – XX вв. в США. Теперь это слово применяют к любой религиозной группе, которая настаивает на безукоризненном исполнении правил своей религии и нередко активно навязывает ее всем остальным, но изначально фундаментализм родился среди протестантов, хотя эти воззрения разделяли и разделяют многие католики и православные. Само его название восходит к серии книг «The Fundamentals», опубликованной в 1910 г. М. и Л. Стюардом. Как нетрудно понять из названия, сторонники этого движения настаивали на некоторых фундаментальных истинах христианской веры: девственном рождении Христа, Его телесном воскресении, достоверности сотворенных Им чудес. В принципе, это естественная позиция любой группы христиан, придерживающихся своей традиции. Чтобы исповедовать ее, не нужно писать отдельных книг – достаточно символа веры.

Но есть в фундаментализме и нечто такое, что превосходит этот символ, что разделяется уже далеко не всеми традиционными христианами – это, прежде всего, принцип буквальной непогрешимости Писания: поскольку оно есть Слово Божие, то каждое его высказывание истинно в прямом и непосредственном смысле. Писание следует толковать буквально, если только сам текст Писания не призывает к обратному (например, не называет повествование притчей). Эта позиция тоже кажется традиционной, но на самом деле она таковой не является, ведь для отцов Церкви, да и вообще практически всех средневековых толкователей аллегорический и иные непрямые смыслы Писания имели ценность никак не меньшую, а обычно даже и большую, чем смысл буквальный. Фундаментализм, напротив, настаивает на безусловном первенстве и непогрешимости именно буквы Писания, которую отцы Церкви нередко оставляли в стороне.

В результате сторонники этого направления, например, категорически отвергают теорию эволюции на том основании, что в книге Бытия сотворение животных описывается как единовременный процесс, не оставляющий места постепенному развитию. Да и сами шесть дней творения понимаются фундаменталистами обычно как шесть промежутков по 24 часа, а возраст Вселенной при таком подходе насчитывает примерно семь тысяч лет. Такой взгляд называется единствено соответствующим Библии, но, по-видимому, с тем же успехом можно было бы считать единственно библейским представление о плоской неподвижной Земле, над которой движутся Солнце, Луна и звезды, поскольку именно этим языком пользуются библейские авторы (да и все мы, когда говорим «солнце взошло» или «солнце село за горизонт»).

На самом деле такой подход – другая крайность по сравнению с либеральной библейской критикой. Отрицая явную ложь либеральной критики с ее реконструкциями, фундаменталисты сами начинают создавать искусственные и неубедительные реконструкции (например, свою геологию, которая согласуется с представлением о мире, созданном семь тысяч лет назад в готовом виде) и предлагают свою неправду, которая имеет, по слову апостола, только «вид благочестия». Затем принцип непогрешимости

распространяется еще дальше, чем у протестантов – таким же свойством надеются и отцы Церкви, и, в конечном счете, избранные духовные лидеры...

Российская библеистика до революции 1917 г. была наукой достаточно молодой, оригинальной научной школы отечественные учение еще не успели сформировать, и основные их усилия сводились к тому, чтобы осмыслить и творчески перенять лучшие достижения библеистики западной. Собственно, в этом нет ничего нового – именно так обычно и начинался путь отечественной науки, в том числе и богословской, чтобы затем ей стать вполне самостоятельной и в некоторых областях даже превзойти западноевропейскую. Это удалось, например, с литургией, но с библеистикой такого не случилось ни до революции, ни тем более, после нее. В результате российские библеисты на данном этапе вынуждены так или иначе перенимать западные методы, пользоваться выводами западных коллег; для православных вполне естественно при этом следовать наиболее консервативным образцам.

Именно поэтому фундаментализм – протестантское по своему происхождению течение – вдруг начинает восприниматься в России как некое чуть ли не святоотеческое учение, якобы единственно возможное для православных. Но в этом докладе я постараюсь показать, что на самом деле он скорее разрушителен, нежели полезен для российской библеистики, которая только начинает у нас складываться. Сегодня нередко можно слышать, как православные горячо оспаривают положения А. фон Гарнака или Г. Гункеля, как будто они были высказаны вчера (до Р. Бультмана руки доходят значительно реже, хотя это было бы намного актуальнее). Однако сегодня позицию этих ученых уже практически никто в чистом виде не разделяет, вся критика в их адрес давно была высказана, здесь остается только повторять в сотый раз сказанное уже давно; зато вот опасности фундаментализма замечаются намного реже.

Отчасти это было так уже с поколением дореволюционных ученых: когда Н.Н. Глубоковский в эмиграции принялся с помощью историко-филологических методов доказывать, что Послание к Евреям было написано непосредственно апостолом Павлом, он взял на себя неразрешимую задачу. Можно сказать: «я верю, что Послание написал сам апостол, поскольку об этом свидетельствуют многие церковные писатели», и это будет самодостаточное утверждение, ведь вера не требует доказательств. Но если уж прибегать к анализу стиля, композиции, манеры изложения, если смотреть на место этой книги в новозаветном каноне, то придется признать, что она сильно отличается от всех прочих посланий, носящих имя апостола Павла. Метод противоречит выводам, и, более того, научный анализ, направленный исключительно на доказательство заранее заданной точки зрения, перестает, по сути, быть научным. Исследователь здесь не столько разбирает разные аргументы, сколько отбирает те, которые ему потребны для доказательства, первичен у него не анализ, а вывод. Потому утрачивает смысл и дискуссия: если обе стороны имеют определенную и неизменную точку зрения, которая не может ничем быть поколеблена, то им и говорить меж собой не о чем. К сожалению, именно по такой модели и протекает нередко «диалог» о Священном Писании в нашем обществе.

Когда разразилась революция, отечественные библеисты во многом еще не определили своего положения на этой шкале, одним полюсом которой были либеральные критики, а другим – фундаменталисты. Понятно, что после 1917 г. на повестку дня вышли совершенно другие вопросы, но много ценного было сказано, к примеру, А.В. Карташевым в его докладе 1944 г., до сих пор не утратившем своей актуальности (хотя в части конкретных примеров там есть, что исправить). Стоит отметить, что в те же самые годы примерно такой же процесс поиска «срединного пути» между двумя крайностями шел и в католической церкви – можно привести в качестве примера энциклику «Divino afflante Spiritu», вышедшую в 1943 г. Возможно, этот процесс подстегнула именно Вторая мировая война, окончательно похоронившая и надежду ультраконсерваторов на «старую добрую Европу», и упования ультралибералов на «разумное устройство общества». Жизнь ставила перед Церковью насущные вопросы, отвечать на которые требовалось на

современном языке, не изменяя в то же время многовековому Преданию, и не нужно, наверное, объяснять, что и в наше мирное время мы встречаемся со сходными проблемами.

Однако в целом позицию Карташова разделяли немногие православные – я прекрасно помню, как еще в конце 80-х гг. само выражение «парижская школа богословия» воспринималась чуть ли не как название ереси, а когда Патриарх Алексий II упомянул в своем публичном выступлении в МГУ имени ее представителей в положительном смысле, это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Времена меняются, и сегодня об этом даже странно вспоминать… До некоторой степени линию Карташова продолжал о. А. Мень, и мы знаем, сколько нареканий вызывали его книги. К сожалению, вместо конкретной критики (которая, конечно, всегда бывает уместна) обычно речь шла об огульном отрицании самого подхода, сочетающего научный анализ с духовным прочтением текста: негоже православным о таких вещах рассуждать! Такая позиция обычно позиционировала себя как консервативную, традиционалистскую, но по сути ее трудно называть иначе, как фундаменталистской.

Итак, подход А.В. Карташова и других ученых и богословов, принадлежащих к этому «срединному» направлению, заключается в том, чтобы позволить себе свободу научного анализа, оставаясь в рамках церковных доктринальных догматов. Эти рамки достаточно широки: в конце концов, вера в Воскресение Христово или в сотворение мира Богом не может быть подтверждена или опровергнута наукой, поскольку наука изучает вещи естественные, а мы верим в сверхъестественное. Мертвые, по данным науки, не воскресают – именно поэтому для нас так значима вера в Воскресение, превосходящее законы естества. Если бы оно этим законам соответствовало, в нем не было бы ничего спасительного для нас.

Таким образом, православный ученый может оставаться вполне добросовестным ученым, а значит, в частности, не предрещать своих выводов. Если затем ему начинает казаться, что какие-то из этих выводов противоречат вере Церкви, это противоречие должно стать для него источником не испуга, а творческого напряжения, отправной точкой поисков истины. Примерно так вл. Антоний Сурожский советовал подходить к чтению Евангелия: не затушевывать возникающих в душе противоречий, а, напротив, отмечать их, размышлять над ними, чтобы они стали точками духовного роста. Возможно, какие-то из подобных вопросов не удастся разрешить и до конца жизни, но смысл ведь не в том, чтобы получить некие гладкие ответы на все вопросы, а чтобы эта жизнь во Христе у нас действительно была, и чтобы она была подлинной. Точно так же и наука, и образование нужны только тогда, когда они подлинны и воспринимаются всерьез. У меня может не быть ответа на какой-то достаточно важный вопрос, и научная честность, равно как и духовное трезвение, требуют признавать, что его нет. Но я доверяю Богу в том, что этот ответ в принципе может быть найден, пусть даже и в жизни будущего века. Это лучше, чем хватать первый попавшийся ответ и объявлять его окончательным.

Но если у нас порой возникают моменты внутреннего несогласия с самим Евангелием, то куда меньше таких спорных случаев связано с научным анализом и они куда легче разрешаются. Например, если исследователь пришел к выводу, что Послание к евреям в его окончательном виде почти наверняка не писал апостол Павел, что это значит для него? Только одно: авторитет текста не связан с его человеческим авторством. Церковь приняла это Послание как богохувновенное, увидела в нем изложение своей веры и включила его в канон. Кем оно было написано: учениками Павла с его слов, или каким-то отдельным автором – в данном случае никак не влияет на авторитетность самого текста, на истинность высказанных в нем идей.

Другой путь заключается в том, чтобы вообще отказаться от всякого научного анализа, чтобы никого не смущать. Может быть, потому так и скромны успехи российской библеистики? Представим себе на минутку, что литургистам была бы поставлена задача в своих исследованиях оправдать совершенство и изначальную

заданность... даже не Типикона, а нашего нынешнего обихода. Допустим, любое замечание в том духе, что некий элемент богослужения возник достаточно поздно и не имеет существенного значения, отмечалось бы сходу как заведомо неблагочестивое. Смогла бы литургика достичь при таких условиях своих нынешних высот? Сильно сомневаюсь. Но тогда не стоит предъявлять эти требования и к библейстике.

Как и столетие назад, мы можем творчески перенимать сегодня западный опыт. В нашем отставании есть и свои положительные стороны: мы можем не повторять чужих ошибок, а сразу делать из них выводы. Например, в свое время было сломано очень много копий о теории Q – общего для Матфея и Луки и незнакомого Марку источника, но сегодня все больше исследователей Нового Завета оставляют эту гипотезу в стороне как не доказанную и не слишком полезную для практических целей. Возможно, и нам не следует обращать на нее слишком большого внимания, сосредоточившись на более насущных проблемах. На Западе давно идет и дискуссия о фундаментализме, я приведу сейчас только одно имя, хорошо знакомое российскому читателю – Дж. Данн. Я разделяю не все положения, высказанные Данном, но о фундаментализме он говорит замечательно верно.

Прежде всего отмечу, что здесь исключительно важен психологический фактор. Фундаменталист жаждет уверенности. Он должен точно знать, что некие важные для его веры положения остаются незыблемыми и никто не дерзает на них посягнуть. Казалось бы, такая уверенность напрямую связана с верой... но она, на самом деле, исключает еще одно понятие, названное словом от того же корня. Уверенность исключает доверие. Если я в чем-то уверен, это значит, что я знаю всё наверняка, я всё контролирую сам и никому не позволю на этой территории распоряжаться. Но если я доверяю человеку или Богу, я ни в чем не могу быть уверенным, кроме как в благополучном исходе дела. Я готов принять любой поворот событий, я ничего не предрешаю и всё поручаю заботам того, кому доверяю. Именно такой была вера Авраама и вера апостолов – они откликнулись на Божий призыв, еще ничего не зная, не будучи уверенными ни в чем конкретном.

А еще такая уверенность исключает возможность удивления. Если я твердо знаю, какие вещи обнаружу в своем платяном шкафу, то я уверен: там нет ничего незнакомого мне, ничто не попало туда без моей воли. Доверие, наоборот, всегда готово к открытию: с детской непосредственностью оно входит в прекрасный сад любящего Отца и не знает, какие именно цветы и плоды встретит в нем сегодня, но знает лишь, что они будут прекрасны. Доверие готово бесконечно удивляться, а значит – расти, изменяться и жить. Уверенности это не дано, она ходит вокруг прекрасного сада как сторож с колотушкой, и зорко следит, чтобы никто чужой туда не пролез. Но сторожу бывает не до того, чтобы пользоваться дарами этого сада.

Данн говорит, что фундаментализм отказывается от трех вещей, и я с ним в этом согласен. Из них первая – это представление об *ограниченности* человеческого слова, *условности* наших формулировок. Для святоотеческого подхода как раз всегда был значим апофатический подход: мы просто не в состоянии словесно выразить всю полноту Истины, мы можем лишь указать на нее, определить те пределы, за которыми ее нет. Но фундаменталист начинает претендовать на то, что словесные формулы вмещают всю ее полноту. Среди протестантов это приводит к т.н. «библиолатрии», когда люди поклоняются тексту Библии, а не Тому, о Кем текст говорит. Поскольку православные текст читают намного реже, их в библиолатрии не упрекнешь, но все равно плоды получаются не слишком добрыми.

Во-вторых, фундаментализм отказывается от *ситуативности* и *контекстуальности* текстов Писания. Мы видим в нем множество человеческих историй, и то, что говорится одному человеку в его ситуации, не обязательно может быть применено к другому в другой – но при фундаменталистском подходе текст бронзовеет в виде заключенных догматических формулировок, изреченных единожды и на все времена. Из него уходит личное измерение, он уже становится не свидетельством о жизни людей, а

правилами, по которым людям следует жить. Но не этот ли подход обличал Христос, споря с фарисеями?

Наконец, фундаменталист утрачивает *разнообразие* стилей и приемов, становится нечувствительным к *поэтичности* библейского текста. Все, что может быть понято буквально, должно для него пониматься буквально, но это приводит ко множеству несуразностей. Например, когда книга Исход повествует о том, что вода в Ниле превратилась в кровь, должны ли мы понимать это так, что она стала настоящей животной или человеческой кровью, а следовательно, содержала эритроциты и лейкоциты, была определенной группы? Едва ли. Но если быть последовательными фундаменталистами, нам придется доказывать, что такое и только такое прочтение может считаться истинным.

Нетрудно убедится, что отцам Церкви такой подход все-таки не был свойствен. Их обычно вообще мало заботило буквальное, историческое толкование – да это и не удивительно, они прекрасно сознавали, что живут в другой стране спустя века после этих событий, говорят на другом языке, чем библейские персонажи и не имеют достаточных средств и способов, чтобы прояснить детали тех или иных исторических событий. Поэтому, хотя духовное и нравственное толкование Библии отцами выполнено на непревзойденном уровне, в отношении буквального понимания Писания у нас все же остается много пробелов. Они могут быть отчасти восполнены при помощи современной науки, и нет причин нам от ее помощи отказываться, как и отцы не отказывались от философии своего времени, по происхождению языческой, и как привлекали они для толкования Писания зачатки естественнонаучных знаний того времени, весьма несовершенных (чему наилучший пример – «Шестоднев» Св. Василия Великого). Более того, именно этот подход может показаться актуальным и востребованным современному читателю, которому все же трудно осилить богословские трактаты отцов – а вот простые библейские повествования он воспринимает с куда большим интересом.

Так же Данн говорит о трех практических последствиях фундаментализма. Во-первых, это *отказ от интерпретации* текста, в православном варианте он может оформляться как «отцы за нас уже всё сказали». В любом случае, это представление о том, что существует очень ограниченный набор правильных толкований, который уже исчерпывающим образом перечислен в немногих книгах, и что нам достаточно их просто повторять. Но это значило бы сдать Библию в архив, перестать видеть в ней Слово Божие, обращенное не к древним толкователям, а к каждому из нас. Второе последствие – *гомогенизация текста*, то есть его приведение «к виду, удобному для логарифмирования». В свое время примерно по тем же мотивам Татиан составил сводную версию четырех Евангелий, «Диатессарон», но Церковь его отвергла – ей важно было сохранить свидетельства четырех евангелистов, пусть они в каких-то мелких деталях расходятся меж собой (и это как раз свидетельствует о подлинности свидетельств, поскольку никогда четыре человека не могут сообщать совершенно одно и то же, если предварительно не сговорились меж собой). А третье следствие – это *гармонизация*, стремление к устраниению любой ценой всех формальных противоречий, не только между разными книгами Библии, но и, к примеру, между всеми ними и данными естественных наук. Книгу Бытия при таком подходе обязывают быть заодно учебником по космологии, астрофизике, геологии, палеонтологии, ботанике и десятку других дисциплин. Но зачем?

Шире говоря, фундаментализм приводит к утрате в Библии *человеческого элемента*. Она понимается как Слово Божие, и это кажется вполне правильным и благочестивым – но при этом отрицается, что она содержит в себе и нечто человеческое. Я помню, как однажды был приглашен читать курс по библейской поэтике в Московской духовной академии, и начал я его как раз с утверждения, что мы будем говорить не о божественной, а о человеческой стороне Писания. Некоторые студенты обрушили на меня шквал негодования: как это возможно! Но, боюсь, если счесть это невозможным, перед нами встанет ряд очень и очень серьезных проблем. Снова назову, вслед за Данном, три.

Нам не избежать проблемы *научно-методической*: мы сами себя принудим доказывать то, что от имени науки доказать просто невозможно, например, Павлово авторство Послания к евреям или сотворение мира семь тысяч лет назад. Но нам придется всех убеждать, что именно такова и есть наша, правильная наука – хотя на самом деле она вовсе не будет являться наукой, а будет только заимствовать некие научные формы. Так еще несколько десятилетий назад в одном исламском университете в арабской стране была защищена диссертация, доказывавшая, что земля – плоскость, вокруг которой вращаются Солнце и Луна, ибо именно так описывает это Коран. Это звучит смешно, но сегодня появляются все новые исламские исследования, доказывающие противоположное: нет, Коран как раз учит, что земля шарообразна. Это звучит ничуть не более убедительно. Казалось бы, есть простой выход: признать, что во времена написания Корана (а равно и Библии) люди считали землю плоской, и текст отражает эти воззрения. Для исламистов это немыслимо, поскольку Коран для них продиктован непосредственно Богом и не содержит в себе ни малейшей неточности или неполноты – но зачем нам, христианам, брать на себя такое неудобоносимое бремя?

Вторая проблема – *педагогическая*. Мне доводилось видеть людей (хорошо я был знаком с двумя), которые были православными христианами, начинали заниматься библеистикой, и... уходили из Церкви, теряя веру по меньшей мере в Церковь, если не в Бога. Можно сказать, что слаба была их вера, и что библеистика есть духовно опасное поприще, с этим я не буду спорить. Но есть у этой проблемы и еще одна сторона. Этим людям объяснили в свое время, что в Церкви есть некий стандартный набор правильных ответов на все вопросы. Пока они не подвергали эти ответы самостоятельному анализу, они их устраивали. Но как только они постарались разобраться во всем с позиции разума, ответы перестали быть убедительными. Честность требовала отбросить либо доводы разума, либо постулаты веры – они решили последовать разуму. Им никто, к сожалению, не подсказал в тот момент, что вера не враждебна разуму, она не обязательно включает в себя все те элементы, которые им были преподнесены фундаменталистским окружением как единственно возможные для христианина.

Еще в начале девяностых мне довелось видеть брошюру об истинности Библии, где все строилось на книге пророка Ионы. Автор рассуждал так: атеисты говорят, что человек не может прожить три дня во чреве кита и остаться в живых, и потому они отвергают Библию. Но известны случаи (он приводил примеры, которые я не имел возможности проверить), когда моряки попадали в пасть к большой рыбе и выходили из нее через некоторое время живыми, следовательно, Библия права. Похоже, этот ход совершенно провален. Автор, по сути, заявляет: Библия права в том и только в том случае, если повествование книги Ионы надо понимать как вполне объяснимое с естественнонаучной точки зрения, а именно, что киты глотают людей, и люди остаются живыми. Если рассуждать в этой логике, ответ непредвзятого разумного человека может быть только таким: киты не глотают людей живыми, следовательно, Библия неправа, она есть сборник древних мифов, не имеющий никакого отношения к действительности. Среди всех возможных объяснений книги Ионы (это было чудо, это можно понимать иносказательно и т.д.) автор выбрал самое проигрышное и поставил на него, как на карту, всю истинность своей веры. Поневоле подумаешь, что записные атеисты с их тупорной критикой религии служат Церкви лучше такого проповедника!

Наконец, это *духовная* проблема. При таком подходе наша церковь, боюсь, рискует разделить судьбу Александрийской, некогда славнейшей и величайшей на всем Востоке. Александрийцы упорно держались формулировок своего великого отца, Св. Кирилла Александрийского, ни в чем не отступали от них, ничуть не умалили Божественного достоинства Христа – но впали сначала в ересь, а затем и в ничтожество. Сегодня коптская церковь по-прежнему хранит словесные формулировки Св. Кирилла, хранит свои древние обряды, но это уже этнографический реликт, островок в мусульманском или светском море. Ее судьба – предостережение для нас.

Итак, настало время сделать вполне предсказуемый вывод. Фундаментализм нередко представляет себя как выход из того положения, в которое стремится завести христианство либеральная библейская критика. На самом деле, это не выход, а точно такой же вызов, как и эта критика, но только вызов с другой стороны, и для православных менее очевидный. Фундаментализм не тождествен здравому, творческому консерватизму, который гораздо больше подходит православному исследователю Библии. Здесь, разумеется, можно задать вопрос, в чем должен заключаться этот здравый консерватизм, но это гораздо более сложный вопрос, и у меня пока нет на него ответа. Мой доклад следует скорее апофатической модели: чего следует избегать, – а что нам следует созидать, можем определить только мы вместе и показать это на практике.

15. Лингвисты об эволюции

Осенью 2006 года петербургская школьница Маша Шрайбер вместе со своим отцом подали иск против министерства образования: их религиозные чувства оскорбляло преподавание в школе теории эволюции. Иск был проигран, Маша ушла из родной школы и уехала аж в Доминиканскую республику. Преподают ли в тропиках теорию эволюции, или объясняют, что мир был сотворен в готовом виде за шесть дней – об этом мы ничего не знаем. Но среди христиан споры на эту тему не смолкают и по сю пору: как относиться к эволюции? Это научно доказанная теория или соборно осужденная ересь?

Об эволюции лучше рассуждать биологам. Я филолог, и хотел бы обратить внимание на еще один вопрос, который очень по-разному описывается в Библии и в современных учебниках: развитие языков.

Всем очевидно, что языки с течением времени меняются. Мы с трудом разбираем древнерусские летописи, а когда пытаемся читать Шекспира на языке оригинала, убеждаемся: Гамлет говорил не так, как сегодня говорят в Лондоне или Нью-Йорке. Было время, когда эти изменения описывали как «порчу» изначально чистого языка: дескать, итальянский, испанский, французский и другие романские языки – это испорченная простонародная латынь. Действительно, в основе этих языков лежат народные говоры, но теперь, когда на каждом из них создана великкая литература, никто не назовет язык Данте или Сервантеса «испорченной латынью». Хотя про украинский, например, можно услышать и сегодня, что это «малороссийский диалект», испорченный польскими заимствованиями. А некоторые украинцы настаивают, что, наоборот, русский язык – это язык Киевской Руси, испорченный заимствованиями тюркскими и угро-финскими.

Конечно, это несерьезный подход. Очевидно, что языки развиваются, что от одного корня могут происходить разные новые языки, что они могут влиять друг на друга, изменяться до неузнаваемости и умирать. Но если это происходит в нынешнее время, вероятно, так было и в те времена, от которых до нас не дошли письменные источники? Реконструкцией таких изменений занимается сравнительно-историческое языкознание. Оно подсказывает нам, например, что русские слова *начало* и *конец* произошли от одного корня с чередованием гласного: *кен/кон*. В слове *начало* была приставка *на-*, суффикс *-ло* (ср. *шило, мыло*), а корень неузнаваемо изменился. Но всем изменениям лингвисты могут привести точные параллели в других словах, это были регулярные процессы.

Более того, греческое слово *καῖνος* со значением «новый» и латинское *recens* со значением «недавний» произошли от него же. Естественно, это уже не русский и не славянский корень, а [индоевропейский](#). Некогда предки славян и многих других народов Евразии понимали друг друга, потому что говорили на близких индоевропейских диалектах, и лингвисты по данным современных языков могут восстановить их основные черты. Когда в XIX веке лингвист А. Шлейхер реконструировал грамматику и словарь индоевропейского языка, он даже написал на нем басню – настолько он был уверен, что его реконструкция надежна. Но время шло, в его реконструкцию вносились серьезные изменения, сама возможность писать по-индоевропейски была поставлена под вопрос... Современная лингвистика делает более скромные, но и более надежные выводы.

Зато лингвисты сравнивают теперь совсем отделенные языки: оказалось, что у индоевропейских языков есть общие корни с языками тюркскими, семитскими и многими другими. Эту макросемью принято называть сегодня «[ностратической](#)», и на соответствующем языке наши предки, вероятно, говорили примерно 15 тысяч лет назад. Гениальный российский лингвист С. Старостин [предполагал](#), что 40-50 тысяч лет назад человечество пользовалось одним языком, от которого и произошли все языки древности и современности. Его, правда, мы реконструировать не можем.

Не напоминает ли нам это утверждение нечто уже известное из Библии? Разумеется, рассказ [11-й главы Бытия](#) о строительстве Вавилонской башни и о смешении языков. Только там говорится, что языковое единство было утрачено в один миг. А

ученые утверждают, что языки отдалялись друг от друга постепенно, на протяжении тысячелетий, и мы видим доказательство этому в самом строении языков... Как тут быть?

В Средние века, до рождения современной лингвистики, существовала популярная теория о том, что изначальным языком человечества был древнееврейский, язык Ветхого Завета (нередко его отождествляли с арамейским или сирийским). На нем разговаривал Адам с Богом в раю, и при смешении языков только он остался неповрежденным, а остальные языки больше или меньше отдалились от него.

Мне рассказывали, что в Израиле в религиозных школах примерно так и описывают происхождение языков по сей день. И вот выпускник такой школы поступает в университет, начинает изучать лингвистику, и ему говорят, что на самом деле иврит – всего лишь один из семитских языков, сильно изменившийся по сравнению с прайзыком, и что многие архаичные черты сохранились как раз не в иврите, а в... арабском! И языковой материал действительно подтверждает этот тезис.

Например, в древнееврейском языке есть слова *йом*, которое переводится как «день». В семитских языках корень слова обычно (хоть и не всегда) состоит из трех согласных звуков, но здесь их только два: *й-м*. А вот в арабском то же самое слово звучит как *йаум*. Вероятно, в середине этого слова был еще один корневой согласный, неслоговой *у* (как английский *w*), просто в еврейском *йаум* стянулось в *йом*.

Или пример из грамматики: в классическом арабском существуют падежи: *арду* – земля (именительный), *арди* – земли (родительный), *арда* – землю (винительный). В еврейском все падежные значения передаются предлогами, а слово «земля» не изменяется и звучит как *эрец*. Но существует странная наречная форма *арца* «на землю». Очень похоже на винительный падеж... Можно предположить, что когда-то и в еврейском были формы *арцу*, *арци*, *арца*, из них сохранилась только последняя, остальные утратили окончания, после чего неудобопроизносимое *арци* превратилось в *эрец*.

Если мы посмотрим не только на арабский, но и на другие семитские языки, наша догадка подтвердится: во многих из них слово «день» имеет три корневых согласных, и три падежа с соответствующими окончаниями тоже встречаются повсеместно. Выходит, что древнееврейский язык утратил эти общесемитские черты. И даже если предположить, что изначальным языком человечества был не иврит, а прасемитский или даже ностратический язык – что делать с постепенностью изменений?

И тут у студента есть выбор: либо принять лингвистику как науку, и попытаться прочитать текст книги Бытия другими глазами, трактуя его не так буквально, либо полностью отказаться от лингвистики. Он может сказать: да, Бог сотворил иврит таким специально, как будто этот язык уже прошел некий этап в своем развитии, но на самом деле никакого развития не было, а языковое разнообразие возникло в один момент, необъяснимым образом. А лингвистика – это ересь.

Я бы не стал ни в коем случае проводить прямые параллели между развитием языков и вопросом о биологической эволюции: это слишком разные процессы. Но я хотел бы обратить внимание только на одну деталь: три тысячи лет назад не существовало ни современной лингвистики, ни современной биологии, и поэтому нелепо ожидать, чтобы Библия использовала соответствующую терминологию или излагала научные теории двадцать первого века (почему бы тогда не тридцать первого, кстати?).

На самом деле, никакая наука не всесильна. Ученые решительно ничего не могут сказать о происхождении языка: на самой древней стадии, у самого первобытного племени он уже существует как сложная система. Лингвистика может объяснить, как развиваются языки, но не может сказать нам, почему вообще человек обладает языком и как это началось.

Может быть, нам стоит признать, что первые главы книги Бытия описывают «детство человечества» не языком современных учебников, а языком поэтических сказаний, на которых только и говорили о таких вещах тысячелетия тому назад? Это не значит, что все эти сказания – выдумка, они просто устроены несколько иначе, чем наши

учебники. И пусть наука останется наукой, а вера – верой, они ведь на самом деле не враги друг другу.

16. Первая тувинская Библия

Республика Тыва или Тува, как нам привычнее говорить – это тоже часть России, хотя в это трудно поверить, когда пересекаешь ее границу со стороны Красноярского края. Сразу после Саянских гор сибирская тайга постепенно отходит, путника обступают невысокие сопки, за которыми лежит степь, словно сошедшая с монгольских полотен Периха. Хотя язык тувинцев относится к тюркской группе, Тува исторически принадлежала к монгольской цивилизации. Вплоть до начала XX в. она входила в состав Маньчжурской империи, но после китайской революции, в 1914 г., стала протекторатом России, а в состав СССР вошла только в 1944 г. Монгольское влияние до сих пор чувствуется в культуре тувинцев. Их традиционная религия сочетает ламаистский буддизм и шаманизм, при этом тибетская разновидность буддизма пришла в эти края из Монголии всего несколько столетий назад. В центре столицы Тувы, города Кызыла (основан в 1914 г. как Белоцарск), стоят в нескольких десятках метров друг от друга буддистское святилище-хюре, шаманская юрта для проведения соответствующих обрядов и... памятник красным партизанам времен Гражданской войны. Очень красноречивое сочетание, но все эти религии и идеологии сосуществуют довольно мирно, ведь им, по сути, нечего делить на берегах Енисея.

Христианство в Туву пришло совсем недавно. Православная миссия в этих краях существовала еще в начале XX века, но, к сожалению, она продолжалась по понятным причинам недолго. Правда, с 1929 года и непрерывно по сей день в Кызыле действует Троицкий храм, построенный русскими колонистами «самоуправляющейся трудовой колонии». Есть и несколько других храмов в республике, но все же их очень мало, хотя на рубеже XIX–XX вв. здесь появились русские переселенцы, среди которых было много старообрядцев. Но они приезжали в Урянхайский край, как тогда назывались эти земли, в поисках свободы и лучшей жизни, а вовсе не для просвещения местного населения, с которым русские мало смешивались. Они и по сей день составляют меньшинство даже в столице республики, а в сельских районах их практически нет, кроме как в старообрядческих деревнях...

Христианские миссионеры вновь пришли в эти края в начале 1990-х гг.: это были протестанты из России, Украины, Америки и Кореи, основавшие несколько общин. Среди тувинцев есть и православные, но их немного и, в основном, это люди, принявшие русскую культуру или, по меньшей мере, хорошо знакомые с ней. Единоплеменники, как правило, смотрят на них косо: они оставили отеческие обычай, стали поклоняться «русскому Богу», хотя в целом тувинцы достаточно веротерпимы, явных конфликтов на религиозной почве здесь практически не бывает.

Нам трудно представить себе, до какой степени мир тувинцев отличается от нашего: еще поколение или два назад эти люди вели кочевую жизнь в юртах, как при Чингисхане, и у некоторых из нынешних горожан было именно такое детство, например у Николая Куулара, о котором мы еще будем говорить. Перед этими людьми, по сути, стоит выбор: сохранить свою традиционную культуру в неприкосновенности, живя в юртах, или приобщиться к мировой цивилизации в городах. И выбор, как правило, за каждого из них уже сделан: ребенок, воспитанный в интернате, не будет жить в шатрах, словно во времена Авраама, не будет приносить жертвы духам гор и ручьев... Не потеряет ли он самоидентификацию? Вот главный вопрос для многих.

Этим летом выходит первый полный перевод Библии на тувинский язык. Невозможно переоценить его значение для христианской миссии: теперь любой тувинец, взяв этот текст в руки, увидит, насколько несправедливы слова про «русского Бога». Более того, читая про того же самого Авраама, он сможет убедиться, что у него было куда больше общего с тувинцами, чем с русскими, а значит, и для тувинцев последовать за Богом Авраама, Исаака и Иакова никак не зазорно. Но дело не только в миссии. Один из вопросов, который стоит сейчас перед тувинским обществом, звучит примерно так:

возможно ли тувинское христианство? Не русское христианство, принятое обрусевшими тувинцами, а именно местный его вариант?

Разные люди по-разному отвечали на этот вопрос. Когда в 1990 г. сотрудник Института перевода Библии в Москве (ИПБ) приехал в город Кызыл, он предложил начать перевод Библии известному в республике этнографу и писателю. Тот отказался. Дело в том, что он был к тому же практикующим шаманом, причем одним из главных, но в ИПБ об этой стороне его деятельности просто не знали. В то же время шаман не возражал против самой идеи такого перевода и рекомендовал своего дальнего родственника (а в Туве все помнят, кто к какому роду принадлежит) Николая Куулара. Он был писателем и переводчиком классической русской литературы на тувинский язык, при этом он был неверующим.

Николай согласился на этот труд. Для него было очень важно, чтобы тувинский читатель получил доступ к великому сокровищу мировой культуры на своем родном языке. И это довольно обычная картина для подобных переводческих проектов: не все, кто участвует в них, христиане, да и трудно было бы найти христиан, обладающих должной квалификацией. В те же 1990-е гг. независимо от ИПБ группой верующих был издан перевод на тувинский язык нескольких библейских книг, но он не прошел практически никакой серьезной проверки и потому выглядел просто как дословная версия русского Синодального текста. Николай вначале и не предполагал, насколько нелегкий и долгий путь предстоит ему пройти, он собирался тогда в одиночку перевести Библию за несколько лет...

Работа заняла без малого два десятилетия, и участвовал в ней не один Николай. Другими переводчиками стали Эдуард Мижит, Мария Кужугет и Сайлыкмаа Комбу; проверкой перевода занимались Виталий Войнов, Людмила Мижит, Татьяна Кандаурова, Елена Самба и Сергей Сычев. Это тувинцы и русские; буддисты, протестанты и православные. Стоит подробно рассказать о Виталии Войнове, американце русского происхождения. Он родился в Ленинграде, но вырос в Нью-Йорке. Еще в Америке он начал изучать, так вот случилось, тувинский язык, почувствовал призвание к работе среди этого народа и в результате провел восемь лет, начиная с 1999 г., в Кызыле, где не только завершил богословскую проверку большей части тувинской Библии, но и встретил жену Оксану. Там родились четверо из пятерых (на данный момент) их детей.

Все-таки мир библейского перевода – удивительный мир. Где еще могли встретиться Виталий, выросший среди небоскребов, и Николай, выросший в юрте, – и не просто встретиться, но успешно проработать десять лет в одной команде?

Окончательную проверку Нового Завета осуществлял консультант Объединенных Библейских Обществ англичанин Дэвид Кларк, мой старший коллега и друг, у которого я многому научился. А Ветхий Завет выпал уже на мою долю. К концу работы у меня возникло твердое ощущение, что команда достигла уровня, когда моя подсказка может потребоваться им в каком-то спорном случае, на который они сами и укажут, а вот сплошная проверка, просто необходимая во многих других проектах, совершенно излишняя.

Отдельно стоит отметить, что тувинская группа иногда приглашала на свои рабочие встречи представителей местных христиан. В конечном счете именно они и будут главной читательской аудиторией, и переводчикам очень важно было объяснить и продемонстрировать на практике принципы своей работы. Местные христиане нередко спорили между собой, например, о том, как сказать по-тувински «Святой Дух» или «молитва», и с немалым удивлением убеждались, что в переводе не всегда можно найти единое, самое правильное решение: всякий вариант имеет сильные и слабые стороны и может кого-то не устроить. Думаю, такие встречи и обсуждения были мудрым и важным решением для дальнейшей судьбы тувинской Библии.

Тувинский Новый Завет был напечатан в 2001 г., одновременно опубликован перевод на тувинский «Библии для детей». Отдельные книги (но далеко не все) из Ветхого

Завета выходили пробными изданиями в 2000-е гг., а к 2008 г. был завершен черновик последней ветхозаветной книги. Но работа на этом не закончилась: предстояла проверка всего перевода на последовательность употребления ключевых терминов и имен собственных, внесение поправок в перевод Нового Завета в соответствии с решениями, принятыми по Ветхому Завету, другие процедуры по подготовке книги к печати – например, подготовка перекрестных ссылок на параллельные места.

Скоро читатели наконец-то увидят Библию в переводе на тувинский язык. Но на этом история не заканчивается. Николай Куулар при помощи Виталия Войнова уже перевел и издал три книги К.С. Льюиса из цикла «Хроники Нарнии», эта работа продолжается дальше. Говорит он и о том, что нужны тувинцам пособия, помогающие понять библейский текст. Библия не живет в культуре одна, сама по себе. Можно быть уверенными, что судьба народа, который получает эту книгу на своем языке, меняется навсегда – и меняется обязательно к лучшему.

17. Миссия для мусульман: разговор не о том

Убийство священника Даниила Сысоева вызвало немало споров: почему его убили, достоин ли он канонизации... Он уже предстал перед Тем, Кто только и может решить его судьбу в вечности. А наши все споры – не о том, совершенно не о том.

Конечно, для Церкви имеет немалое значение, кто будет канонизирован и на каких основаниях, и что скажет нам такая канонизация о жизни новопрославленных святых. На мой взгляд, есть все основания считать, что отец Даниил был убит за свою проповедь Христа и потому стал мучеником. Зато нет совершенно никаких оснований думать, что в случае канонизации уже не подлежат ни обсуждению, ни сомнению его высказывания и поступки, в том числе, и сам его миссионерский подход. Вполне можно обращаться к святому с молитвой и в то же время утверждать, что в чем-то конкретном он был неправ.

Но за всеми этими разговорами о достоинствах и недостатках отдельных людей теряется нечто гораздо более важное. Христос сказал: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века» (от Матфея 28:19). Это не просто цитата из библейской книги – это прощальное поручение Христа Его апостолам, это заключительные слова самой первой книги Нового Завета. Иногда их называют «великим поручением», и в самом деле, их можно понять как основную задачу, поставленную перед Церковью в этом мире. В любом случае, не замечать их, делать вид, что относятся они не к нам, или перетолковывать в каком-то ином смысле: учить будем не все народы, а только некоторые, или даже не народы, а отдельных их представителей, или будем только крестить желающих, а дальше сами пусть учатся – всё-таки нельзя без явного насилия над духом и буквой Писания.

Все народы – это звучит вызывающе, неполиткорректно, да просто неудобно. А что, если у народа уже есть своя традиционная религия, и многие ревностные ее последователи готовы голову оторвать вся кому, кто совращает единоверцев с пути истинного? Не случайно и в официальных документах нынешнего времени речь заходит о «малых коренных народах России», под которыми понимаются жители крайнего Севера и Дальнего Востока: они уж точно не взрывают неверных и не объявляют священных войн.

Здесь опять можно было бы уйти в пространные рассуждения о том, что все мировые религии на самом деле учат добру и терпимости, а терроризмом увлекаются лишь те, кто понимает их неверно, но и это будет разговор совсем не о том. Может быть, в идеале оно и так, но на практике всё несколько иначе. Дано: на канонической территории нашей Церкви проживают разные народы с разными традиционными религиями, есть среди них и крайне нетерпимые к иноверию люди. Требуется (в Евангелии, напомню): учить и крестить эти народы без малейшего исключения. Какое предлагается решение?

На данный момент, на самом деле – никакого. Я знаю несколько протестантских организаций, занимающихся миссионерством среди мусульман, но среди православных я не видел никого, кто бы этим всерьез занимался сегодня. Отец Даниил был исключением, причем во многих смыслах. Его миссионерство, как к нему не относись, было скорее полемикой и апологетикой – он видел на улицах нашей столицы мусульман, как священник и просто как христианин он понимал, что обязан принять этот вызов, и он его без тени сомнения принимал. Но нельзя не заметить, что это совсем другое миссионерство, нежели то, какое показали нам преподобные Стефан Пермский или Макарий Алтайский – каждый из них жил среди другого народа, учил его язык и обычай, изобретал для него письменность, переводил для него Писание, создавал подлинно национальную общину как часть единой вселенской Церкви. Отец Даниил реагировал на то, что видел вокруг себя, на изменение нашей привычной жизни – они сами отправлялись к невиданным прежде людям, чтобы изменить их жизнь. Очень разные подходы!

Чтобы повторить уникальный опыт отца Даниила, потребуются и пламенный характер, и полное бесстрашие, и уверенность в правоте собственного дела. Таких людей

много не бывает, а главное, теперь всякий, кто пожелает пойти по его стопам, будет четко понимать, что может его ждать в конце пути. Можно потребовать от выпускника семинарии послушания и прилежания, но нельзя требовать от него мученичества, поэтому этот путь останется путем ярких одиночек.

Как же удается организованное миссионерство протестантам? Ответов существует множество. Среди них тоже встречаются пламенные одиночки, которые начинают свою проповедь со слов «нет, ислам ложная религия» – но таких тоже совсем немного, и судьба их бывает не менее трагична. Те, кто миссионерствует организованно, могут начать с малого – с книг и брошюр, даже с настенных календарей, которые знакомят мусульманскую аудиторию с текстами Таврата, Зебура и Инджила, как называются в этой традиции соответственно Пятикнижие, Псалтирь и Евангелие (Коран считает их священными книгами). Рассказывают слушателям и читателям, как жили и что возвещали пророки Ибрагим и Муса, как омывал Яхъя всех пришедших к нему в знак покаяния и чему учили Иса, Сын Мирьям, как Он был убит злыми людьми и затем воскрес.

При таком подходе миссионер как бы говорит аудитории: «да, я очень уважаю вашу религию и потому я хотел бы дополнить ваше знание о Боге и Его посланцах». Многие ведь даже не догадываются, что обо всех этих людях – Ибрагиме, Мусе, Исе – говорится и в Коране, и в Библии, но в Библии гораздо подробнее. Существует и такой подход, когда миссионер отказывается от любой откровенно христианской символики, даже не называет себя христианином – он говорит о Боге и пророках, оставаясь как бы в рамках ислама, но говорит, насколько может, по-христиански.

Последнее, пожалуй, неприменимо для православной миссии – но значит ли это, что единственno возможный для нее подход есть открытая и нарочитая конфронтация в духе отца Даниила? Совершенно не уверен. Разными бывают и слушатели, и обстоятельства, да и проповедники неодинаковы, так что невозможно требовать от них какого-то одного шаблона. Кроме того, задания *учить* и *крестить* можно понимать как взаимосвязанные, но все-таки отдельные. Тогда можно задуматься и о том, что немалую ценность будет иметь терпеливый и дружелюбный рассказ мусульманам о христианстве: пусть далеко не все слушатели примут крещение, но, по крайней мере, они узнают, во что на самом деле верят их соседи. Может быть, тогда и желающих вести священные войны поубавится.

Вот почему я не вижу большого смысла в спорах на тему «насколько прав был отец Даниил в том, что делал». В этом он уже дал отчет своему Господу, а нам следует задуматься над другим вопросом: сами-то мы что делаем, что готовы делать? Поле для жатвы перед нами лежит просто огромное, делателей не то, чтобы мало – их практически не видно. Лично я уверен, что на этой ниве найдется место и для тихой беседы, и для горячей полемики, и для научного исследования, и для риторического блеска, да и для многого иного. Видимо, ждать каких-то явных указаний сверху нам не приходится – слишком тонкая это политическая материя, слишком много требований предъявляет протокол. Но ведь далеко не всё регулируется сверху!

Мы привычно рассуждаем о России как о православной стране. Но для немалого числа ее жителей православие остается этнической религией русских, а вот о христианстве как об истине для всех народов они слышат на своем родном языке только от протестантов. И если они соглашаются с истиной, но не желают при этом становиться русскими – они проходят мимо нас и идут к тем, кто готов их принять. И вот об этом мы почему-то не говорим ни слова.

18. Не наша миссия?

Я приезжаю в этот город в «ближнем зарубежье» по делам. Сажусь в маршрутку, где над водительским местом висит зеленый щит с изречением из Корана или икона, в зависимости от национальности водителя. Устраиваясь в гостинице в двух шагах от православного храма, где покоятся мощи святителя Луки, и иду есть чебуреки и в национальное кафе «Мараканд», тоже неподалеку. Все местные, все живут тут давно – и город тоже носит два имени: греческое Симферополь, «Город пользы», и крымско-татарское Акъмесджит, «Белая мечеть». В XIX в. на картах так и писали оба имени.

Я консультирую переводчиков Библии на крымско-татарский язык. В этом проекте я единственный православный христианин, причем яучаствую в нем как частное лицо – ни приход, ни епархия, ни какой-нибудь синодальный отдел не посылали меня в Симферополь. Просто я работаю в организации, занимающейся этим делом, она называется Институт перевода Библии, в ней сотрудничают люди разных конфессий. И картина, которую я вижу в Симферополе, достаточно типична и для многих регионов России с мусульманским населением: давно осевшие тут русские считаются православными, коренное население – мусульманами. Два народа живут достаточно мирно, хотя не обходится без трений и подозрений, а порой и конфликтов. Чтобы не усиливать их, никто не пытается изменить *status quo*: разноплеменные соседи могут поздравлять и угощать друг друга по праздникам, но мусульманин обычно не старается обращать в свою веру православного, и наоборот.

Впрочем, в последнее время все чаще можно услышать проповедь ислама среди славян со стороны радикальных исламистов. А с христианской стороны стереотип ломают протестанты. Они приезжают в этот город, и в другие города бывшего СССР, чтобы говорить о Христе мусульманам. Среди них есть русские, украинцы, татары и даже американцы, и дело не в том, что они приехали по каким-то своим делам, а заодно решили и возвещать Благую Весть. Нет, они именно с этой целью и приехали и, конечно же, их так или иначе поддерживают общины и разные организации у них дома: собирают средства, посыпают материалы, устраивают конференции по обмену опытом. Словом, это организованная и целенаправленная работа, цель которой – христианское благовестие среди мусульман.

Не стоит при этом думать, что эти люди ходят по улицам и кричат громким голосом «покайтесь!» Нет, они селятся в городе, изучают местные языки и обычаи, как, собственно, и делают настоящие миссионеры всегда и везде. А дальше они готовят разные материалы: брошюры, календари, и, конечно же, издания библейских книг, – и распространяют их. Но этим дело не ограничивается: миссионеры стараются действительно жить вместе с народом, среди которого проповедуют. Они приходят в детские дома и преподают английский в учебных заведениях, устраивают периодические встречи для тех местных жителей, кто уверовал и принял крещение. И так постепенно эта работа переходит в руки местных, которые, конечно же, лучше любых приезжих знают свой народ, его обычай и язык. Именно так и обстоят дела в Симферополе.

Предвижу реакцию некоторых читателей: ну, это сектанты, это неправильные пчелы, и они делают неправильный мед (кстати, на гербе Симферополя изображена именно пчела). Конечно же, там есть и православные храмы, в них совершается богослужение, и вообще идет нормальная епархиальная жизнь, как в других городах. Если в храм придет татарин, его никто не прогонит, и книги в храме он сможет купить на своем языке. Но вот активной проповеди, обращенной именно к крымским татарам, я там не замечал. Может быть, невнимательно смотрел.

Они все понимают по-русски, конечно, для некоторых это даже родной язык. Еще старшее поколение понимает по-узбекски, они ведь жили в Узбекистане, а теперь многие овладели и украинским... Так что, собственно, зачем делать для них что-то особенное?

Вот пусть читают Библию по-русски, на этом же языке слушают проповедь, а если покрестятся – придут в храм и будут молиться на церковнославянском.

Они, конечно, могут. И на узбекском многие могут, и даже на украинском смогли бы, если бы захотели. Нам в принципе тоже нетрудно понимать по-украински, а если попрактиковаться, мы бы и узбекский как-нибудь осилили, но почему-то мысль отказаться от родного языка не приходит нам в голову. Так и с ними: если «этническому мусульманину» (т.е. такому, который считает себя принадлежащим к определенной вере в силу своего происхождения) дают книгу на русском языке, да еще и с крестом на обложке, он отвергает ее сходу. «Это не наше», – говорит он, и он вполне прав. Те знаки и символы, которые для нас кажутся родными и естественными, для него смотрятся как совершенно чужие. Вспомним, как и в России реагировали в свое время на Никоновы реформы, а ведь то были лишь незначительные изменения привычных символов. Да и сегодня, когда верующие видят нечто непривычное в богослужении и благочестии, то «ересь» – первое слово, которое слетает у них с языка.

Но если дать «этническому мусульманину» книгу, написанную на его родном языке и не носящую никаких явных символов чужой религии, он нередко готов ее прочитать. В конце концов, в Коране крайне мало рассказано о жизни великих пророков древности: Ибрагима, Мусы, Дауда, Сулаймана, Яхьи (Иоанна Крестителя) и Исы, сына Мирьям. Единственное исключение, кстати, это история Юсуфа Прекрасного, проданного братьями в Египет – она изложена в Коране довольно полно, остальные же имена в нем лишь упоминаются. И если мусульманин желает познакомиться с историей жизни этих людей, самое естественное для него – раскрыть Библию, тем более, что Коран называет среди священных книг Таурат (Пятикнижие), Зебур (Псалтирь) и Инджиль (Евангелие).

Архимандрит Даниил (Баянторо) говорил: «в любой миссионерской работе мы должны досконально знать местную культуру и уметь говорить в границах данного культурного языка, поскольку иначе наше слово может быть не услышано и не понято. Так, когда вы говорите с мусульманином, вы должны понимать образ мыслей мусульманина. Даже не пытайтесь в речи использовать привычные для христианина термины, православные понятия, потому что они не будут поняты мусульманином». Какие верные слова! Где же проповедовал этот миссионер: в Поволжье, на Кавказе или в Средней Азии? Нет, о. Даниил трудится в Индонезии, где и родился. Интервью он тоже давал не по-русски, мы читаем о его работе в переводах.

Есть две крайности в миссии для мусульман. Первая – это принципиальная и открытая конфронтация, в духе другого о. Даниила (Сысоева). Проповедь, по сути, начинается со слов: «ваша религия ложна». Я не хочу никого судить и не собираюсь утверждать, что такой подход в принципе бесплоден, но он явно не сработает в большинстве случаев: проповедника выгонят после первых же слов, и впредь других, ему подобных, слушать не станут. Возможно, в определенных ситуациях: например, когда человек в сомнениях сам сравнивает две религии и обращается к нам с вопросами, – максимальная откровенность и даже любовое столкновение будут как раз полезны, они позволят ему все оценить и сделать свой выбор. Но таких ситуаций явно немного.

Другая крайность состоит в камуфляже: проповедник вообще ничего не рассказывает людям о христианстве, действуя как бы изнутри ислама. Он говорит об Исе Месихе (Иисус Христос по-арабски), Его служении, смерти, воскресении. Люди собираются по пятницам, молятся Всевышнему, как привыкли прежде, и даже сами не замечают до определенного момента, что их приглашают в какую-то совершенно новую веру. Правда, и вполне христианской ее не назовешь, поскольку она лишена всех христианских символов, оторвана от двухтысячелетней традиции. Такой путь вообще не для православных, это понятно.

Но как только мы заговариваем о конкретных вещах, ясности сразу становится меньше. Возьмем самый известный пример – выражение «Сын Божий». Для мусульман оно как красная тряпка для быка: им давным-давно объяснили, что христиане верят в трех

богов, из которых один якобы родился от брака другого с земной женщиной, и они отвергают такое язычество с негодованием. Как отмечал тот же о. Даниил из Индонезии, мусульманина надо сначала полностью разубедить в такой картинке, всячески подчеркивая единство Бога и соглашаясь с ними, что языческие мифы о рождении богов ложны. И говорить о Христе с ним следует прежде всего как о Слове Божием, посланном в мир ради его спасения – такую весть он куда больше склонен принимать, ведь и сам он почитают превыше всего на земле Слово Божие. Только для него это Коран, а для нас – Христос.

Некоторые наиболее радикальные сторонники такого подхода предлагают и в Библии отказаться от выражения «Сын Божий», заменив его выражениями вроде «Избранный Царь». Это абсолютно неприемлемо для нас, и, по счастью, ни в одном из курируемых мной проектов таких предложений никто не высказывал – я бы их сходу отверг. Но само существование проблемы заставляет нас задуматься: оказывается, нашу аудиторию может шокировать то, к чему мы сами давно привыкли. В разговоре с мусульманами, выходит, надо учитывать их настроения и представления, нужно расставлять другие акценты, иначе строить проповедь. А это утомительно и непривычно!

Каков же опыт наших миссионеров, в особенности, из числа тех, кто сам вырос в исламской среде? Я знаю лично одного священника-узбека, он получил солидное богословское образование, занимался переводами литургии на родной язык. Но используются ли его труды в Ташкенте, что получается там с миссией, чему вообще учит его опыт – об этом мы ничего не знаем, эта тема, по сути, не востребована в церковной среде. Он сам как-то обратился, стал священником – вот и хорошо, вот и достаточно.

Почему же так получается? Я вижу две основные причины, и первая из них – общественно-политическая. Легко приезжать из Америки и проповедовать, а вот если своя, местная епархия возьмется за этот труд, можно представить себе, какой протест это вызовет… даже не у верующих мусульман, им, собственно, никто не помешает ходить в мечеть и держать уразу по-прежнему – а скорее у тех политиков, которые активно разыгрывают карту этнического ислама. Это что же, получается, мы тут по рождению не обязательно мусульмане, так и вы тогда не все православные? Нарушается веками сложившееся равновесие?! Честным будет ответ: да, далеко не все, и давно уже нарушено в нашем обществе то, что казалось незыблым, так что надо теперь дать каждому человеку сделать свободный и осознанный выбор. Только такой ответ может прийтись не ко двору.

Но тут дело не только в политике. Разъясняя свою веру другим людям, отличающимся от нас и по своей культуре, и по мировосприятию, и по языку, мы неизбежно должны будем заново определить истины веры для самих себя, простое повторение благочестивых фраз тут не поможет, а только помешает. Мы должны будем отделить основы нашей веры, обязательные для всех, от внешнего и фольклорного, и признать за каждым народом право строить это внешнее по-своему, как когда-то и наши предки (всякий, кто был в Греции, прекрасно видел, что разница в укладе русском и греческом есть, при полном единстве в вере). И более того: эти истины веры нам придется выражать непривычной, неподготовленной аудитории, которая не спешит поддакивать, а задает, напротив, крайне неудобные вопросы. Готовы ли мы к этому?

Сейчас, похоже, совсем не готовы. Обличительный пафос в адрес мусульман, или протестантов, или Запада, или вообще всех подряд – он ведь порой идет от бессилия, от неумения объяснить достоинства своей веры. Не могу защитить своё, так буду нападать на чужое, доказывать (самому себе, прежде всего), что у них всё намного хуже, чем у нас. Но это совсем не миссионерство. Цель настоящего благовестника – не чужое хулить, а рассказать и показать на деле, что же у нас есть такого хорошего.

И если мы не научимся этого делать в самое ближайшее время, нам придется смириться с тем, что уже становится реальностью в некоторых исламских регионах нашей страны: православие понимается там как этническая религия русских, а наднациональное,

всемирное представление о христианстве связывается почти исключительно с протестантизмом. И дело тут не только в исламском контексте. Уже и в Сибири стала вполне типичной картина: в небольшом городе есть один-два православных храма и несколько протестантских общин. Да, в храмах бывает довольно многолюдно, но если считать жителей такого города, регулярно бывающих на воскресном богослужении, то у протестантов и православных цифры, полагаю, будут сопоставимые. А вот миссионерская активность у протестантов – на порядок или два выше.

Может быть, одна из главных причин нашего бездействия и нашей успокоенности состоит в том, что Православие в России кажется нам чем-то раз и навсегда данным, чем-то таким, что не исчезнет и умалится. На нашем веку, может быть, так и будет. Но мы на то и православные, чтобы мыслить не текущим моментом, а в исторической перспективе. Великие церкви Антиохии и Александрии когда-то казались такими же твердынями, и что с ними теперь? Крошечная Антакья на задворках Турции, малочисленные копты в Египте – они сохранились, конечно. Но не такой судьбы я бы желал своей поместной Церкви.

Единственный копт, с которым я лично знаком – мой коллега, он консультирует переводческие проекты в странах Ближнего Востока. Только сам он протестант, и это меня ничуть не удивляет.

19. Православие с чистого листа?

Кто же не мечтал в детстве о великих открытиях... Вот рассекают океанские волны каравелла или фрегат, и кричат с мачты о близкой земле, и уже спускают на воду шлюпку и капитан препоясывается шпагой, чтобы наречь острову новое имя и водрузить над ним знамя своего королевства. А с берега глядят любопытные – и как знать, не кровожадные ли? – туземцы. Дивятся этому чуду, огромной деревянной рыбе, в которой приплыли бледнолицые люди, или даже боги, кто их разберет!

А потом всё бывает уже не так романтично: нужно искать воду и растить пищу, строить жилье и оборонительные сооружения, торговать и воевать с этими самыми туземцами, словом, начинать новую жизнь на новом месте. И однажды бросит в гавани якорь другой корабль, на котором приплывут переселенцы с далекой и уже почти забытой родины, чтобы начать жизнь заново в этом суровом kraю и устроить тут всё лучше и проще, чем было дома. Приплывут в поисках счастья.

Сегодня всё совсем не так романтично: аэропорты и вокзалы, паспортный контроль, и туземцы – это вовсе не дикари в юбках из пальмовых листьев, они носят такие же джинсы и пьют такую же колу или пиво. Да и вообще, выглядят они, как правило, куда цивилизованнее переселенцев, ищущих лучшей доли. Но проблемы, по сути, те же. И глядя на то, как миллионы наших бывших и настоящих сограждан покидают нашу страну, как меняются сами границы этой страны, отрезая от нее тех, кто и не думал об эмиграции, поневоле задаешься вопросом: а что же будет с русской диаспорой через сотню-другую лет? Что сохранит она в рассеянии: язык, культуру, религию? Евреи, к примеру, за тысячелетия сохранили религию, но не язык, цыгане – ровно наоборот, китайцам удается сохранять то и другое, а вот ирландцы свой язык утратили даже на родине, зато обучили всех остальных пиву и песням своей страны...

Но поговорить сейчас, конечно, я хочу не о пиве, не о песнях, и даже не о языке, а скорее о православии. Вот уже скоро век, как волна за волной, поколение за поколением наши соотечественники оказываются на чужих берегах, и одни хранят там веру отцов, другие обретают ее для себя заново – и таких, надо сказать, больше. Да, у себя дома они могли заходить в церковь, которая была для них частью пейзажа, но на других берегах и пейзажи не те, что прежде. И церкви, какие попадаются на главных площадях городов, совсем не православные. Зайти можно и туда. А вот в православный храм зачастую приходится ехать в соседний город (и транспорт дорог!), да в единственный выходной, и содержать храм приходится на собственные скучные средства...

Это сейчас в Париже строится роскошный храмовый комплекс, да и другие православные храмы там в полном порядке. А в тридцатые годы прошлого века служили литургию в гараже, на другое помещение у эмигрантов просто денег не хватало. Только те, кто молился на той службе, вспоминали потом этот гараж с иконами как нечто самое прекрасное и драгоценное в жизни. Там встречали они нечто такое, что не встретили в кремлевских и петербургских соборах, в лучших монастырях оставленной России... Потому ли только, что к вере эти люди обратились в отчаянное время, когда утратили всё земное и надеяться могли лишь на небесное? Или еще по каким-то причинам?

Мне говорил один русский священник, служащий за пределами России, и потом его слова подтвердил другой священник, европеец, служащий в православном храме в своей родной стране: начинать с чистого листа бывает проще. К православию, прочно вписанному в привычный пейзаж, слишком много предъявляется требований. И дело даже не в тех толпах, которые являются освящать вербочки и куличи и разбирать крещенскую воду, не в тех захожанах, которые приносят крестить младенцев и отпевать покойников, не желая знать ничего другого. У них одно требование: быть ритуально обслуженными, а молящимся они особо не мешают.

Гораздо сложнее бывает с теми, кто точно знает, каким должно быть подлинное православие, кто хочет поставить на должное место не одну только вербочку, а целую

поместную Церковь или, по меньшей мере, приход или монастырь. Как и о чем он должен молиться, как следует выстраивать отношения с властями и обществом, о чем можно говорить и, главное, каким языком – почти у каждого есть точное мнение по каждому из этих вопросов, и порой кажется, что каждый второй спешит именно его объявить апостольским и святоотеческим, обязательным ко всеобщему исполнению. Нет, на самом деле, таких требовательных людей не слишком много, но голос их бывает слишком уж хорошо заметен...

«Я в тот храм не хожу, там...» – эти слова я уже привык слышать со временем своей церковной юности. Самый забавный случай был еще на закате советской власти, когда ко мне, кудрявому русоволосому юноше с характером явно нордическим, прямо в храме Воскресения Словущего в Брюсовом подошел некий господин и стал объяснять, что мне как славянину нечего ходить в храм, где одни евреи. Но тут рядом встали жена с дочкой (они ходили к иконе прикладываться) и, глядя на ближневосточные, я бы даже сказал библейские черты моих дорогих девочек, он сразу понял, что этот раунд борьбы за чистоту славянской расы уже безнадежно проигран. Так и на иконах ведь были не только славяне.

Сколько раз с тех пор я слышал о неправильности своего и чужого православия! Сначала они раздражали, потом забавляли, теперь звучат уже привычным фоном. Сколько раз слышал о наиправославнейшем чьем-то православии, в котором получалось так много прилагательного «православный», что существительное «христианство» за ним и вовсе терялось, становилось каким-то незаметным... И в такие моменты начинаешь тосковать по гаражу, куда приходят на литургию вымотанные за неделю люди, им просто некогда и незачем что-то друг другу доказывать. Зато они понимают, что «Христос посреди нас» – не просто красивая фраза для тех, кто в алтаре (да и границы алтарного пространства там лишь обозначены), а реальность, ради которой они и приходят туда. И если ее не станет – не будет никакого смысла ни в прилагательных, ни в глаголах, ни во всех риторических построениях и упражнениях.

Я не скажу, что за границей, в эмигрантских приходах, нет проблем такого рода. Напротив, людям свойственно переносить именно на храм функцию культурного центра, собираться в нем ради общения, поддержания традиций и просто разговора на языке далекой родины. Но слишком уж там они разные, и когда стоят рядом сибиряк, украинец, москвич и молдаванин, а поодаль принявший православие европеец, а порой и серб, и грек, и эфиоп, и армянин, и вообще кто угодно, и половина состоит в смешанных браках – этих людей действительно объединяет вера. Не получится ни по национальному, ни по какому другому признаку обособиться, не выйдет предъявить к церкви своих требований.

Да и как предъявлять? Страна чужая, приходится учить ее язык, исполнять ее законы, знакомиться с ее обычаями. Человек привыкает подстраиваться под окружающий мир, и ему уже становится не до того, чтобы подстраивать церковную жизнь под свои собственные ожидания, ему бы главное найти для себя. И потому действительно проще бывает там, за рубежом, выстроить приходскую жизнь с чистого листа... наверное. Я ведь не пробовал, наверняка не скажу.

Но я вполне могу представить себе такую ситуацию... Если мы не прекратим препираться по мелочным поводам и демонстрировать друг другу свое превосходство, однажды мы получим – а может быть, получат наши дети – шанс начать всё с чистого листа в какой-то совершенно другой стране, в которой православие уже не будет считаться традиционной религией, и большинство во время социологических опросов уже не будет себя относить именно к нему. Впрочем, исходя из нынешних демографических реалий, такое развитие событий достаточно вероятно в любом случае, но вопрос не в демографии, а скорее в нашей собственной готовности заниматься главным, единственным на потребу. Что придет, мы не можем знать наверняка, но какими мы встретим будущее, зависит в значительной степени от нас. И если о главном промолчим мы, за нас это скажут

другие – и тогда уже нам придется примерять на себя не парадный камзол первооткрывателя, а травяную юбочку неразумного туземца.

20. Зачем мы молодежи?

Я читал лекцию в Доме журналиста по программе [общедоступного православного лектория](#). А после лекции ко мне подошла съемочная группа [телеканала «Союз»](#): девушка и парень 20-ти с небольшим лет – взять интервью. Я думал, что спрашивать будут о чем-то таком, в чем я разбираюсь лучше них – ну, например, о библейских текстах. Но вопросы оказались неожиданно трудными, мне самому хотелось бы получить на них ответ. «В зале много молодежи, что привлекло их сюда?» – спросили меня. И добавили: «А почему вообще всё это важно для молодежи? Зачем это ей?»

Мне, конечно, захотелось ответить на другой вопрос: зачем молодежь нужна нам, почему она необходима Церкви. Ответ на него я знаю, да и как не знать: все люди смертны, если не будет смены поколений – мы просто вымрем, как динозавры. Хотя… в Церковь ведь тоже можно приходить по-разному. В хрущевское время в храме молодых лиц практически не было, слишком уж опасно: из комсомола и института могли выгнать, работы пристойной не дать. Стоит взглянуть на фотографии тех времен, чтобы увидеть: в храме – почти сплошь пенсионерки.

Впрочем, и по сию пору во многих храмах основа прихода – немолодые женщины. Значит, они пришли в храм как раз в советские годы? И состарились в Церкви? Не обязательно. Обычно бывало как: молодость, средний возраст – время активности, работы и творчества. А уж к старости, как на пенсию выйдешь, как разлетятся по миру взрослые дети, настанет время подумать о душе, Богу помолиться. На закате советской власти в храмы постоянно приходили новые люди, и в большинстве своем вовсе не молодые, а те, кто уже всё в этой жизни *сделал*, и осталось им в сделанном *покаяться*.

Словом, если и не придут сегодня в храм молодые – это совсем не значит, что они не придут в него никогда. Поживут, пообтешутся, поймут, почем фунт лиха, и вот на старости лет… Но мне почему-то совсем не нравится такая перспектива. В советские годы всё было понятно: Церковь специально старались сделать сообществом неграмотных старух, раз уж не удалось от нее избавиться. Но сегодня в храмах больших городов всё больше юных и детских лиц, и пенсионерки уже в меньшинстве, да и сами они это чувствуют, сами уже не столько учат молодежь, сколько учатся у нее: ведь теперешние, они грамотные, не то, что мы когда-то…

И в этом, на самом деле, вижу я надежду на добрые перемены в нашей церковной жизни. Когда приходят в храм, чтобы покаяться за прожитую жизнь, ее ведь уже не изменишь… и получается тогда христианство усталое и разочарованное, этакое тихое прибежище на склоне лет. Но если в Церковь приходит молодой человек, он, напротив, хочет *прожить* эту жизнь с Богом, чтобы изменить нечто в себе и вокруг себя, а это совсем другое дело! Правда, нередко оказывается, что сама приходская жизнь уже настроена на другой лад, что от него, собственно, только того и ждут, чтобы состарился и утихомирился побыстрее. Но когда молодых становится много, с ними уже этот фокус так просто не проходит.

Сам я крестился 17-летним первокурсником четверть века назад. Это было, конечно, бегством от унылой позднесоветской действительности, от тотальной пропаганды, от бессмыслицы официального коммунизма. Мы, студенты 80-х, приходили в Церковь буквально наугад, потому что больше некуда было особо идти. И начало нашей церковной жизни во многом определялось тем, кого мы встретим в ближайшем храме, кто поговорит с нами или, напротив, откажется разговаривать. Сколько разочарований, сколько ошибок проистекало тогда от простого неведения… Молитвословы переписывали от руки, а Библию так и вовсе негде было взять.

Сегодня ситуация стала совершенно иной. Человек, приходящий к вере, совершает осознанный и продуманный выбор, он может получить доступ к любой информации, встретиться с самыми разными людьми, посетить какие угодно приходы. А главное, он вырос в совершенно иных условиях, он привык к личной свободе. Можно долго и упорно

спорить о том, как обстоят в нашей стране дела с демократией и правовым государством, но несомненно другое: в частной жизни сегодня человек, особенно молодой, вполне свободен. Его не гонят ни на партсобрания, ни на молебны, и он очень высоко. на самом деле, ценит это свою свободу, хотя не всегда задумывается о ней. Это как воздух: пока мы им дышим, не думаем о нем, но вот если его начинает не хватать, не заметить этого нельзя.

И так я подошел к ответу на вопрос, который и был мне задан: а зачем все эти наши лекции, все публикации (включая и саму эту статью) нужны нынешней молодежи? Это ей, конечно, решать, но раз на лекции кто-то приходит, значит, они кому-то нужны. Я, как водится, говорю на них то, что хотел бы услышать сам на заре своей христианской жизни, чего мне тогда так не хватало. Чего же именно?

Прежде всего, это разговор о... смысле жизни, если хотите. Или, точнее, о ее смыслах. Обычно человека, пришедшего в храм, начинают обучать формам: делай вот так, и так, и так... Какое-то время он обучается, и порой даже очень активно. Но неизбежно встает вопрос: а зачем именно делать так? Понятнее становятся символизм богослужения, церковнославянский язык, аскетические правила и догматические формулировки, но они не обязательно становятся от этого ближе. Зачем всё это, для чего?

И самое интересное, что дать какой-то общий ответ тут просто невозможно: смысл своей жизни и отдельных ее частей каждый человек может открыть только сам для себя, и что пригодится одному, то может помешать или навредить другому. И все, что я могу сделать – это помочь другим людям в поиске смыслов. Помочь им встретиться с тем главным, что есть в христианстве.

Для меня это, прежде всего, Священное Писание. Оно обращено к людям любой эпохи, но в разных эпохах оно может пониматься не одинаково. Христос говорил притчи о рыбаках и пахарях, о винограде и овцах – о том, что окружало его слушателей буквально на каждом шагу. Мы все, конечно, знаем, как растет виноград и как пасут овец, но для нас эти образы уже утратили свою живость и конкретность – очень мало кому доводилось своими руками подрезать лозу или нести к стаду отбившуюся овечку.

И это еще простой случай. Гораздо сложнее бывает современному человеку понять что такое, например, жертва и почему всё, произошедшее на Голгофе, описывается как искупительная жертва за грехи человечества. В те времена каждый человек, иудей равно как и язычник, видел множество жертвоприношений и участвовал в них сам. Он прекрасно понимал, в чем суть этого события, почему оно так необходимо людям, и когда он слышал, что на Голгофе совершилось главное и окончательное жертвоприношение, он понимал самое главное без посторонней помощи. Но когда об этом говоришь современному человеку, он недоумевает: а зачем? Неужели нельзя было как-то иначе обойтись? Приходится объяснять.

Цель моих лекций и статей, в конечном счете – убрать подобные барьеры, подвести современного человека к реальности древнего и вечно живого текста, показать ему, что говорит этот текст людям нашего времени, а не только древним рыбакам, мытарям, фарисеям и прочим людям со странными именами и устаревшими профессиями. Нужно ли это слушателям и читателям, каждый решает, конечно, сам.

Но мне отчего-то кажется, что смыслы жизни – это одна из главных вещей, которую ищет современная молодежь. Да, желанны для нее материальный достаток и карьерный успех, многое кажется ей стильным, крутым и всякое такое – но всё это обычно легко взвесить и измерить, на это можно заработать. Суть не в этом. Как двадцать лет или как двадцать веков назад, перед людьми, вступающими в жизнь, встают всё те же вопросы о смысле и цели, и каждое поколение ищет свои ответы. Да что там поколение, каждый человек их находит... или не находит. Если всё, чем мы, якобы умудренные опытом люди среднего возраста, можем с молодыми поделиться, поможет хотя бы некоторым найти свое место в этом мире, и нам к тому же окажется с ними по пути – значит, не зря мы всё это писали и говорили. Ну, а судить, насколько удалось – действительно, им, молодым.

Наедине

21. Текст как пространство Встречи

Когда меня спрашивают о моей профессии, я отвечаю: «библеист». А когда меня представляют другим как библеиста, порой приходится напоминать: я еще и просто человек, муж, отец, гражданин России... наконец, христианин. А что же это значит: изучать и переводить Библию профессионально, получать за это деньги и ученыe степени, и в то же время обращаться к ней как к Слову Божьему вместе со всеми остальными христианами? Я попробую рассказать о своем опыте, может быть, он еще кому-нибудь пригодится.

К вере я пришел в 17 лет, студентом-первокурсником. Только что генеральным секретарем ЦК КПСС был избран М.С. Горбачев, но никакая перестройка еще не началась, «за религию» могли выгнать из университета: не то, чтобы строго следили, но если попадешься комсомольскому патрулю около церкви в пасхальную ночь, будут серьезные неприятности. Но люди все же приходили в храмы и на молитвенные собрания, читали книги, переданные из рук в руки в метро, официально ведь их было не достать... Одна Библия была в университетской библиотеке, на дом ее вообще не выдавали, а в читальном зале можно было ей пользоваться только тем студентам, которые оформляли особый допуск: они писали курсовые и дипломные работы по истории или литературе Средних веков, им требовалось «работать с источниками».

Было в нашем интересе что-то от моды и от фрондерства, но тогда мы обращались к христианству прежде всего в поисках смысла. Было понятно, что человек тем и отличается от животных, что важны ему не только физиологические потребности: еда, питье, отдых, размножение – жить надо ради чего-то большего. Но ради чего? В строительство коммунизма не верил уже никто, включая самих коммунистических агитаторов. Кто-то шел в науку, кто-то в искусство, самые смелые – в правозащитное движение. Но все эти вещи, прекрасные сами по себе, не давали ответа на главные вопросы: зачем мы живем, что будет с нами после смерти? Об этом говорили только религии, и говорили по-разному.

Не скажу, чтобы мой поиск был очень долгим: чуть-чуть познакомился я с буддизмом, а точнее, с той эзотерической кашей на его основе, которая была в те годы популярна, но основной мой интерес был направлен на веру предков – христианство, прежде всего православное. Но я очень четко понимал, что ищу не конфессию, не обряд, не национальную традицию, а Истину. И помню момент, когда понял, что нашел. Мы разговаривали с моим школьным другом, уже верующим, он говорил мне о вере и Евангелии, и я вдруг ощущил, что в комнате, кроме нас двоих, незримо, но явственно присутствовал кто-то третий. И с тех пор я так и понимаю суть христианства: это встреча людей со Христом и друг с другом ради Христа и в Его незримом присутствии. Будда или Сократ тоже многое сказали мудро и прекрасно, но они не шли за меня на смерть, они не предлагали мне помочь здесь и сейчас. Все это открывал мне только Христос.

Хотя тогда я бы так, наверное, это не сформулировал... Конечно, путь к церкви и затем уже внутри нее не был у меня гладким и простым, как не бывает, наверное, ни у кого, но я сейчас не об этом. Библию я начал читать в Синодальном переводе (дома нашлось еще дореволюционное издание), и хотя Евангелия были понятны, но на Посланиях я совершенно увял. Когда через пару лет одна француженка подарила нам с женой полную Брюссельскую Библию на папироносной бумаге (она и сейчас стоит у меня на книжной полке, сильно потрапанная, но очень дорогая), я взялся и за Ветхий Завет... но мало что в нем осилил.

Понять эти сложные тексты мне помогли книги священника Александра Меня. Он писал о Библии и ее героях достаточно просто и в то же время подробно, а главное, он представлял персонажей библейских историй как живых людей, показывал их отношения с Богом и друг с другом, и становилось ясно: это не просто «дела давно минувших дней», а нечто живое и настоящее, что помогает тебе найти свой путь в этом мире. К тому же мне помогала понять эту Книгу учеба в университете: мы изучали древние языки и античную литературу. Она далеко не во всем была похожа на Библию, но нас учили видеть за текстом совершенно другой мир древности, населенный точно такими же людьми, как и мы. Они совсем иначе одевались и вели себя, мыслили иными категориями, по-другому выражали свои мысли, но они испытывали те же самые потребности и чувства, переживали радость и горе совсем как мы. Древний текст позволял прикоснуться к этому миру, понять этих людей, но только надо было не торопиться, не переносить на них своих стереотипов и учитывать разницу в культуре и мировосприятии. Это касалось и Гомера, и Вергилия, и библейских авторов, которых мы почти не читали; замечательное исключение – спецкурс А.Ч. Козаржевского по Новому Завету, который в целях конспирации назывался «западно-ионийским койнэ». Впрочем, уже и в конспирации не было особой нужды: за год до того, в 1988 г., когда я служил в Советской армии, старшина обнаружил у меня и конфисковал карманный Новый Завет, грозился страшными карами. А замполит полка книгу вернул, добродушно сказав: «Теперь можно». Старшина был в шоке!

Я закончил университет в 1992 году, когда можно было вообще всё, но заниматься библеистикой я совершенно не собирался. Меня привлекал мир византийской поэзии, которая отчасти сохранилась в современном православном богослужении, а отчасти была незаслуженно забыта. Но вышло так, что я «выиграл в лотерею по трамвайному билету»: оказался в нужное время в нужном месте и получил приглашение поехать в Амстердам учиться библейскому переводу, вот такая неожиданная случайность... если хотите считать это случайностью. Приглашение я принял. Это были курсы, организованные специально для людей из бывшего СССР, где ощущалась такая острая нехватка современных переводов Библии, а на большинстве языков переводов не было вообще никаких. Мне понравились эти курсы, я увидел, насколько востребована эта деятельность, понял, что она мне интересна и посильна, помнил я прекрасно и о собственных страданиях над невнятностью и бесцветностью многих страниц старого перевода... и с тех пор я именно переводом Библии в основном и занимаюсь,участвую в различных переводческих проектах, в основном в качестве консультанта, поскольку сам переводить могу лишь на свой родной язык, русский.

Но как же сочетается обращение к Библии как к Слову Божьему с сухим научным анализом этого текста? Для многих это большая проблема. Одним кажется, что верующий христианин обязательно должен принимать каждое выражение Библии в буквальном и прямом смысле: если сказано, что мир сотворен за шесть дней, значит, он возник ровно за шесть суток земного времени, сразу в готовом виде, а думать иначе – значит сомневаться в истинности Откровения. Но, с другой стороны, когда-то люди понимали буквально и те слова Библии, где говорится о движении солнца по небу и на этом основании отвергали как еретическую саму мысль, будто земля может вращаться вокруг солнца. Другие, напротив, находят в библейском тексте множество несогласованностей, позднейших исправлений, и на этом основании начинали редактировать само содержание евангельского текста, выделяя из него некоего «исторического Иисуса», с которым, конечно же, не могли происходить никакие чудеса, потому что чудес, как доказала наука, не бывает. Но ведь чудо на то и чудо, что нарушает законы природы, которые может изучать наука...

Эти споры бывают нескончаемыми и беспощадными, но для меня, как ни странно, они никогда не были особенно значимыми. Может быть, здесь помогла университетская выучка: я не ждал от текста больше того, что он может дать, и я прекрасно понимал, что любой текст отражает реальность не напрямую. Мы говорим: «солнце встало» и «солнце

село», хотя прекрасно знаем: это не солнце движется по небу, а земля вращается вокруг него. И точно так же два или три тысячелетия назад люди пользовались привычными им оборотами речи: «день первый, день второй»... Ну не было у них понятий «геологический период» или «миллиард лет», просто не было их! Придавать таким внешним чертам текста статус непреложной истины – просто неразумно. Первые строки книги Бытия не отвечают на вопрос «за какой срок возник этот мир», но указывают нам на Творца этого мира и говорят, что мир был создан упорядоченным, разумным, удобным для человека и, самое главное, прекрасным. А потом что-то главное испортилось в отношениях между Богом и человеком, и всё стало иным.

С другой стороны, меня не смущают и данные науки, например, свидетельства о расхождениях между разными рукописями, порой весьма значительных. Например, греческая версия книги Есфирь на четверть длиннее еврейской! Какая же из них подлинная? Да, у нас нет единого текста, на котором стояли бы личные подписи пророков и евангелистов, но нужен ли он нам? Зато у нас есть некоторое количество рукописей, целиком и полностью согласных в главном. Четыре евангелиста тоже не обо всем одинаково рассказали, потому что жизненный опыт каждого человека уникален и неповторим, и его личная встреча со Христом тоже окажется особенной, не совсем такой, как у всех прочих. Но если мы едины в главном, то мы действительно единоверцы, мы составляем церковь. Не случайно первые христиане сохранили и приняли как Писание именно четыре наших Евангелия, но отвергли при этом все пересказы евангельской истории, которые противоречили их вере, где они не видели своего Господа, каким знали и любили Его. И точно так же множество рукописей, доносящих до нас слова оригинала, составляют Библию, но никакая рукопись по отдельности Библии не равна. Изучать их вполне естественно и полезно, только... сами по себе они не приближают к Богу, и их изучение не приближает. Они лишь дают человеку представление о Нем, подсказывают, куда идти. Пойти или нет, каждый выбирает сам.

Текст Библии – пространство для Встречи, но еще не сама Встреча.

22. Любить себя?

«Возлюби ближнего, как самого себя» – так призывал еще Ветхий Завет, и эти же слова повторил Христос, когда его спросили о главном в Законе. Да, на первое место Он поставил заповедь «возлюби Бога», но эту – на второе после нее. И что надо любить ближнего, с этим, наверное, никто не станет спорить. Но причем же здесь любовь к себе? Я задавал себе этот вопрос много раз, и потому хотел бы предложить свои размышления, с которыми наверняка не каждый согласится. Да я и сам лет десять назад с ними был, пожалуй, поспорил, и как отнесусь к ним еще через десять лет, тоже еще не знаю... Но высказать их сейчас кажется мне важным делом.

Господь мог бы сказать нам: «возлюби ближнего, как Я возлюбил тебя», указав нам на пример самой чистой и совершенной любви. Но такая заповедь была бы неисполнима: мера Божественной любви человеку просто недоступна. Так что заповедь призывает каждого из нас к тому, что он в состоянии сделать: проявить высшую любовь, на какую только способен. И мера этой любви – наше отношение к самим себе. Значит, любить себя тоже в каком-то смысле не просто допустимо, но даже необходимо. Если человек себя не любит, он не полюбит и другого, он просто не способен к этому, как не способен хромой бегать.

Но ведь «любит себя» мы говорим про такого человека, который заботится только о себе, а к остальным относится с пренебрежением. Разве это не порок? Разумеется, порок, но именно потому порок, что такой человек отказывает в минимальной симпатии ближнему. Да и любовь к себе у него обычно бывает извращенная, болезненная, слепая. Впрочем, можно испытывать такую «любовь» и к другому человеку: например, к ребенку, если его только жалеть, всё ему разрешать и ни в чем не ограничивать. Из такого ребенка вырастет очень жестокий и очень несчастный человек, потому что мир не предоставит ему того комфорта, к которому его приучили. И себялюбивый выращивает такого капризного деспота из себя самого.

Однако если есть подделка, значит, есть и подлинник. Раз есть пьянство – значит, есть и радость дружеского застолья, раз есть блуд – значит, есть и таинство брачного союза. И если существует извращенное себялюбие, то есть и чистая любовь к себе самому, которая делает человека лучше и счастливее.

А как же смирение? Разве не принято у христиан говорить о себе с некоторой гадливостью: дескать, хуже меня нет никого. И вроде как Церковь тому же учит... Да вот не совсем тому же! Вот один из самых ярких образов покаянного канона: «Яко же бо свиния лежит в калу, тако и аз греху служу». Обратим внимание: не я – свинья, но мои поступки суть свинство. Если сам по себе я человек, обладающий множеством прекрасных качеств, если я ношу в себе образ Божий, тогда каждый мой проступок, пятнающий этот образ, действительно оскорбляет Бога. Бросить в навоз грязную тряпку естественно, но уронить туда драгоценный камень – настоящая беда.

Православные часто задаются вопросом, как понимать слова, которые произносятся перед Причастием: «от них же первый есмь аз». Это в каком смысле я первый из грешников? Неужели мои повседневные грехи перевесят то, что натворили, к примеру, Гитлер и Сталин? Нет, конечно же. Но тираны прошлого мне, по большому счету, безразличны, а вот как я повредил своей собственной душе, прекрасной и неповторимой – это я вижу отлично. И нет никого, кто оскорбил бы ее сильнее, кто причинил бы ей больше боли, нежели я сам. Некого мне пропускать вперед в этой очереди. И все это я могу сказать, если я считаю свою душу действительно прекрасной.

Но я могу понять эти слова молитвы и по-другому: я самый распоследний негодяй и ничтожество, хуже меня и нет никого на свете. А если так, что тогда с меня спрашивать по всякому поводу? Приговоренного к вечной каторге не штрафуют уже за такие мелочи, как переход дороги в неподожженном месте.

И если я сочту себя конченным мерзавцем, то и поступать буду в соответствии с этими характеристиками. Слова «я последний грешник» станут своего рода извинением для разгильдяйства и хамства, для множества мелких повседневных проступков. Ах, оставьте, что вы об этой ерунде, я грешен всеми грехами, виновен во всех злодействах... Порой мы удивляемся: отчего именно в христианских организациях приходится сталкиваться с особой необязательностью, грубостью, непрофессионализмом? Разве не должно быть наоборот? Но если каждый думает о себе как о последнем негодяе, то уж какой там профессионализм! Все будут только самобичеванием заниматься.

И вот приходит на исповедь человек и начинает перечислять не столько свои грехи, от которых он хочет избавиться, сколько свои качества... Помню, как один священник перед исповедью с искренним возмущением говорил: «Вот уже идет литургия, уже поют херувимскую, уже мы должны встречать Царя, а мы всё стоим и повторяем: я часто раздражаюсь, я обижаюсь, я ленив, я такой-сякой... Вот мы такими и остаемся, и приходим раз за разом с одним и тем же!»

Он, конечно, совсем не имел в виду, что исповедоваться не надо, хотя он ясно намекал: это стоит делать не во время литургии, а отдельно. Но еще он, думаю, призывал нас не считать свои грехи частью себя, не считать их своей неотъемлемой принадлежностью. Очищая брильянт от грязи, любоваться брильянтом, а не грязью. И еще одно... мы все как-то очень легко обвиняем себя в раздражительности, к примеру, но, с другой стороны, есть ли на свете человек, который никогда ни на что не раздражается? Возможно, среди индийских йогов или афонских монахов такой есть... или, может быть, это нам только кажется, и они на самом деле прекрасно научились владеть собой?

Иными словами, сказать: «некоторые вещи, порой сущие пустяки, меня раздражают, обижают, огорчают» – это еще не покаяние. Это констатация факта: да, я человек, весьма несовершенный, и мир этот тоже несовершенный, и я не рассчитываю, что когда-нибудь в этой жизни будет иначе. Но вот что я делаю с этим своим раздражением, как я поступаю с обидчиком – вот это уже сфера моей ответственности, а значит, здесь вполне применимо понятие греха. И чтобы разглядеть пятна этого греха, чтобы начать от них избавляться, нужно все же видеть и тот свет, который есть во мне, не по моим заслугам, конечно. А серое, бездумное повторение «я хуже всех» лишает меня возможности видеть свет.

Мы все, наверное, недолюблены; часто и к Богу мы обращаемся в поисках того, чего не нашли у людей. Нам очень важно, чтобы нас принимали, ценили, прощали. Мы, христиане, верим, что Господь действительно готов нам всё это дать. Но готов ли я принять – вот это главный вопрос. Готов ли я полюбить то, что так бережно и вместе с тем требовательно любит Он – мою собственную душу?

Это, сдается мне, непременное условие встречи с самим собой. Нередко бывает так, что человек переносит всю свою любовь к себе на некий идеал. Да, сам он последний грешник, но он точно знает, как надо жить ему и всем остальным. Это свое знание он будет страстно навязывать всем окружающим – и, по-моему, в этом есть нечто от попыток заставить людей полюбить пусть не его самого, каков он есть, но хотя бы его «идеального». Впрочем, почти все мы то и дело горячимся в спорах, доказываем вроде бы истину, а на самом деле – свою правоту. Добиваемся, чтобы именно нас признали самыми умными, знающими, правильными. Просим, по сути, чтобы нас полюбили.

Может быть, дело в том, что с идеалом всё очень просто? Он на то и идеал, чтобы его только хвалить. А любой живой человек – и я сам, и мой ближний – очень сложное и до конца не понятное существо, в котором есть и свет, и тьма. Встреча с самим собой – реальным, а не придуманным – бывает очень неприятной. Вот поэтому и спешим порой вычеркнуть себя из «списка хороших», особенно если нам еще в детстве внущили: «ты некрасивая», «ты хулиган», «из тебя не выйдет никакого толка». Раз так, то и встречаться с собой не стоит.

Как может проходить эта встреча с самим собой – тема для особого разговора, и даже не одного. Но путей тут очень много: от покаянного канона Св. Андрея Критского, пламенного диалога со своей душой, до современных психотерапевтических методов... Все это может пойти нам на пользу, если мы действительно хотим такой встречи.

«О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна!» – рефреном звучат эти слова в Песни Песней. По одному из древних толкований, так Господь говорит нашей душе (не забывая обо всех ее страстиах, про них в Песни тоже немало сказано). Мне кажется, мы можем с этими словами согласиться.

23. Безотцовщина

Я снял эту книгу с полки наугад – что-нибудь почтить в дорогу. И не разочаровался. Это оказалась повесть Татьяны Соломатиной «Папа». Автор – моя ровесница, вполне состоявшийся человек: врач, а к тому же еще и писатель. Книга написана от первого лица, и она отчасти как раз об успехе и состоятельности автора, но в первую очередь она совсем не о том. Это история девочки, у которой не было папы... вернее, был, но после ее девяти лет как-то в воздухе растворился, хоть и жил в одной квартире с ней и с истеричной, безумной мамой. Она-то в жизни девочки очень даже была, только девочку это совсем не радовало. Ну, и у других девочек, одноклассниц и подружек, примерно такая же история, у каждой со своим собственным сюжетом.

Когда мы росли, говорить о таком вслух было просто неприлично. Родители – это святое, внушали нам, и культ этот практиковался в стране Советов с детского сада. Даже коммунистическая идеология подстраивалась под него: огромная железная женщина с мечом меньше всего напоминала любимую мамочку, но называлась непременно Родиной-Матерью. Ну, а стоящего за ее спиной Отца мы уже живым не застали, хотя прекрасно все о нем помнили, и фотография его хранилась у моей бабушки в серванте до самой смерти. Зато у нас был дедушка Ленин в книжке и еще один дорогой дедушка с пышными бровями на трибуне Мавзолея, их положено было любить и беспрекословно слушаться.

Советский строй рухнул, но мифы исчезают не сразу. Только очень свободный и далекий от внешней помпезности человек, например, Н.Л. Трауберг, мог сказать пусть даже в девяностые что-то вроде «психотерапевт нужен каждому человеку, у которого была мать». Это звучало таким кощунством! Мама – ведь это самое дорогое, самое родное и близкое – и от этого, оказывается, нужно лечиться у каких-то терапевтов, да еще и «психо»? И верующие отдельно напоминали: «чи отца и мать твою» – библейская заповедь, одна из самых главных. Нельзя говорить о них плохого! О Ленине можно, о Родине, допустим, тоже (хотя нежелательно), но только не о своих родителях, они же добра нам хотели, они нас родили, вырастили, любили и любят...

А вот в последние годы как прорвало: в блогах, в журналах, на лекциях и в книгах люди вполне успешные, не из семей алкоголиков, говорят о своих родителях с болью и горечью: вот, не дали они нам того, что было нам так нужно. И порой учат, как с этимправляться. Даже не жалуются, вот и Соломатина пишет, что ее героине нечего прощать отцу, как нечего прощать осеннему дождю... Но когда уже даже прощать нечего, когда родители уподобляются дурной погоде – это совсем как-то грустно. А другие возражают и ужасаются: как же те не чтут ни отца, ни мать, как смеют говорить такое? Ужасаются в основном отцы и матери, не чувствующие к себе достаточного почтения, и охотно цитируют эти библейские слова, не вспоминая ни о каких других наставлениях той самой мудрой и древней книги. Там ведь и родителям многое сказано, а не только детям, казалось бы, надо к себе первым предъявлять претензии.

Что-то всерьез пошло наперекосяк в нашем обществе, и мы не то, чтобы не знаем, как поправить – мы даже не понимаем, что именно пошло не так, и можно ли вообще об этом вслух говорить, прилично ли. Нет и у меня ответов на эти вопросы, но есть, чем поделиться с теми, кто тоже их ищет.

Весь мир в последние два-три столетия идет от патриархального деревенского быта к индустриальному городскому ритму, а от него и к виртуальному постмодерну – только разные страны идут с разной скоростью и несколько разными путями. В любом случае это переход от общества, где мать и отец всё решают даже за вполне великовозрастного ребенка, к иной жизни, в которой он вместе с паспортном получает полную самостоятельность и ответственность. Российский особый путь заключался в том, что мы в двадцатом веке шагали уж слишком размашисто и слишком много крови пролили по дороге: революция, гражданская, репрессии, да и великкая война...

Еще один мой ровесник, психолог Людмила Петрановская в целой серии заметок в своем блоге рассуждает именно об этом, и я попробую в двух словах передать ее основную мысль. Наши дедушки и бабушки не успели побывать родителями – они воевали на фронте и ковали победу в тылу, сидели в лагерях и просто выживали в эти страшные годы. Оба моих деда были на войне, оба вернулись живыми… и оба создали новые семьи, не было уже для них возврата к довоенному быту. И у наших родителей просто не получилось опыта нормального мирного детства. В лучшем случае, их первые годы согревали наши прабабки, воспитанные еще до революции в крестьянской избе или в родовом поместье, но и с ними повезло не каждому.

В конце шестидесятых родились мы. Наши родители любили нас и старались дать нам всё, что могли… но нельзя дать своему ребенку то, чего сам не получил, как нельзя выучить его китайскому языку, если ты не китаец. Но мы хотя бы видели маму, а то и папу, почти каждый вечер, мы знали, что любимы и защищены, а это уже немало. Мы тоже любили их, старались быть хорошими детьми и ценили свое беззаботное детство. Правда, мой отец все равно ушел, хоть уже и не было войны – они не договорились с мамой. Они, наверное, просто оба не знали, как это бывает, когда насовсем вместе.

А потом, в девяностые, вдруг изменились правила игры, и как-то так сразу оказалось, что взрослые теперь – это мы, и что мир взрослых совсем не таков, как нам рассказывали раньше. Нам снова пришлось выживать, мы завели собственных детей и зачастую видели их только спящими. Мы принимали решения за всю семью, мы искали свой путь… и в какой-то момент осознавали, кто с горечью, кто с обидой, а кто и с видимой легкостью, принаршиваясь к осеннему дождю, что было бы гораздо проще и легче жить, будь у нас немного иное детство. А не будет. И взрослые теперь – это действительно мы, и наш черед передавать, что можем, собственным детям. И стареньkim родителям, если живы – тоже отдавать, что можем, и не потому, что должны, а потому, что время слишком быстро и главного можно не успеть сказать и сделать.

А вообще-то нам достаточно хорошо живется, если мы о таких вещах находим время и место задуматься. Не до них было в коммуналках, или даже в сталинских высотках в ожидании ночного звонка в дверь, не ими были забиты головы в эпоху тотального дефицита. Да и попробуй тогда что-то пикни против генеральной линии… Мы додумываем, договариваем всё это за прошлых два или три поколения просто потому, что у нас появилась такая возможность – и значит, появился шанс что-то всерьез изменить к лучшему.

Заодно оказалось, что взрослеет вся наша страна. Целый двадцатый век ходили строем, как пионеры, надеялись на очередного Отца: вот придет и накажет злодеев, а хороших детей наградит. Нет, это тоскливоое ожидание никуда не делось и в новые, «демократические» времена (если сомневаетесь, включите телевизор), но всё больше людей ощущают себя и только себя ответственными за свою судьбу. Когда поколение наших детей, рожденных в девяностые, будет управлять страной, думаю, она повзрослеет окончательно. Станет не шпаной-безотцовщиной, как в былые смуты, а просто взрослой.

А проза Соломатиной мне понравилась, и я взял еще одну книгу, казалось бы, совсем про другое – повесть про одесскую коммуналку под названием «Коммуна». Но уже на десятой странице увидел всё то же самое: деспотичную и истеричную мать, вечно отсутствующего никакого отца и юную девочку, которая вылетает пробкой от шампанского из такого семейного круга… Интересно, подумал я, а что скажет в свои сорок с хвостиком лет о своих родителях дочь Соломатиной? Или моя средняя дочь, ей сейчас двадцать, и мы далеко не всегда ладим? Книгу под названием «Папа» до меня читала как раз она – я точно знаю, потому что книга была заложена какой-то рекламной анкетой с ее именем. А что расскажут наши внуки о них, сегодняшних двадцатилетних, которые точно знают все наши ошибки, и настоящие, и мнимые? В чем их тогда упрекнут, что им простят, за что поблагодарят и за что – пожалеют?

Хорошо бы дожить и услышать… правда, мне было бы очень интересно.

24. Праведный гнев – это страшная сила

Человек – существо эмоциональное. Ему достаточно услышать какую-то бьющую по нервам новость, или посмотреть сухую, казалось бы, статистическую сводку, и вдруг всё закипает в нем, он требует немедленных и решительных мер... Вот, к примеру, молодежь и наркотики – действительно страшная для нашего общества проблема. Что делать? Да очень просто: ввести поголовное тестирование школьников и студентов на употребление наркотиков!

Здравая вроде бы мысль... пока не попытаешься себе представить, кто и как именно будет тестировать. Ну, например, вот так: гальванометром измеряют электрическое сопротивление кожи человека. Если прижать контакт посильнее, ток тоже пойдет посильнее, прибор запишет. Стало быть, человек – наркоман. Это не шутка, это уже началось в Петербурге. Кстати, стоимость одного такого измерения – 500 рублей, а стоимость продвинутого гальванометра – 600 000 рублей. Но это еще далеко не все доходы измерителей, мы же прекрасно понимаем, что когда прибор запишет, тут-то и начнется самое интересное: будут договариваться. И нужную справку получит не тот, кто на самом деле не употреблял наркотиков, и даже не тот, у кого прибор не записал, а тот, кто правильно договорился.

На самом деле ведь с наркотиками именно так часто и происходит: если ловят парня или девушку с небольшой дозой, то предлагают, скажем так, сделать благотворительный взнос в фонд помощи правоохранительным органам. Кто сделает, получит условный срок, а кто нет – окажется крайним и сядет по-настоящему. При этом всем понятно, что борьба с потребителями наркотиков мало влияет на общую ситуацию, ловить надо распространителей, причем крупных. Но план по раскрытию преступлений тоже никто не отменял, поэтому ловят и таких вот мальков.

А сколько еще у нас подобных проблем? Например, пьяные за рулем. Так давайте срочно введем ежедневное и поголовное тестирование всех водителей на наличие алкоголя в крови! Или, к примеру, неуплата налогов. Значит, в магазинах каждый покупатель должен предъявлять декларацию о доходах, заверенную в налоговой инспекции! И вообще лучше всего приставить к каждому гражданину милиционера, чтобы он его постоянно сопровождал. Тогда правонарушений совсем не будет, или... или просто договариваться все будут?

До абсурда ведь можно довести даже здравую идею. Начали у нас бороться, и давно было пора, с распространением детской порнографии. Так теперь под запрет могут попасть вообще любые изображения детей разной степени обнаженности – например, фотография своего собственного пятилетнего ребенка в трусиках на пляже (реальный случай). Если так, то, пожалуй, пора брать ведро с черной краской и кисть и отправляться в Эрмитаж и Третьяковскую галерею – замазывать на картинах лишние детали...

В чем негодность такого подхода, очевидно: для решения сложной проблемы предлагаются слишком простые административные меры, и при этом совершенно не учитываются те побочные эффекты, которые неизбежно возникнут, и могут оказаться страшнее решаемой проблемы. Но зато простые меры понятны, они взывают к эмоциям, удовлетворяют чувство гнева. Эффективно или нет – неважно, зато эффектно.

А главное, ничего против такого безумия не удается возразить, на все возражения последует только один гневный ответ: так значит, вы защищаете наркотики? Пьянство за рулем? Детское porno? Как не стыдно! Реальная проблема может оставаться без решения, зато гневный проповедник простых мер зарабатывает очки (а порой и немалые деньги) одним своим гневом. И ему достаточно.

И не стоит думать, что подобная логика совершенно чужда церковной жизни. Вся эта борьба против ИНН, или масонов, да вообще любая пламенная борьба против неких внешних вещей основана на той же самой логике праведного гнева. Берется некое простое и понятное внешнее явление, ему говорится непримиримое «нет», и никакие аргументы

уже не могут быть восприняты. Как, вы за эту гадость? Даже если борются с настоящей гадостью, гнев человеческий может натворить не меньше разрушений, чем она сама.

Главное, что человек уже начинает весь мир воспринимать по-сектантски, сквозь призму гнева. Так во времена моего отрочества подростки-фанаты могли поймать другого подростка и прижать его в углу вопросом: ты за кого болеешь – Спартак, Динамо, ЦСКА? Вариант «ни за кого» вообще не рассматривался; если угадаешь – похлопают по плечу, а если не угадаешь – по физиономии.

Человек, в конце концов, проникается логикой того, на что гневается. Давно известно, что многие пламенные и последовательные антисоветчики спустя почти два десятилетия после распада СССР ведут себя совершенно по-советски. Христианской аскетике этот принцип тоже известен: пламенно осуждая некую страсть в другом человеке, ты сам рискуешь ей заразиться. «Над чем поглумишься, тому и поклонишься», говорит русская пословица.

Это вовсе не означает, что со злом необходимо смиряться. Нет, если есть реальная, насущная проблема, необходимо ее решать. Но сначала следует всё тщательно взвесить и обдумать, оценить предлагаемые пути решения, эффективность и, главное, побочные эффекты каждого из них. Очень часто ведь бывает так, что непримиримая борьба ведется как раз между людьми, которые пытаются, по сути, решать одну и ту же проблему, просто подходят к ней с разных сторон.

Например, сейчас спорят о ювенальной юстиции. Одни утверждают, что она совершенно необходима, так как ребенок не может самостоятельно бороться за свои права, да и нельзя заставлять ребенка, ставшего жертвой преступления, проходить через все круги следствия и суда, рассчитанные на взрослого человека. С ним должны работать профессионалы, обученные именно такой работе, и по особым методикам. Другие возражают: если некие особые профессионалы получат некие особые права, это может вылиться во вмешательство государства во внутреннюю жизнь семьи, права ребенка станут поводом для насилия над взрослыми. Поэтому одни категорически настаивают на необходимости ювенальной юстиции, другие (и нередко под православными знаменами) не менее решительно борются с этой идеей.

Нетрудно заметить, что оба лагеря имеют одну и ту же благую цель: защиту ребенка и семьи. У них есть разные представления о том, как это лучше всего сделать, и это нормально. Но когда в дело вступают лозунги... Может быть, лучше было бы тем и другим оставить эти магические заклинания и начать обсуждать конкретные случаи с реальными, живыми людьми: как им помочь, не навредив при этом другим людям? Я уверен, что так они договорились бы скорее.

Но логика человеческого гнева требует обобщений. Он сражается со всемирным злом, ему не до отдельных пострадавших... если, разумеется, кто из пострадавших не представляет удобный пример для демонстрации безусловной правоты Великой Идеи. Это вы, либералы, развалили великую страну и причинили нам неисчислимые несчастья! Это вы, ретрограды, тащите нас в болото вековечной отсталости! Как тетерева на току, никого не слышат гневные люди, каждый талдычит только о своем. Может быть, наша главная проблема еще и в том, что мы в советские времена слишком привыкли к великим идеям и к непримиримой идеологической борьбе? Идеологии-то сменились, а вот модель осталась.

И вообще, об этом в Библии исчерпывающе полно сказано: «всякий человек да будет скор на слышание, медлен на слова, медлен на гнев, ибо гнев человека не творит правды Божией» (Послание Иакова, 1:19-20). Исчерпывающе точно.

25. Киники и циники

В древней Греции были такие философы, которых называли «киниками», буквально «собачьими». Так дразнили их противники, желая унизить – а те и не возражали. Чем плоха собака, если посудить здраво? Живет сама по себе, легко переносит трудности, не заботится о том, как она выглядит и что о ней подумают окружающие. Вот и они вели себя точно так же. Это из их числа был тот самый Диоген, которому для жилья вполне хватало большой глиняной бочки, и у которого, по преданию, нашлась только одна просьба к великому царю и завоевателю Александру Македонскому: отойти в сторону, чтобы не заслонять солнечный свет. Основателями школы были непосредственные ученики великого Сократа, и учение это пользовалось в свое время большой популярностью. Именно от киников ведут свое начало другие великие философы древности, стоики.

Но если в современном языке «стоическое поведение» – это едва ли не высшая похвала добродетельному и мужественному человеку, то вот киникам с именем не повезло. Название их школы, в котором только заменилась первая буква (это произошло из-за особенностей средневекового произношения латинских слов), стало обозначать одно из самых отвратительных явлений нашего мира – цинизм. Советский уголовный кодекс ужесточал наказание за преступление, совершенное «с особым цинизмом», даже не раскрывая этого понятия – дескать, и так всё ясно. Особый цинизм – это, по сути, откровенное пренебрежение нормами закона и нравственности. Не просто украл или нахулиганил, а сделал это на виду у всех, сознательно попирая любые нормы морали.

С тех пор это выражение пошло в народ и его употребляют уже как угодно – «особым цинизмом» могут отличаться действия не только преступников, но и чиновников, политиков, правоохранителей. Выборы и то у нас обычно проводятся с особым цинизмом, а уж о всяких приватизациях и «спорах хозяйствующих субъектов» и говорить нечего. Так и привыкают люди жить с ним, сами наращивают цинизм в качестве брони: ну да, мы так живем, и все так живут, а иначе не получается. С волками жить – по волчьи выть.

Но как же это благородные собаки превратились в бессовестных волков? На могиле Диогена была начертана надпись:

Пусть состарится медь под властью времени – всё же
Переживёт века слава твоя, Диоген:
Ты нас учишь, как жить, довольствуясь тем, что имеешь,
Ты указал нам путь, легче которого нет.

Да ведь это звучит – с поправкой на гекзаметр – почти как тропарь преподобному! Диоген жил до Христа, но христианская аскетика, на самом деле, немало заимствовала у киников и стоиков.

О современном цинизме сказано было много, но лучше всех сказал, на мой взгляд, Оскар Уайлд. Циник – это человек, который всему знает цену, но не знает никаких ценностей (*a man who knows the price of everything and the value of nothing*). Этим-то он и отличается от киника. Пусть Диоген и другие философы-киники нечасто говорили о высших ценностях, но сама жизнь этих людей свидетельствовала об их приверженности добродетели и мудрости. Диоген отказался от всех земных благ именно ради них. Циник, напротив, идет самым коротким путем к тому, чтобы исполнить свои желания, не считаясь ни с чем, осознанно распихивая всех, кто вокруг. Потому он и опаснее человека, совершившего преступление под влиянием случайного порыва или особенных обстоятельств.

Но как становятся циниками? Путей, конечно, много, но я назову тот, который мне кажется самым характерным. Владимир Высоцкий пел несколько десятилетий назад: «я не люблю холодного цинизма, восторженность не верю...» Это очень меткие слова. В России принято шарахаться из крайности в крайность: то мы строим коммунизм впереди

планеты всей, то самый отъявленный капитализм, то у нас диктатура, то анархия... Восторженность и цинизм – тоже два полюса, две крайности. Человек восторженный всему верит и горит этой своей верой, он не в состоянии трезво оценить реальность, подменяя ее прекрасными идеями. Так у нас верили в коммунизм, в рынок, демократию... сегодня многие верят в особый духовный путь России, или в превосходство западного образа жизни, в кристальную чистоту русского православия или в неизбежность всемирного экуменизма – да какая разница. Главное, чтобы эта доверчивость была всеохватной, не знающей исключений.

А потом наступает разочарование. Мир оказывается куда более сложным и неоднозначным, и примитивные схемы ничего больше не объясняют и никак не помогают. Можно, конечно, начать кропотливую работу над собственной картиной мира: менять примитивные представления на более точные и адекватные, учиться жить в этом сложном мире... Но можно поступить намного проще: объявить этот мир большим складом ресурсов, с которого можно получать всё, что хочется, «и не париться», как говорит молодежь. Вот суть поворота от восторженности к цинизму, остальное – детали.

Так происходит в нашей общественной жизни – у людей было слишком много поводов для разочарований. Нечто подобное случается и в жизни церковной: сначала человеку рассказывают много всего светлого и хорошего, он ждет встречи с ангелами и духоносными старцами, а потом... «нет, и в церкви всё не так, всё не так, как надо» – пел тот же Высоцкий. Можно пойти путем реализма: честно признавать существующие проблемы и делать что-то для их решения, а заодно и корректировать свою «как надо». Но это слишком сложно. И тогда человек может пойти по пути, который покажется ему легким, и тут, как обычно, диавол предлагает выбор. Можно сохранять свою восторженность, в корне отрица любые проблемы – а можно стать циником. Жить внешне церковной жизнью, поскольку это приносит определенное положение в обществе, успокоенность, да и доход, если ты работаешь на эту организацию. А вот ценностей никаких не нужно – главное, знать цену каждого события, поступка и предмета.

Что же можно противопоставить цинизму? Если принять определение Уайлда, ответ, в общем-то, очевиден. Прививка от цинизма – это высшие ценности. Воспитывая ребенка, родители обычно стараются не просто объяснить ему, как добиться в жизни одного и избежать другого (как раз это циник прекрасно умеет), но и «что такое хорошо и что такое плохо». И когда тот же ребенок или даже взрослый человек приходит в церковь, ему тоже очень важно объяснить какие-то самые главные вещи, причем объяснить их в первую очередь. Не вываливать на него сразу гору информации: как следует одеваться, как обращаться к батюшке, что готовить в какой пост, через какое плечо и в какой момент службы передавать свечки, и так далее, и тому подобное. Нелепым выглядит и требование ко всем прихожанам немедленно заняться изучением церковнославянского языка, если они его еще не освоили.

Не то, чтобы все эти вещи были не нужны... они имеют свою цену, и немалую, и благо тому, кто их приобретет. Но горе тому, кто при этом не найдет в христианской жизни высших ценностей. Кто, условно говоря, придет в храм к постному уставу или плюсквамперфекту, а не ко Христу, кто будет искать внешнего эффекта, а не внутреннего преображения. Какое-то время, возможно даже, всю жизнь, человек может пребывать в состоянии искусственно подогреваемой восторженности, но дальше его с высокой долей вероятности ждет тот самый «особый цинизм». Только уже в церковных стенах, а это вдвойне отвратительно.

В Евангелии нет слова «циник», но те, кого мы бы назвали сегодня циниками, там есть. Это те самые книжники и фарисеи, с которыми так горячо спорил Христос – вспомним, как Он без единого упрека отпускал грехи мытарям и прелюбодеям, и как жестко говорил с людьми, казалось бы, вполне приличными и очень даже набожными на свой лад. Они сначала интересовались этим новым Проповедником... но стоило им понять, что Его проповедь угрожает их положению в обществе – и они были готовы

переступить через что угодно, лишь бы Его остановить. Фарисейство – новозаветная разновидность цинизма.

Конечно, не все фарисеи были таковы, вспомним хотя бы Иосифа Аримафейского или Савла – будущего апостола Павла. Их привело ко Христу живое нравственное чувство, те самые не задушенные ценности. Человек может заблуждаться, и заблуждаться очень серьезно, как тот же Савл, который яростно гнал христиан. Но если он ошибается искренне, если ему не безразлична Истина, то и он не безразличен Ей. И значит, всё еще возможно исправить. Для стопроцентного циника эта возможность закрыта: он уже всё понял, всё заранее взвесил и расчислил. И сам был взвешен и найден слишком легким, как Валтасар на своем пиру. Цинизм, по сути, это ад, который начинается уже здесь и сейчас – только человек еще этого не понял, он принимает его пламя за теплый огонек в камине, около которого так уютно греть озябшие руки...

26. Уроки снобизма

Недавно вышел русский перевод книги английского антрополога Кейт Фокс [«Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения»](#). От обычных трудов по антропологии эта книга отличается тем, что автор пишет не о диких племенах на далеких островах, а о собственном, казалось бы, всем хорошо известном народе – английском. Пишет очень интересно и глубоко, с подлинно английским юмором (тонкая ирония, обращенная прежде всего на самого себя).

Но книга интересна не только как учебник по страноведению. Как в советское время мы жили при развитом социализме, так сегодня нашей реальностью становится не просто даже классовое, а развитое сословное общество: люди с разными правами и обязанностями отгорожены друг от друга высокими охраняемыми заборами, а принадлежность к сословию передается с недавних пор по наследству. Нас вели к победе коммунизма, теперь идем, похоже, к полной и окончательной победе снобизма как новой идеологии.

А у кого же учиться классовому снобизму, как не у англичан – изобретателей жанра, сумевших пронести его сквозь все революции и войны? Собственно, о том говорит и книга Фокс на каждой странице: о классовости, классовости, снобизме и еще раз классовости английского общества. Что же отличает один класс от другого в первую очередь? Вовсе не обязательно занимаемая должность или размер банковского счета – это, прежде всего, воспитание и образование. Главным его показателем является, безусловно, язык. В Англии можно услышать очень разные языки, вплоть до таких, которые невозможно понять тому, кто с ними не знаком, даже если стандартный английский они знают как родной. [Один забавный рекламный ролик](#) показывает «учителя», который тщетно пытается передать своей ученице из высших слоев подлинное произношение лондонских улиц – этакая карнавальная смена ролей (кстати, там есть еще и третий герой, который в конце меняет свой уличный *кокни* на «королевский английский»). На самом деле, сменить свой диалект практически невозможно, если это происходит, как в «Пигмалионе» Б. Шоу, это считается настоящим чудом.

Вот только один небольшой урок английского. Если вы не поняли собеседника и хотите его переспросить, что вы ему скажете? Зависит только от классовой принадлежности. Рабочий запросто спросит «what?», представитель среднего класса (кроме высшей прослойки) использует французское заимствование «Pardon», а высший свет обязательно употребит слово «Sorry» или «Sorry, what?». Это различие настолько значимо, что в некоторых городах районы, где обитает низший средний класс, их «соседи сверху» называют *Пардонией*. А сама Фокс рассказывала, что слышала из уст юного аристократа: говорить «Pardon» еще хуже, чем материться.

В этом проявляется фундаментальное свойство английского классового общества: те, кто стоят вверху и внизу, слишком сильно отличаются друг от друга, чтобы подчеркивать эти различия искусственно. Верхи и низы занимают слишком прочное положение в общественной пирамиде, а перемещения идут в основном в ее средних слоях, поэтому именно там людям очень важно выбирать слова... а заодно и модели машин, районы города, костюмы, галстуки, и даже супермаркеты, в которых покупается еда. Это не обязательно значит, что тот, кто стоит выше, покупает вещи дороже или удобнее – нет, но он покупает вполне определенные вещи и больше всего на свете боится оказаться одним из толпы. Еще Пушкину не давалось для перевода английское слово *vulgar*, «вульгарный», теперь мы к нему привыкли, а его место заняло другое слово, *common* – общедоступный, массовый, простонародный. Нижняя палата парламента, кстати, так и называется: House of Commons. Так сложилось исторически, но слышна в этом и английская ирония.

И вот что интересно: классовые различия очевидны, но говорить о них не совсем прилично. Показывать свое превосходство, надевая слишком дорогие вещи, заявляя о себе

как об «элите» – это не просто дурной тон, это как раз полный провал, это стиль внезапно разбогатевшего гопника, а не настоящего аристократа. Да и зачем эта показуха, если достаточно открыть рот, и сразу станет ясно: кто какую заканчивал школу, в каком университете учился?

В самых мобильных слоях, в среднем классе, особенно принято подчеркивать равенство всех слоев (при том, что неравенство там заметно куда сильнее). Лейбористская партия, правившая страной с 1997 г. и до этой весны, конечно же, состояла не из рабочих и крестьян, но одним из направлений ее политики как раз и было выравнивание школьного образования по всей стране. Школы обязали принимать всех детей, живущих на данной территории, а не только тех, кто «соответствует уровню». И каково же было негодование нации, когда выяснилось, что министр образования отправила своего ребенка в частную школу!

Еще одна неотъемлемая черта английского аристократа – он не ходит на работу, но он обязательно тратит часть своего времени и своего состояния на благотворительность. Пример принцессы Дианы тут вовсе не исключение, а скорее, самое заметное подтверждение правила. В самом деле, если уж кому-то с самого раннего детства предназначено быть по своему положению выше простых людей, это обязывает его что-то делать ради блага остальных. Жить ради себя и своей семьи – и стыдно, и скучно. Это не занятие для истинных леди и джентльменов.

А теперь давайте вернемся на нашу российскую почву. Кто-то у нас возмутится, что ребенок министра ходит в частную школу? Да уже хорошо, если он вообще в России учится. Кто будет ожидать от миллионеров широкой благотворительности? Если налоги заплатили и в офф-шор не ушли, и то спасибо. Наша новая элита старательно строит заборы, на каждом шагу подчеркивает свою инаковость, показывает нам, что мы ей не ровня, не чета, что с них спрос особый... И с этим даже можно было бы согласиться, если бы не одно обстоятельство. Стоит многим представителям этой элиты открыть рот, и сразу становится видно: да, действительно не ровня, если мерить английскими мерками. Но только в другую сторону.

Основатели старинных английских родов были, на самом деле, обычновенными разбойниками, которые вторглись в Британию около тысячи лет назад вместе с Вильгельмом Завоевателем и «приватизировали» эту страну, кто сколько смог. Словом *джентльмен* некогда называли любого представителя дворянства, который мог быть неграмотен и нечистоплотен до отвращения. Прошли века прежде, чем это слово стало обозначать определенную планку образования и поведения, и теперь *джентльмен* может быть беден и незнатен, но он не может быть нагл и туп.

Поскольку наша новая элита стремится догнать западную, этот процесс должен пойти у нее намного быстрее. И уроки английского сnobизма здесь ей очень пригодятся: каково это, быть элитой? Английский сnobизм – это ведь не показуха, а скорее уверенность в своих силах, готовность занять достойное положение. Пожалуй, это тоже такая форма тщеславия, а то и гордыни, но все-таки не такая грубая, как наше нуворищество.

Кстати, эти проблемы не чужды и Священному Писанию. В Притчах Соломоновых сказано: «От трех трясется земля, четырех она не может носить: раба, когда он делается царем, глупого, когда он досыта ест хлеб, позорную женщину, когда она выходит замуж, и служанку, когда она занимает место госпожи своей» (30:21-23). А «певец Британской империи» Р. Киплинг написал на это место стихотворное толкование, вот отрывок из него в переводе Л. Блуменфельда:

Служанка стала госпожей,
Так не ходи к ней в дом!
Но нет спасенья от раба,
Который стал царем!
Он в созиданьи бестолков,

А в разрушены скор,
Он глух к рассудку – криком он
Выигрывает спор.
Для власти власть ему нужна,
И силой дух поправ,
Он славит мудрецом того,
Кто лжет ему: «Ты прав!»...
Когда не надо – он упрям,
Когда не надо – слаб,
О раб, который стал царем,
Всё раб, всё тот же раб.

У Киплинга, впрочем, конец суровее: «even more a slave», то есть «раб в еще большей степени», что, конечно, не ложится в русский стихотворный размер. Но в реалии нашей российской жизни это утверждение вписывается вполне хорошо – на родине снобизма давно уже знают, что аристократа делает не счет в банке и не должность, и в первую очередь даже не знатное происхождение. Аристократ – тот, кто ведет себя соответствующим образом, и точка. Остальное – всего лишь переменчивые обстоятельства.

27. Чему учишься за рулем

Раз уж о. Федор Людоговский начал свой отчет о водительском стаже со старой шестерки, которую он у нас купил, пришло и мне на ум рассказать, чему она меня в свое время научила. Когда садишься за руль взрослым человеком со своими привычками и представлениями об окружающем мире, тут же узнаешь, как мало ты об этом мире знал. Начать хотя бы с географии: город перестает для тебя быть мозаичным одеялом, каждый фрагмент которого привязан к станции метро. Что прежде казалось близким, в час пик будет почти недоступным, а на «совсем другую ветку» можно доехать минут за пятнадцать, если повезет.

Но это понятно. Гораздо труднее привыкнуть к тому, что водителей связывают между собой совсем другие отношения, чем пассажиров общественного транспорта или коллег по офису. Или это только на первый взгляд они кажутся другими? Сначала на дороге все очень жестко, особенно для неопытного водителя: чуть замешкался или неловко перестроился – тебя обматерили, а на чужом месте припарковался – оторвали зеркало заднего вида (было у нас такое). Если бы так люди вели себя в метро, то для поездки было бы надо надевать боксерские перчатки.

А потом привыкаешь к тому простому обстоятельству, что на дороге нет места привычным формам вежливости. Сама вежливость, безусловно, есть: тебя могут пропустить при выезде из двора и т.д. Но не станут, как правило, тратить время на все эти «извините, пожалуйста, не могли бы вы...» – тебе скажут четко и конкретно, чего от тебя хотят и что о тебе думают. Если хотят оскорбить – оскорбят, если хотят нанести ущерб – нанесут, найдут способ. Ты перед этим практически беззащитен, если нет гаража. Но никто не станет беспокоиться о том, чтобы упаковать свои гадости в изящную словесную форму, как это водится у коллег и знакомых вне дорожного движения.

Но постепенно ты привыкаешь к этому миру, обретаешь новые навыки и уже сам испытываешь раздражение от того, что кто-то медленно тащится, а кто-то перестраивается не там и не так, а вон еще и паркуется как последний идиот... И это уже тест для тебя самого: а как ты относишься к этим людям? Помнишь ли, что несколько лет назад сам водил ничуть не лучше? Считаешь ли необходимым объяснить им, какое место занимают они в иерархии водительской стаи по сравнению с тобой?

Про стою – это вообще отдельный разговор. Тут как в армии: вроде все равны, все по одним правилам живут, а на самом деле все только и смотрят, кто круче. У одного мерс, у другого номера крутые, третий с мигалкой, четвертый просто ведет себя нахально, пятый... а пятый, допустим, в рясе с крестом. Значит, велики шансы, что гаишники просто закроют глаза на допущенные им нарушения. Готов ли человек этим воспользоваться, станет ли даже настаивать на своей исключительности? Как рассказывал мне один мой друг-священник, очень было ему неловко, когда гаишник вернул ему документы и отпустил, но сказал на прощание: «что же вы других учите жить, а сами нарушаете...»

А ведь это не только к священникам относится. Все мы так или иначе учим кого-то жить, хотя бы своих детей или студентов. И сразу встает вопрос: а сами-то как живем? Но когда мы пешеходы, это не так заметно. А вот если человек сел за руль, достаточно часок другой с ним покататься на переднем сиденье, чтобы понять, как он относится к окружающим, к установленным правилам, да и к себе самому. Особенно в Москве в часы пик. И дело даже не в том, нарушает ли человек (любой нет-нет да и превысит скорость на десяток километров, или на знак «STOP» только притормозит, а это уже нарушение). Но один придерживается принципа разумной осторожности, он притормозит даже там, где не обязан, но где, как он знает, могут быть всякие неожиданности. До сих пор помню, как лихо однажды я проехал мимо троллейбуса на остановке, в полном своем праве, не более 60 км/ч – и тут же представил себе, что было бы, если бы из него выскочил и побежал на другую сторону ребенок. Меня, скорее всего, оправдали бы, я же ничего не нарушил, но мне бы потом с этим жить...

А кто-то едет по принципу «мне очень надо» и «мне повезет». И когда я такое вижу, то понимаю, что с этим человеком не хочу иметь никаких дел, даже если ему всегда везет и у него всё схвачено. Просто противно.

«Где справедливость?» – спрашивает о. Федор. Сев за руль, понимаешь точно: она не в дорожном движении. Нахалы удачно избегают неприятностей, а самые аккуратные водители порой попадают в аварии... Да не о том ли и в книге Иова написано? И дорога учит тебя, насколько реально и неприкрыто в этом мире зло. Когда ты видишь – а рано или поздно проедешь мимо, и дай Бог, чтобы тебя самого не коснулось – как эта умная и изящная техника, которую выдумывали и над которой трудились сотни людей, в долю секунды превращается в живущие по слепым законам физики тонны металла, не остается никаких сомнений: в мире есть чистое, необъяснимое зло. И нет такого уравнения, которое позволило бы это оправдать.

Мы водим вдвоем с женой, и все эти годы опасался я не столько сам попасть в переделку, сколько взять однажды трубку мобильного телефона и услышать про ее аварию, особенно если с детьми. Недавно так и случилось. До этого момента меня волновало очень многое, я на кого-то обижался и кого-то обижал, но когда я услышал: «Серьезное ДТП, но все живы и целы», вещи обрели свой истинный масштаб. Сразу стало понятно безо всяких объяснений, что есть у меня в жизни, что мне действительно дорого, а без чего можно совершенно спокойно обойтись. Конечно, хотелось бы помнить об этом без таких вот встряск, но если не получается – что ж, нет повода жаловаться, когда напоминают...

Это было классическое московское ДТП: забитый припаркованными машинами перекресток без светофора с никакой видимостью. Жена выезжала со второстепенной дороги, по главной летел другой автомобиль (может, и с превышением, но не докажешь теперь). От удара он задел третий, припаркованный, а тот впечатался в столб... Формально виноватой признали жену, и это трудно было бы оспорить. Она действительно была неосторожна, следовало, пожалуй, высадить сына на таком слепом перекрестке и попросить его проследить за движением по главной, или просто развернуться и поехать другим путем. Можно было бы судиться с городом, который не обеспечил безопасность на этом перекрестке, или со всеми водителями всех неверно припаркованных машин, которые нагло закрыли обзор. Собственно, одна из них и пострадала в результате (так что думайте, где паркуетесь). Но такой суд, понятное дело, потребовал бы слишком серьезных вложений времени и денег, и с очень неясной перспективой.

Наши нынешние правила и порядки, к сожалению, не всегда нацелены на то, чтобы обеспечить максимальную безопасность. Часто их роль сводится к тому, чтобы сходу определить, кто виновен в аварии, и порой сами гаишники говорят: «Виновником признают, конечно, вас, но на самом деле...» И можно долго возмущаться, почему они при этом ловят нарушителей в удобных местах, а не стоят вот на таких вот перекрестках регулировщиками, но стремление к прибыли и удобству из человека не вытравить.

Но разве не так это и в пешеходной нашей жизни? Просто там такие вещи обычно прикрываются множеством всяких слов, последствия наступают не так резко и выражаются не такими большими денежными суммами. Но справедливости – высшей, настоящей справедливости – нет обычно и там. Есть, в лучшем случае, возможность отстаивать свои права и возможность в каких-то случаях отказаться от этого.

Во дворе у нас стоит разбитый автомобиль, который, скорее всего, восстановлению не подлежит (а как жалко его, нашего верного Сида!), впереди разбирательства со страховыми с не вполне ясным исходом. Я бы, конечно, мог сказать, что это нам по грехам нашим (и стало быть, владельцам тех двух машин тоже по их грехам), и это был бы универсальный ответ... который никому ничего не объясняет. Нет в этом всем никакой справедливости. Но смысл, сдается мне, есть. Зачем это было дано лично мне, я, кажется, понял, и я очень постараюсь запомнить это навсегда.

28. Вдоль по разделительной

Казалось бы, как много людей погибает на российских дорогах – но об одной аварии уже более чем полугодовой давности общество забыть никак не может. На Ленинском проспекте мерседес крупного бизнесмена столкнулся с небольшим ситроеном, в котором ехало двое женщин-врачей, обе погибли. Было проведено долгое и тщательное расследование, которое – вот сюрприз! – подтвердило версию, с самого начала озвученную сотрудниками ГИБДД: во всем виновата водительница ситроена, это она вылетела на встречную полосу.

В официальную версию не поверил никто. Были проведены независимые экспертизы и расследования, их выводы звучат куда более убедительно, чем официальная версия: столкновение почти наверняка произошло на разделительной полосе. Ситроен вынесло на нее после заноса, а мерседес... он просто ехал по ней, как обычно. Кто из московских водителей не наблюдал регулярно это картины: утренний или вечерний час пик, крутая тачка со спецномерами и выключенной мигалкой объезжает малейший затор по разделительной, или по встречной, а то и по второму встречному ряду. И нормально, и никто никогда не бывает наказан.

Если правы независимые эксперты, то юридически виноваты оба водителя, оба нарушили правила. Но одного просто занесло, а это может случиться с каждым, а другой ехал так, как ездить привык – и с нравственной точки зрения это уже очень большая разница. Все давно знают, что нашей стране действуют два свода правил. Согласно одному, официальному, разделительная предназначена для безопасности движения, чтобы случайный занос не приводил к аварии. Согласно другому, по понятиям – это такая спецполоса для беспрепятственного проезда крутых тачил. Столкновение двух версий приводит к человеческим жертвам, и это неудивительно.

Но, может быть, самое мерзкое в этой истории – что приходится лгать, и лгать над могилами. Нет, чтобы объявить открыто, записать в ПДД: при ДТП водитель машины со спецномерами и мигалкой объявляется во всех случаях невиновным, – и закрывать такие дела сразу, без лишней проволочки. Нет, официальная сторона должна долго и тщательно подбирать доводы, почему в данном случае он не виноват. Общество этому ни на грош не верит, и милиционеры это знают, и сами едва ли верят своим выводам. Совсем как в советские времена объясняли матерям над гробами их сыновей, что они в Афганистане «выполняли интернациональный долг» – и никто не верил, и росла только глухая, безвыходная злоба, которая в свое время рванула и смела всю систему. О русском бунте лучше Пушкина никто не скажет, так что повторять не стоит.

Жить в сословном обществе вполне возможно и порой даже удобно – в конце концов, именно такой была Российская империя. Это несовместимо с идеалами модернизации, демократии и всего прочего, о чем сегодня говорят постоянно, но если так хочется сословности, можно идеалами и пожертвовать. А вот жить в обществе тотального вранья невыносимо, оно обречено на разрушение, это я знаю по своему опыту.

Ну, а почему об этих вещах надо говорить в церковных СМИ? Да потому, что мы все ездим по тем же улицам, живем по тем же правилам – и христиане тут, увы, никак не исключение. Дорожное движение – это та сторона жизни, которая обнажает человека. Во всех остальных сферах очень много всяких ритуальных жестов и вежливых слов, а тут все предельно просто и конкретно: проехал первым или пропустил, встал в хвост пробки или обогнал по встречке и т.д. И всё очень формализовано, почти всегда сразу ясно, кто что вправе сделать. Как ты водишь – очень наглядный показатель, как ты на самом деле относишься к ближнему; порядочен ли ты, вежлив – или просто один из тех, кто думает только о себе и о своем.

Известнейший кинорежиссер, который очень много говорит о духовности и православности, ездит на машине с мигалкой. Генеральная прокуратура [выносит решение](#), что права на это он не имеет. А что же режиссер? Ездит, как и ездил, и [откровенно](#)

говорит в интервью перед камерой: «Так всегда было и так всегда будет». А на замечание, что это признак феодализма, удивляется: «Да что вы?» И объясняет: ему интересно снимать такое кино, которое обязательно требует беспрепятственного передвижения с мигалкой. Великая мигалка для великого кино.

А может быть, она положена вообще не за кино, а просто за духовность и православность? Да, есть люди, которые так и считают. На форуме православных священнослужителей возникает целая дискуссия: нормально ли это, если сотрудники ГИБДД останавливают и штрафуют батюшек, как и прочих человеков? Один священник сокрушаются: «Я так рассуждаю: да, ребята, вы правы, конечно. Я нарушил и вы поступили по закону. Ну что же, когда вы или ваши жены, дети придет на исповедь, мы тоже вправе вам сказать: ага, не постился 3 или 7 дней, правило даже к причащению не читал? Никакого тебе причастия... У нас тоже свой протокол есть. И мы вправе по нему действовать. Почему церковные правила топтать можно, а ПДД нельзя?» А другой ему вторит: «И если священник спешит, и превышает скорость, или паркуется под знак, значит так ему нужно. К примеру, полиция же или скорая помощь находится вне правил: едет под красный свет, и с превышением, и как угодно, если надо; включает мигалку и едет – а у священника эта невидимая мигалка включена всегда, он в силу сана своего над правилами, хоть это и не утверждено государством, в виде специального закона». Это сетевой тролль, он специально так говорит, полагают некоторые. Но разве сказанное им вслух не произносят на самом деле про себя очень многие?

Надо отдать должное участникам того форума: в теме были даны исчерпывающие и правильные ответы на возникшие недоумения. Но это касается поведения на дорогах и общения с ГИБДД. Только если так человек хочет вести себя за рулем – разве не будет он делать что-то подобное в остальных сферах своей жизни? Вот ясно же сравнивает батюшка себя с милиционером, который облечён властью не допустить любого до причастия, потому что, если разобраться, каждый что-нибудь да нарушил.

Наследие советских времен: каждый сидит на распределении каких-то ресурсов, с того и кормится. Гаишнику писатель подарит интересную книжку, мясник – сочную вырезку, а священник преподаст отеческое благословение, и все поедут спокойно дальше. Всё, вроде бы, знакомо, вот только в Церкви, привыкли мы повторять, нет у нас ничего своего, кроме грехов, а есть только Божье. И дается оно не по чинам, не по достоинствам, не за деньги, а по благодати, даром. Но очень хочется приватизировать, очень хочется начать распределять! Это можно... но тогда наша «церковь» перестает быть невестой Христовой, а становится ровно тем, чем ее давно хотят видеть враги: организацией по обмену денег и привилегий на слова о чем-то высоком. Да, священник питается от алтаря, как писал апостол Павел, но одно дело питаться, а другое – ощущать себя распределителем питания для всех окружающих.

Апостол Павел много писал о том, что Церковь – единое тело, и есть в нем части более и менее почетные, но всё это должно служить не разделению а, напротив, гармонии. Пользуясь этой метафорой, он показывает, что логика Церкви противоположна мирским табелям о рангах «которые (члены) нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения» (2 Коринфянам 12:23).

«Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (от Матфея 5:20), – говорил Господь о самых привелигированных иуважаемых людях того времени; будь в то время мигалки, колесницы видных книжников и фарисеев наверняка были бы ими оснащены. Он не сказал: «если не будут даны вам те же привилегии, что и им». Обратим внимание: праведность если и распределяется кем-то, то непосредственно Богом, и не так, чтобы у одной категории ее было в два раза больше, чем у другой. Здесь праведность понимается как что-то такое, что растет внутри самого человека, что никак не зависит от внешних сословных показателей. Они, напротив, могут застить человеку глаза, заставляя его забыть о сути.

А вообще, приватизация разделительной полосы – очень емкий и характерный образ. Да, в любом обществе есть свои классы и группы, и коммунисты, отменив сословные привелегии, тут же ввели другие. В Церкви это особенно заметно: клирики не равны мирянам по своим правам и обязанностям, епископы не равны священникам, так было и будет всегда. Кстати, книжники и фарисеи не были во времена евангельские равны мытарям и рыбакам. Но горе тому, предупреждает нас Евангелие, кто приватизирует это разделение, кто начинает использовать его для собственного удобства, почета или дохода. И горе тому обществу, видим мы на собственном примере, кто смиряется с этой приватизацией.

Святые никого не обгоняют по встречке, и вовсе не потому, что они такие хорошие. Просто на их пути не бывает пробок – слишком мало желающих двигаться по нему.

29. Про «попробовать»

Разговор о христианском отношении к сексу обычно вызывает самый живой интерес у людей нецерковных... А правда, что до свадьбы совсем нельзя? А как насчет попробовать? Вдруг окажется, что люди не подходят друг другу? И вообще, изменились общественные нравы, отчего бы и Церкви не пойти навстречу людям в этой области – примерно такие рассуждения мне то и дело приходится слышать от самых разных людей.

Во-первых и в главных, христианство почему-то часто понимают как систему табу: до свадьбы нельзя, и в постные дни нельзя, и контрацепцию, и развод, и многое иное – всё это якобы одно большое «низзя!» Но Христос пришел в этот мир не для того, чтобы заменить моисеевы запреты какими-то другими, более совершенными, а совсем для другого. Христианство придает жизни новый смысл, и не только в абстрактно-философском плане, но и в практическом. Что предлагает оно в отношении брака? Чтобы понять это, стоит сначала посмотреть на тот подход, который считается теперь обычным в светской нашей культуре.

Люди встречаются, живут вместе, порой годами – и не торопятся вступать в брак. Они говорят об этом «надо попробовать». И в самом деле, как знать, подойдет ли тебе в качестве спутника жизни этот парень, эта девушка? Только опыт покажет наверняка. И люди пробуют друг друга, как пробуют они кусочек нового сорта сыра в магазине, ягоду на рынке... Но человек – не ягода на базаре, он не весь одинаковый, не сразу его и распробуешь. Допустим, после двух-трех попыток можно составить некоторое представление о «сексуальной совместимости» здесь и сейчас (хотя и в этом отношении люди меняются, да и просто бывают в разном настроении) – но как понять, насколько надежным будет этот человек в трудных обстоятельствах? Будете ли вы смотреть друг на друга теми же любящими глазами через год или два? Каким будет он отцом, какой будет она матерью для твоих детей? Захочется ли вам, наконец, вместе пережить зрелость, а после старость? Пока не пробуешь, не узнаешь.

О крайностях такого подхода рассказали мне одну историю... Очень богатый господин никак не мог найти себе постоянную спутницу, потому что девушкам были интересны его деньги, а не он сам. Тогда его знакомая предложила эксперимент: она познакомит его с какой-нибудь девушкой, которая ничего не будет знать о его богатстве, и тогда всё станет видно без прикрас. «Давай, – согласился олигарх, – пусть подходит в такое-то время в такую-то гостиницу, номер такой-то». А на недоуменный вопрос, как же так вот, сразу-то, ответил: «Ну так надо же сразу понять, подходит ли мне она сексуально, а если нет, то и время незачем тратить».

Ему очень не хотелось выглядеть ходячим кошельком – но не сам ли он низвел потенциальных невест на роль товара, который надо весь хладнокровно перешупать и перепробовать, и только потом делать окончательный выбор? И стоило ли удивляться, что при таком подходе и девушки ему попадались всё какие-то... не высшего сорта?

Но это, конечно, причуды богатых. Обычно молодые люди так не рассуждают, они вступают в пробные связи, живут вместе, пока живется, потом разбегаются, в надежде, что когда-нибудь встретят свою половинку и узнают ее. Но как узнать, та ли это самая половинка, пока не пробуешь другой, и третий, и четвертый вариант? Чтобы оценить, надо действительно сравнивать. А когда после десятого-двадцатого варианта вдруг придет к тебе твердое осознание, что вариант номер икс был самым лучшим – как вернуться к нему?

Всё больше и больше в нашем обществе таких людей, которые десятилетиями «ищут свой вариант», а на самом деле, как скупой мужик из давней притчи, ходят на базар всё подряд попробовать и тем смыты бывают, денег не тратя. Живется людям вместе – и хорошо, надоело – разбежались. По дороге надо бы еще родить детей, но это где-нибудь после тридцати, лучше даже ближе к сорока, когда уже крайний срок подойдет, по физиологии. И рождаются дети, зачастую от случайных отцов...

Впрочем, такое отношение касается далеко не только семейных пар. Точно так же могут люди годами, даже десятилетиями «пробовать себя» в разных сферах деятельности – ничем не занимаясь серьезно, ни в одну профессию полностью не вкладываясь.

Нравится такая работа на сегодня – хорошо, а разонравится – всегда можно будет что-нибудь другое найти. Только ближе к тем самым сорока нередко оказывается, что весь свой немалый потенциал человек растратил буквально ни на что. Так много в юности грезилось – и так мало удалось, а главное, поздно уже начинать что-то совсем новое, а из прежде начатого – не понятно, к чему возвращаться, что продолжать.

Рискует ли ошибиться тот, кто с ранней юности выбирает себе профессию и вкладывает в нее время, силы, средства? Разумеется. Но только так и можно чего-нибудь в ней достичь. Поэтому выбирать ее нужно крайне вдумчиво и осторожно, не по одному детскому увлечению. Но вот насколько желанной и успешной окажется эта профессия для тебя, сможешь ли ты через десять или двадцать лет оглянуться назад и понять, что не зря ее выбрал – этого ты заранее не узнаешь. И все же люди идут на этот риск.

В более древние и менее безопасные времена точно так же люди уходили в дальние путешествия и плавания, не зная наверняка, что именно откроется им за горизонтом и вернутся ли они назад. Гораздо удобнее, конечно, выбрать себе сегодня тур по каталогу, оплатить его по системе «всё включено» и наслаждаться гарантированным солнышком в комфортном отеле. Но такая поездка не будет путешествием, в ней не откроешь никаких новых стран.

Как пускались каравеллы в плавание, так идут и христиане к алтарю. В отношении к браку христианство не предлагает ничего нового, неожиданного, непосильного. Оно, по сути, хочет, чтобы человек отнесся к выбору партнера с не меньшей серьезностью, чем к выбору профессии. Это всегда до некоторой степени шаг в неизвестное, к которому нужно тщательно готовиться – и всё равно никогда не будешь к нему совершенно готовым. Это акт веры, шаг в неизвестное с молитвой о том, чтобы Господь направил и придал сил, и с твердой решимостью эти силы тратить на общее дело. «Совет да любовь», – вот чего в старину желали молодым на свадьбе, и это было для них не данностью, не условием брака, а скорее задачей. А влюбленность, взаимопонимание, материальная независимость, пресловутая сексуальная совместимость – всё это ценные ресурсы для ее решения. Но не цель христианского брака и не его непременное условие.

Обеты, которые жених и невеста дают друг другу, не менее серьезны, чем монашеские, они даются навсегда, до самой смерти. Эти обеты нельзя «попробовать исполнять», и бросить, если что-то не получится. Можно приложить все свои силы, и просить о помощи свыше, но что-то всегда будет получаться не так, чего-то всегда будет не хватать. Для потребительской позиции любая серьезная трудность означает, что «прошла любовь и пора разбегаться», для христианской – что любовь нужно открывать, как далекую страну, строить, как дом, и защищать от непогоды, как нежное растение. А данные обеты – как стена, ограждающая стройплощадку или сад. Внутри не всегда всё в порядке, но если не оградить – придут чужие, вытопчут, расхитят.

Это совсем не значит, что любой христианский брак успешен и обетов никто не нарушает. Жизнь есть жизнь, и бывает всякое, распадаются и венчанные браки. Но для христианина это всегда катастрофа. Жить нужно и после катастроф, потому православная Церковь признает и второй, и третий брак (но не четвертый). Только она не может согласиться с тем, чтобы человек сознательно выстраивал свою жизнь как цепочку катастроф, идя по пути «проб и ошибок», потому что брак или осознанное безбрачие – не переменчивые внешние обстоятельства жизни, а выбор, который делается всерьез, без отходных путей, без «я передумал» на крайний случай.

Был такой обычай у наших предков: влюбленные прыгали через большой костер, взявшись за руки. Если удалось его перепрыгнуть и не расцепить рук – семья у них сложится. Это, конечно, примета и даже суеверие... но это очень красивый образ. Через такой костер нельзя «попробовать перебраться», оттолкнуться от земли вполсильы и

посмотреть, как оно пойдет – так только свалившись в самое пламя. Прыгаешь – разбегись хорошенъко и отталкивайся от земли изо всех сил, крепко сжимая ладонь любимого человека... Или не прыгай вовсе.

В конце концов, и сама вера в Бога, если это настоящая вера – это прыжок через пламя, хождение по водам, и только на той стороне, пока что скрытой от нас, мы узнаем, удалось ли нам туда перебраться.

30. Убложество

Когда-то я достаточно активно тусовался (подходящее все-таки слово) на форуме о. Андрея Кураева, заглядывал и на некоторые другие. Там бывало всякое, но неизменно присутствовали интересные люди, говорившие очень ярко и умно на самые разные темы, и нигде тогда было не найти другого такого цветника. Было это около десяти лет назад. Но интернет становился всё более массовым, площадок для общения становилось всё больше – а интересных собеседников больше не становилось. Зато теперь они разбредались в разные стороны. И в какой-то момент я пришел к выводу: [не надо читать форумы перед обедом](#), да и после него тоже не стоит. Просто потому, что издержки даже от чтения всех этих холиваров на пустом месте (да ведь еще и поучаствовать тянет!) превзошли окончательно и бесповоротно пользу от бесед с интересными людьми.

Я тогда окончательно переселился в ЖЖ. В принципе, там было всё то же самое, но если форум и был форумом, огромной рыночной площадью, где каждый говорил сразу со всеми, то ЖЖ напоминал большой дом: люди ходят друг к другу в гости и пьют чай на кухне, и хозяин еще посмотрит, кого пригласить к себе, а кому и на порог указать. И в таких обстоятельствах было намного проще создать приемлемую среду общения.

Но время шло, ЖЖ тоже рос, переживал нашествие спамеров и рекламистов, атаки и взломы... но не в этом даже дело. Ничего особенного не произошло – ничего такого, что не происходило бы прежде. Просто изменились пропорции, как-то сразу вдруг всё навалилось и я однажды понял, что, заходя в свой собственный «уютный бложек» чувствую себя по-прежнему на кухне... но только уже на кухне большой коммуналки, где одновременно варят щи и стирают портянки, где сосед слева горланит пьяные песни, а соседка справа плюет тебе в суп. А от меня ждут стриптиза перед телекамерами, чтобы потом смаковать детали, «добытые из открытых источников». И обсуждать, до какой же степени я не соответствую высоким ожиданиям совершенно мне посторонних людей, которым я вообще-то ничем не обязан.

Да и просто надоели дурацкие вопросы, реплики не о том – прочитал человек два-три слова из моего поста, тут же задает вопрос, не дочитав до конца, иди начинает говорить о чем-то своем, настойчиво требуя моего участия. И послать его вроде будет невежливо. Или абсолютно немотивированное хамство в чужом ЖЖ, когда после двух-трех реплик люди просто переходят на мат, а хозяин журнала, русский интеллигент, разводит руками и говорит, что все мы – его гости, и он не вправе делать меж нами различий. Я и сам умею разговаривать на этом языке, я два года в армии служил – только к чему?

И многое, многое иное, мелкое, но пакостное, скучное, неинтересное – по отдельности вроде бы всё ерунда. Только кто все эти люди на моей кухне? Зачем мне такое убложество? И тогда я на сутки удалил свой аккаунт – хорошо, что можно взять паузу и обо всем подумать хорошенько.

Я в реале сходил в гости к родным, пообщался со своими детьми, жить стало гораздо приятнее и интереснее. А потом поехал домой, и в метро раскрыл замечательную книгу под редакцией А. Архангельского «Важнее, чем политика». И надо же было так случиться, что выпали мне те страницы, на которых А. Носик размышлял о великой роли ЖЖ в нашей жизни! Грамотно, интересно рассуждал, доказательно. И тут я вспомнил, какой у Носика ник в ЖЖ. Яркий такой ник, запоминающийся – матерное слово, которым подростки перебрасываются...

И теперь я прекрасно понял, почему он когда-то его себе взял. Сознательная игра на понижение: блатная, матерная кликуха дает человеку свободу (в том числе, говорят, и от индексации). Дескать, не ждите от меня ни чести, ни совести, ни ума, примите меня убогим, а если ум, честь и совесть все-таки попадутся, считайте это бонусом, неожиданным подарком. И пришлось согласиться: прав Носик, это эффективная стратегия. Установить сразу планку ниже плинтуса значит в любом случае ее

перепрыгнуть – именно так ведут себя некоторые нежданные собеседники, когда стараются выглядеть грубее, нахальнее, глупее, чем они есть на самом деле.

Нет, я тут не о том говорю, что надо уметь виртуально общаться и всё такое прочее. Это уже и без меня [много раз сказали](#). Но эти правила работают только с теми, кто сам хочет их соблюдать, кто следит за собой и соблюдает дистанцию, кто… в общем, чем больше у нас блогов, тем меньше процент таких людей. Бежать от нахлынувшей толпы можно и дальше, в социальные сети, и я сейчас как раз осваиваю фейсбук, не исключаю, что и совсем туда переберусь. А когда фейсбук затроллят и заспамят, люди еще что-нибудь найдется.

Но что все-таки делать мне с блогом, вот что хочу я понять. Форма удобная, не раз находил я с его помощью что-то полезное, не раз формулировал новые мысли, и друзей находил не раз. Бросать все это из-за нашествия пацанов с раёна? Да и не пацанов даже, а просто припадавшихся лжеузеров? Или не замечать одного, сходу бить в морду другого, терпеливо всё разъяснять третьему? Изображать из себя великого блогослова, уворачиваясь на бронзовом постаменте от гнилых помидоров и тщательно следя за рейтингом? Так на это жизнь разменивать не хочется.

Блог – пространство абсолютной свободы. Нет, конечно, за некоторые вещи могут и обвинение предъявить, но я не об этом. В обыденной жизни мы очень сильно скованы обстоятельствами и правилами, с детства ведь нас учили, как подходить к людям, как здороваться, как разговаривать, как одеваться и держать себя. Это уже на уровне рефлексов отпечаталось. А как стучать по клавиатуре – тут мы сами научились, без родителей и учителей. Кто-то находит формы этикета в сетевом общении, а кто нет – просто-напросто восполняет в сети то, что не может, не способен в силу разных причин сказать и сделать в реале, и никакими рамками себя не ограничивает. Не приучен.

И еще одна есть сторона у этой самой свободы… В жизни мы редко можем сделать абсолютное добро. Не хватает сил, времени, умения, да и обстоятельства таковы, что почти к каждому добруму делу присасывается злая пиявка, которую не сковырнешь, вот и приходится постоянно выбирать меньшее зло. И в слове мы не свободны, в силу того самого воспитания и просто даже того факта, что слово наше не всегда слышно – только городские сумасшедшие сами с собой постоянно разговаривают. Мы абсолютно свободны только в мыслях, здесь уже никто не поставит нам внешних препяд – и еще в стучании по клавишам, в рамках Уголовного кодекса, конечно. И поэтому в реале мы зачастую такие, какими приходится быть, а вот уж в сети – кем захотим, тем и становимся сразу. Блог или форум – что-то вроде феи из сказки про Золушку, которая любую тыкву превращает в карету, пока не разлогинишься.

И поэтому тебя сразу становится видно… с неожиданной стороны. Вот вышел человек в блог – ну примерно как на nudistский пляж пришел, снял все условности, все роли, нацепил какую-то маску с ником, а ниже-то всё голо. Иной, чтобы смущение преодолеть, начинает наготу эту в нос соседям тыкать: вон я какой! Не нравится? А тут так принято! И ты раздевайся, давай, живее! Сам-то ведь ничуть не лучше, вот давай сравним, померяемся! И когда количество таких людей переваливает за некий порог, это поведение становится общепринятым и ожидаемым.

Принимать его я не хочу, обходить не всегда умею. Главное, не умею видеть за этой покзухой человеческую душу. Могу видеть костюм внешних приличий, умею вести себя с этим костюмом, а когда снял его человек – я порой даже не знаю, как с ним быть. А блог, ну что блог? Просто еще одна форма общения. Уж сколько раз твердили миру, что во всех этих холиварах противники воюют не друг с другом – каждый отчаянно спорит с образом, который сложился у него в голове. Хамят не мне, а какому-то собственному призраку, мне в крайнем случае просто завидуют – сожалеют, что у них нет чего-то такого, чего удостоился, по их мнению, я, причем незаслуженно. Мне-то что до этого? А вот не всегда получается «себе внимать».

Интересно, если бы А.С. Пушкин вел блог, он смог бы последовать собственному гениальному совету всем блоггерам: «хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца»? Я пока не решил, как дальше вести свой блог, но это неважно. Земную жизнь пройдя до половины, я не разобрался еще, как общаться мне с ближним, не кривя губ, и вот это настоящая проблема моего убложества.

Планета людей

31. Христианская свобода и либеральные ценности

Недавно мы с сыном посмотрели фильм «Орел девятого легиона». В нем рассказывается история двух молодых мужчин, живших в Британии времен Римской империи. Один был римлянином, другой был бритом, и сложилось так, что каждый из них побывал рабом у другого, претерпел унижение и побои. Но они сумели стать друзьями, освободиться в прямом и переносном смысле друг от друга... и от самих себя. Ведь прежде каждый из них следовал какой-то заранее заложенной программе: отстаивать честь своего народа, мстить врагам за убитого отца, и этой цели он приносил в жертву буквально всё, что у него только было. В конце фильма, отдав пресловутого золотого орла тем, кому он был так нужен, двое свободных людей выходят на залитую солнечным светом городскую площадь. «А дальше как?» – спрашивает один из них. «А как сам решиши!» – отвечает другой.

Человек не должен быть рабом или иметь рабов, он не должен слепо подчиняться стереотипам и условностям, он вправе сам решать свою судьбу и несет за свои решения ответственность, но он не может при этом ущемлять такие же права другого человека. Я не уверен, что этому так стремились жители Британии римских времен, но нынешний западный мир – и британцы в первых рядах! – именно в этих принципах видит основу общественного устройства. Именно их и называют либеральными ценностями.

А как все это соотносится с христианством, которое тоже много говорит о свободе? На первый взгляд – да вообще никак. Оба героя этого фильма – язычники, как и подавляющее большинство людей того времени. Их, в общем, и невозможно представить себе христианами: если бы они верили в Евангелие, это была бы совсем другая история, не золотого орла они бы искали. Но вот если бы местом действия для фильма была избрана, скажем, средневековая Британия, то можно быть уверенным: бороться героям пришлось бы за свободу от стереотипов христианских. От них бы требовалось регулярно ходить в храм, соблюдать обычай и ритуалы, а то и присутствовать при сожжении ведьм и еретиков.

Европейский либерализм, собственно, и начался с борьбы за освобождение от таких правил, борьбы в том числе и с традиционным христианством всех конфессий. Оно лишало человека свободы повседневного выбора: в воскресенье иди на службу, а не на прогулку и не в пивную, до венчания не смей даже целоваться с любимой девушкой. А если не хочешь исполнять все эти правила, общество и без инквизиции найдет способ тебя строго наказать!

Либералам XIX века все это было не по душе, но они боролись на самом деле не с христианством, а с традиционным обществом, которое в любом случае живет такими правилами. Они действуют сейчас во многих исламских странах, и эмигранты уносят их с собой на Запад, воспитывают своих детей в тех же традициях. Строгие правила поведения были и в советском атеистическом обществе, и в языческом римском, и в любом другом. Даже самое примитивное первобытное племя требует от своих членов неукоснительно отмечать все праздничные и скорбные дни, наносить правильную татуировку и кидать бумеранг строго определенным образом. Слова о личной свободе прозвучали бы для такого племени полным абсурдом: да что это такое? Мы – единое племя, а кто уйдет от нашего костра в джунгли, тот неминуемо погибнет.

Кто же принес в мир представление о том, что человек сам по себе свободен, что его поведение не определяется только наставлениями предков и обычаями современников? Об этом говорили мудрецы разных стран и народов, но убедительнее всего сказали об этом христиане. Конечно, и в Ветхом Завете мы читаем, например,

историю Руфи, которая оставила свой народ и своих богов, чтобы стать частью Божьего народа. Но и в этом случае она просто перешла из одного традиционного общества в другое.

А христиане вдруг заявили, что для них «нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем – Христос» (Колосянам 3:11). Как это вообще может быть, когда эллины так сильно отличаются от скифов, а рабы – от свободных? Да и как звучали эти слова в обществе, где рабство было самой основой общественного устройства? Все великие философы античности просто принимали его как факт, а некоторые вполне оправдывали: дескать, варвары по природе своей рабы, должны служить просвещенным эллинам, так установлено с начала, так должно быть всегда.

Лучшим ответом, пожалуй, послужит краткое Послание Павла к Филимону. Жил на свете рабовладелец Филимон, который после проповеди апостола Павла принял христианство. После этого от него бежал раб по имени Онисим, и случилось так, что он встретил Павла и тоже обратился ко Христу. По законам Римской империи раб оставался собственностью своего господина, который имел право наказать его за побег как угодно, в том числе смертью (распятие на кресте – это как раз римское наказание для мятежных рабов). И что же делает в этой ситуации Павел? Начинает борьбу за немедленное равноправие? Будь он либералом XIX века, он бы так и поступил. Но в те времена его бы просто никто не понял.

И Павел отправляет Онисима к хозяину, как и следовало поступить по закону, но посыпает с ним и свое письмо. В нем он убеждает Филимона принять Онисима как брата, а не раба, обещает возместить весь возможный ущерб и... просит его послать Онисима обратно к Павлу, потому что он ему нужен для служения. Полностью оставаясь в рамках общественных норм и законов того времени, Павел призывает христиан выстраивать совершенно иные отношения между собой. Рабы и рабовладельцы остаются тем, кем они и были прежде, как и скифы не меняются местами с эллинами, но все они при этом оказываются братьями, все призваны поступать друг с другом по закону любви.

Всегда ли, все ли из христиан исполняли этот призыв? Конечно же, нет. Мы знаем, как часто именно от лица Церкви людей лишали свободы и даже жизни: дескать, это угодно Богу... Только в Евангелии было ясно сказано: нет, неугодно. А что именно крест выбирался в качестве знамени для подобных деяний, это, в общем-то, вопрос культурных традиций: в другие времена и в других странах это мог быть римский орел, или исламский полумесяц, или идол индейского божества.

Но христианская проповедь братства и свободы постепенно приносila свои плоды, и к тому самому XIX веку, времени расцвета либерализма, люди стали приходить к мысли о несовместимости самого института рабства с христианством. Первой запретила его та самая Британия, за ней последовали и другие страны – именно христианские страны, а затем и остальные, под их влиянием. Пользоваться рабским трудом вдруг стало неприлично – отчего же? Сама идея, что человек рождается свободным, что он обладает определенными правами уже в силу того, что он человек – библейская по своему происхождению. Только Библия из всех главных религиозных книг человечества учит, что человек создан по Божьему образу и подобию, только она говорит о том, что и сам Бог стал человеком и умер ради спасения людей: и скифов, и эллинов, и рабов, и свободных.

Именно на этих основах строится подлинный либерализм, и он прекрасно совместим с христианством. Конечно, встречается понимание христианства как общеобязательной системы внешних запретов и правил, но наши предки отвечали на такое поговоркой «невольник – не богомольник». Распространяется в наши дни и такой либерализм, который забыл о своих библейских и христианских корнях и считает любую веру, любые нравственные нормы досадной помехой на пути ко всеобщему освобождению, и он с христианством несовместим. Но либерализм ли это? Если проповедуется безусловное право женщины совершать аборт, это звучит, конечно, очень либерально... но ведь так отрицается безусловное право на жизнь зачатого младенца,

каким когда-то был каждый из нас! Это не столько либерализм, сколько его искажение, как и костры инквизиции – искажение христианства.

На самом деле, либеральные ценности и христианские идеалы просто применимы к разным сферам. Одни относятся к политической свободе и праве на выбор своей судьбы, другие же говорят о свободе от рабства греху и о том, как человеку распорядится данным ему выбором, чтобы обрести жизнь вечную.

32. Большой Брат по последней моде

Все мы читали Оруэлла и Солженицына, или хотя бы слышали о них. Никто из нас, даже самый завзятый «государственник», не хочет жить в тоталитарном обществе – ну примерно как в Северной Корее. Но не зря говорят, что генералы всегда готовятся к прошлой войне, и поэтому оказываются неготовыми к настоящей. Сдается мне, что правозащитники и просто небезразличные люди, выходя на Триумфальную площадь ради свободы слова или на Пушкинскую ради борьбы с фашизмом, тоже готовятся к прошлой войне. Нет, сами по себе их цели прекрасны: свобода слова нам нужна, фашизм, напротив, отвратителен. Но эти демонстранты, похоже, воюют со Сталиным и Гитлером, которых давно уже нет, которые едва ли смогут возродиться в нынешних условиях.

Зато я ощущаю, как в нашу жизнь тихо и незаметно вползает новый Большой Брат – пока еще, правда, не большой, а совсем маленький. Но растет он очень быстро, и амбиции у него, прямо скажем, огромные. Нет, он приходит без факельных шествий и вскинутых рук, без кожанок и маузеров, он не строит – по крайней мере, пока – концлагерей и не вынашивает замыслов о мировом господстве. А может быть, и вынашивает, но нам не объявляет. Он входит в наши дома вполне цивилизованно, одетый по последней европейской моде, он говорит гладко и следует букве закона. Именно поэтому он сейчас куда опаснее для нас, чем Stalin с Гитлером – их мы давно распознали и оценили, им история вынесла свой приговор, пусть даже отдельные чудаки с ним и не согласны.

Я говорю о демоне тотального госконтроля.

Мы получили в наследство от СССР развитую систему всяческих правил, призванных обеспечить безопасность трудящихся. Разумеется, в государстве, которое управлялось одной партией, эти правила действовали ровно до тех пор, пока не мешали ей. Что, срываешь план? Партибилет на стол положишь! И делали план, забыв про всякую там противопожарную безопасность.

Сегодня, когда каждый бизнесмен сам себе хозяин, картина совсем не та. На любое предприятие, в любое учреждение придет санэпидстанция и пожарный надзор, и упущения обязательно обнаружатся. Моя теща руководит маленьким кукольным театром, и чего только ее не обязывали в этом театре сделать… Пропитать занавес специальной невоспламеняющейся жидкостью, продублировать все надписи шрифтом Брайля, а в период эпидемии гриппа всем сотрудникам надеть марлевые повязки. Это вроде как забота о зрителях. Представляете, пришли вы с ребенком в детский театр, а там все в масках: то ли сами уже все заболели, то ли наоборот, от посетителей заразу подцепить бояться. Уютно будет вам в таком театре?

В результате возникает ситуация, когда каждый, абсолютно каждый предприниматель и даже директор театра виноват перед какой-нибудь инспекцией. УстраниТЬ все недостатки, выполнить все предписания бывает просто невозможно – проще и дешевле, как говорила одна моя подруга, владелица небольшой мастерской, закрыть эту мастерскую и открыть новую в соседнем округе. И работать там – до первой серьезной проверки, разумеется. Год за годом наши власти с самого верха призывают «прекратить кошмарить бизнес», но ничего не меняется. А как оно изменится, если значительная часть чиновников ничего не производит, никому не помогает, а только кошмарит всех подряд и этим кормится? И неплохо кормится, надо сказать.

Но это бизнес. Чем дальше, тем больше подобные методы проникают и в нашу с вами частную жизнь. Много уже было сказано о новой норме алкоголя в крови, ноль-ноль – норме, которая в природе встречается крайне редко. И самое забавное, что невозможно даже проверить, а сколько у тебя этих самых долей промилле в крови на трезвую голову – я в своей поликлинике пытался, мне сказали, что таких анализов они не делают, и где их сделать, не знают. То есть езжу я и даже понятия не имею: а вдруг у меня все-таки 0,001

промилле есть от природы, вдруг я за рулем всегда в пьяном виде, а сам и не догадываюсь об этом?

Но дальше – больше. О том, что милиция у нас переименовывается в полицию, что будет в связи с этим принят новый закон, слышали, наверное, все. И многие даже знают, что на практике этот законопроект существенно расширяет права полицейских – например, предлагалось, что полицейский сможет проникать в наши квартиры против нашей воли «при наличии достаточных оснований». То есть, когда пожелает. По итогам обсуждения этот пункт убрали… Но каждый такой пункт из каждого законопроекта не уберешь. А уж из правоприменительной практики – тем более.

Законопроектов ведь много. Будет принят и [«Закон об образовании»](#), согласно которому посещение детского сада становится обязательным. Это ничего, что в настоящие детсады очереди, что в них устраиваются за взятки. Родители обязаны обеспечить посещение дошкольного учебного заведения, а как – их проблемы. Не обеспечили? Нарушили закон и будут наказаны.

Есть и законопроект [«Об основах охраны здоровья граждан в РФ»](#). Красивое название, и идея правильная, казалось бы – не столько лечить, сколько предупреждать заболевания, заниматься профилактикой. Но что-то смущает… а, вот это. Граждане теперь будут обязаны «бережно относиться к своему здоровью» и, «находясь на лечении… выполнять назначения медицинских работников». Большой – винтик в системе Минздрава, а здоровых у нас, как известно, нет. Нерожденный ребенок, согласно закону – так и вовсе не человек, а «продукт зачатия». Фактически, предлагается ввести чиновный контроль над судьбой этого «продукта»: не соответствует семья стандартным требованиям – аборт. И извольте выполнять назначения медработников!

А главное, как это всё красиво называется! Вот [«паспорт здоровья школьника»](#), который кое-где уже начали раздавать с требованием его заполнить. Ну кто же будет выступать против здоровья своего ребенка? Только и нужно, что записать туда, рост, вес, перенесенные заболевания, аллергические реакции… а заодно полные данные обо всех членах семьи. Указать, какие продукты ребенок потребляет, и в каких количествах; наличие отдельной комнаты и своего компьютера; в каких мероприятиях он принял участие в течение учебного года. Наконец, оценить личностные черты: смелость, благородство, невозмутимость… Это еще только малая часть!

Потом так легко будет организовать какую-нибудь «службу здоровья», которая будет эти паспорта собирать и анализировать. Вот в этой семье превышен уровень потребляемых макарон и занижен – мясных продуктов (например, в пост), вот у этого ребенка недостаточное благородство, а вот эти преступники, страшно даже вымолвить, отказались заполнять донос на самих себя, ссылаясь на неприкосновенность частной жизни! Детей отобрать, самих – под суд. Всё для блага ребенка!

Речь идет, по сути, о национализации нашей с вами частной жизни. А лучше сказать так: о ее приватизации особым классом людей. Привилегированный класс должен за счет чего-то жить, нужно постоянно «удовлетворять растущие потребности», как это называлось в советское время. Да и сам этот класс в размерах растет, никак не сокращается. Давно уже замечено, что чем меньше в армии рядовых, тем больше в ней генералов.

В девяностые годы скромные, хоть и растущие потребности удовлетворялись за счет приватизации былого «всенародного достояния». Прежде правящий класс распоряжался им от имени и по поручению партии, теперь же – на правах частной собственности. Но приватизация рано или поздно закончилась, делить стало нечего. Тогда стала, как в сказке, расти цена на нефть и газ. Потребности – а они всё росли! – по-прежнему было, чем удовлетворять.

К концу двухтысячных и этот рост закончился. Что было делать? Официальный (и вполне правильный) ответ – инновации, модернизация. То есть выход из сырьевого

тупика, общий рост экономики, при котором всем станет лучше жить. Ну, а тем, кто и до этого жил неплохо – так и вовсе хорошо, но не за счет всех остальных, а за счет роста.

Но есть и другой ответ, который ставит крест на всяких модернизациях. Это – тот самый демон тотального госконтроля, приватизация избранными чиновниками теперь уже нашего частного пространства. Купил чистый диск – [отчислил копеечку Н.С. Михалкову](#), но это еще ладно, это потерпим. Намного хуже, что ты рискуешь потерять право распоряжаться своей судьбой и судьбой своих детей, ты обязан на каждом шагу платить, отчитываться и подчиняться. И молчать. Государству удобно – ничего не надо менять, ничего обеспечивать.

Если это не Большой Брат, то чего еще нам тогда опасаться?

33. Битва за внимание

В начале 90-х один мой знакомый радостно сообщил мне, что новости он теперь узнает по интернету. Даже одна из центральных российских газет, рассказал он, доступна теперь через компьютер. Я только подивился его выбору: ну надо же, вместо того, чтобы включить телевизор или подойти к газетному киоску, приходится идти куда-нибудь, где есть подключенный компьютер (а вдруг он окажется занят?) и там вводить какие-то пароли, адреса... Зачем такие сложности?

В середине 90-х мне предложил мой тогдашний работодатель установить интернет на домашний компьютер. Я долго не соглашался. Если что-то срочное, можно по факсу письмо отправить из конторы. А новостей мне и по обычным каналам уже слушать не хотелось... Но весной 97-го я впервые вышел в сеть из собственного дома с максимальной скоростью 14 440 бит/с, и на месяц мне хватало десяти часов дайл-апа. Но уже к концу года я понимал, что без электронной почты мне теперь не обойтись. А еще через несколько лет, приезжая в любое место, я сразу узнавал, как тут в сеть выходят.

Новые информационные технологии неизбежно меняют отношение к миру и к слову. Изобретение печатного станка, когда стало можно выпускать в свет большое количество одинаковых книг, преобразило не только облик библиотек, но буквально всё, от содержания книг до манеры чтения. Нынешняя информационная революция тоже меняет мир, причем куда быстрее, чем прежняя, и уже ясно видны некоторые векторы этих изменений.

Один из этих векторов – инфляция информации. Пятнадцать лет назад мы сами искали в сети то, что нам было надо, и очень радовались, когда находили. Сегодня на нас обрушивается поток бесплатной информации, и это далеко не только спам. Мой блог практически ежедневно френдят один-два других блоггера, которые прямо-таки боятся друг с другом за мое внимание. Они публикуют любопытные факты, яркие фотографии, словом, делают всё, чтобы я хоть на несколько секунд задержался у них в блоге. Так, видимо, повышается стоимость рекламного места, но мне даже не нужно смотреть рекламу (да она у меня просто отключена), важно, чтобы я туда зашел.

Социальные сети... Да, благодаря им я за последние полгода нашел кузину в Сиэтле, которую никогда прежде не видел, и ту девочку, с которой в 12 лет дружил в пионерском лагере. Это было очень приятно. Но с каким упорством сети теперь соревнуются за то, чтобы я проводил как можно больше времени именно в этой, а не в той: тут и виртуальные подарки, и музыка, и всяческие игры с развлечениями... Тоже ведь рекламная площадка.

Что будет через двадцать-тридцать лет, не берусь и гадать. Полвека назад фантасты предсказывали межгалактические полеты, телепортацию и колонизацию ближнего космоса, но никто не угадал нынешнего буйства средств коммуникации: мобильник почти у каждого уха, интернет почти в каждом доме. Возможно, еще через полвека автобусы, где каждому пассажиру не будет бесплатно предоставлен набор сетевых гаджетов, будут смотреться полнейшей архаикой. А проезд будет бесплатным, разумеется – то есть за счет рекламодателей.

Все это превращает нас в рекламопотребителей, и мы всё равно платим за эти возможности – цена уже заложена в стоимость товаров и услуг. Но интереснее другое: оказывается, наше внимание и наше свободное время становятся точно такой же валютой, как и наши деньги (тем более, что деньги тоже всё более виртуализируются). С каждым днем всё шире ассортимент. Только денег всегда можно заработать немного больше, а вот запас нашего внимания не так уж и велик, а в особенности – время нашей жизни. Да, в юности этот ресурс кажется безбрежным, и что такого страшного – просидеть всю ночь в интернете или за любимой игрушкой... Тем более, что там перед нами встает удивительный новый мир, такой непохожий на серые будни «реала»! Но, как сказал один

умный человек, «умирай, ты ни за что не будешь жалеть, что слишком мало просидел за компьютером».

Во всех антиутопиях XX века тоталитарное общество жесточайшим образом ограничивало доступ своих граждан к информации. В фантазии Оруэлла даже английский язык подвергся насилию, чтобы на нем просто нельзя было сказать ничего недозволенного. В реальности до такого, конечно, не доходило, но стилистическое единство советских СМИ просто удручало. Мы жадно прислушивались к «голосам» из-за железного занавеса уже потому, что они говорили иначе. И когда разрешили говорить что угодно и как угодно, советская власть просто не устояла, не выдержала конкуренции.

Сейчас, по крайней мере в интернете, мы живем в мире почти абсолютной свободы. Но что раньше запрещалось, то теперь забалтывается: среди ярких картинок и хлестких заголовков смыслы просто теряются, размываются, превращаются в свое жалкое подобие. Пусть не поверит, лишь бы мышкой кликнул! И «производители книг» порой подтягиваются под этот стандарт. Один из российских издателей и редакторов, Сергей Пархоменко, [рассказывает](#), как у него брала интервью молодая девушка из нового издательского мира, всего лет на 20-25 моложе его. Но она рассуждала, как существо с другой планеты: вместо работы над текстом – голые сетевые технологии и откровенное манипулирование людьми. Деньги – товар – деньги.

А если бы Пушкина так редактировали и издавали – интересно, мы бы знали сегодня его имя? Не уверен. Вероятно, выпустив пару-тройку действительно хороших вещей, он вынужден был бы поставить их производство на поток, и вместо «Евгения Онегина» была бы у нас какая-нибудь книжная серия про домохозяйку-детектива Татьяну Ларину, случайно расследующую очередное кровавое убийство какого-то чудака из соседнего поместья по фамилии Ленский. Читайте в следующем выпуске новые подробности...

Тексты вообще сдают свои позиции. На первое место выходит клип: яркий, запоминающийся отрывок с минимальным количеством слов, бьющих по нервам. Чтобы выбрали именно этот клип, надо бить сильнее, изощреннее, неожиданнее, чем конкуренты. Появляется целый класс людей вполне образованных, обеспеченных и следящих за собой, которым книги не особенно нужны – разве что справочная литература, или так, бестселлер в дорогу. Нам такое отношение кажется варварством, но ведь, на самом деле, книги стали собирать в частных домах всего лишь пару столетий назад. Да и то, все эти собрания сочинений, которые так заботливо копили советские интеллигенты, стоят теперь на полках мертвым грузом... Может быть, мы увидим мир, где книжный шкаф – такая же редкость, как теперь, к примеру, курительная трубка или камин.

Впрочем, сама перемена формата (бумажного на электронный) не должна нас пугать. Перемена отношения к тексту, замена текста хлестким клипом, интерактивной картинкой – вот это уже куда более тревожное явление, но и тут мы вынуждены быть реалистами. Главный вопрос не в том, как оно выглядит, а в том, служит оно добру или злу. И на него каждый раз приходится отвечать отдельно.

Вот один любопытный факт... Во Франции выпустили [новое телевизионное шоу](#). Участникам предлагалось задавать испытуемым вопросы и за неправильные ответы наказывать их электрошоком. Жертвы кричали, потом погибали... Участники не знали, что перед ними – актеры, и на самом деле никакой боли они не испытывают. Но одни продолжали жать на кнопки, а другие, наблюдавшие за процессом – их подбадривать. Из 80-ти человек отказались от участия только 16.

Одна участница потом сказала, что теперь она поняла, почему в свое время фашисты мучили в концлагерях ни в чем не повинных людей, в том числе ее дедушку и бабушку. А можно добавить к этому выводу вот что: в XXI веке подобное может происходить, оказывается, не в ходе сражений за верную идеологию или территорию, но и в великой и ужасной битве за наше с вами внимание, под телекамеры, с гламурными

ведущими. Только что же тут нового... Мы помним, кто еще в Эдеме первым придумал эффективный рекламный ход, чтобы заставить Еву посмотреть именно на запретный, а не на какой-нибудь иной плод.

34. Модернизация по прадедовским заветам?

Модернизация – один из вечных российских сюжетов. Приведу только два исторических примера, в чем-то очень похожих...

Когда Петр I начал войну со Швецией, России катастрофически недоставало буквально всех промышленных товаров и многих видов сырья – в частности, железа, которое до войны как раз у Швеции и покупали. Нужно было срочно создавать собственное производство, так что царь призвал тульского кузнеца и предпринимателя Никиту Демидова и пожаловал его землями на Урале, а заодно подарил казенный Невьянский завод – лишь бы только он давал столь необходимые железо и чугун. Пригласили западных специалистов, хорошо им заплатили. В 1719 г. был принят и особый закон, «берг-привилегия», дававший горнопромышленникам неслыханные права: например, если владелец земли сам не разрабатывал месторождение, то права на него мог получить буквально любой желающий без согласия владельца. Горные мастера освобождались от податей и рекрутчины, а беглые крепостные (неслыханное дело!), оказавшись на Урале, могли поступить на завод и так легализовать свое положение – они освобождались от власти прежнего владельца.

Не удивительно, что все эти меры, в сочетании с богатейшими и до тех пор почти нетронутыми ресурсами Урала, дали свой результат. Уже к концу правления Петра Россия по производству железа и чугуна догнала главную индустриальную державу того времени, Англию, а к концу XVIII в. стала крупнейшим производителем железа в мире. Тягаться с той же Англией было нетрудно: ресурсы Британских островов были довольно ограничены и давно уже эксплуатировались человеком, а на Урале было сколько угодно руды, сколько угодно леса для углежеков, и сколько угодно горных рек, чтобы ставить на них «водобойные колеса» - главный источник энергии того времени.

Только в одном была загвоздка: назревала промышленная революция. В 1760-е годы первые образцы паровых машин для промышленного применения создавались практически синхронно в России и той же Англии. Только на бедных ресурсами Британских островах эти машины стали широко применять в разных отраслях промышленности – а значит, производство упрощалось, удешевлялось, становилось все более массовым и качественным. За паровыми машинами появились и другие механические приспособления, перестраивался быт людей, их сознание, общественные отношения.

А на нашем Урале по-прежнему было немеряно руды, леса, воды, а главное – крепостных крестьян. Машины так и остались дорогими игрушками, ведь и без них всё получалось... И модель петровской мануфактуры закрепилась там, с незначительными изменениями, вплоть до отмены крепостного права. Чем меньше она соответствовала вызовам времени, тем строже государство следило за ее сохранностью. Во второй половине XVIII в. в горном деле была введена система чинов, подобных армейским: маркшейдер, например, соответствовал капитану. А в 1830-е годы началась тотальная военизация: районы горного производства были выведены из-под контроля гражданской администрации, рабочих перевели на казарменное положение, приравняли к рядовым и унтер-офицерам, судили военным судом и т.д. Только бы ничего не менять!

Я не думаю, кстати, что в середине XIX в. жизнь уральского мастерового (мы знаем ее в основном по сказам Бажова) была тяжелее жизни бирмингемского рабочего – скорее наоборот. Но что совершенно точно – труд его был менее эффективным. «Мастерской мира» в результате стала Англия, а не Россия.

Вторая история: в середине 60-х годов прошлого века советское правительство озабочилось развитием автомобильной промышленности. Были призваны западные инженеры, вложены значительные средства, построен завод в Тольятти, и в 1971 г. вступила в строй первая очередь ВАЗ, выпускавшая знаменитые «копейки». В общем-то, это была отечественная версия итальянского автомобиля FIAT-124, завоевавшего в 1965 г.

титул «автомобиль года». Он и в начале семидесятых смотрелся очень хорошо, и отлично продавался в Европе, потому что был дешевле западных машин того же класса. Кстати, несколько лет назад мне довелось покататься на «копейке» тех самых первых лет выпуска, когда их еще делали строго по итальянской технологии. Машина была вполне на ходу.

Только некоторые специалисты в области автостроения считают, что ВАЗ с его непомерными аппетитами и амбициями угробил будущее советского автопрома: отныне главным делом всей отрасли становилась сборка зарубежной модели, когда-то вполне успешной, но устаревшей с каждым годом. Самостоятельные разработки по большей части так и не покидали пределов конструкторских бюро: зачем что-то менять, кроме отдельных деталей, если и так всё получается?

«Классику» всё еще продолжают выпускать, так что по нашим улицам по-прежнему бегают слегка модернизированные «фиаты» шестидесятых. Удалось наладить производство скопированной модели, но не удалось создать ту среду, которая сама порождает новые модели. Высокие импортные пошлины ограждают ВАЗ от настоящей конкуренции, правительственные гарантии «не допустить социального взрыва» ограждают завод от неминуемого по всем законам банкротства – да, в конце-то концов, ведь они же ездят, эти «шестерки» и «семерки»! Так что нам еще долго с ними жить.

А теперь немного о современности. Я не сомневаюсь, что колоссальным напряжением сил нашей стране удастся создать в Сколково или где-нибудь еще великий и современный Наукоград. У нас много талантливых людей, и ресурсов в стране достаточно, так что, вполне возможно, к 2020 году возникнет у нас своя Силиконовая долина. Может быть, она даже окажется самой силиконовой в мире – и нанотехнологии будут в ней самыми передовыми, и микросхемы самыми крупными, то есть, наоборот, мелкими. Только есть опасение, что и в 2040-м, и в 2060-м годах она так и останется Силиконовой долиной образца 2020-го с незначительными изменениями. А Запад к тому моменту может пойти в каком-то совершенно другом направлении – как мы уже выходили на первое место по выплавке чугуна, чтобы понять: не количество чугуна отныне служит главным показателем прогресса.

Я открою один маленький секрет: английские короли не дарили своим промышленникам паровых машин, итальянский парламент не обсуждал на заседаниях дизайн «фиата». Если у нас новшества приходится вводить волевым актом власти – в этом есть какая-то искусственность. Такой акт заставляет чиновников повсеместно насаждать определенную форму (брить бороды, сажать картофель или кукурузу, проводить всеобщую компьютеризацию и т.д.), потому что за нее легко отчитаться, ее легко оградить от покушения несмысленных граждан. Гораздо сложнее создать для людей условия, в которых им самим будет выгодно сажать то, что лучше всего растет в данной местности, и вводить те технологии, которые будут наиболее эффективны завтра (а не завтра, как у нас часто бывает). И поддержать тех, кто это делает, а не душить их то проверками, то налогами, то директивами.

Вот, ввели у нас загранпаспорта нового образца, с чипами – повышается надежность, упрощается процедура пересечения границы. Явный прогресс. Мои жена и сын подали заявления на такой паспорт... Да, в теории заполнять анкету можно на сайте – но на практике эта система не работает. На практике надо заполнять бумагу, приносить ее девочке, которая вручную занесет данные в свой компьютер – ей так привычнее. Только теперь, по новой технологии, эта девочка еще и фотографирует всякого приходящего (раньше фотографии приносили с собой). А девочка одна на всю контору, а желающих много, а фотографироваться – это долгий процесс... В общем, пришлось жене и сыну занимать очередь полшестого утра, а вышли они из кабинета в двенадцать.

Притом услуга платная – 2 500 рублей со взрослого. Любая организация, перед дверями которой уже к рассвету выстроилась очередь из желающих заплатить такие деньги, срочно бы наняла еще двух-трех таких же девочек, а еще лучше – дала людям возможность самим заполнить анкеты в интернете. Вообще, в большинстве стран мира эта

операция занимает ровно столько времени, сколько она самом деле занимает, паспорт иногда вообще по почте потом присылают.

Может быть, прежде технической модернизации паспортов следовало бы модернизировать процедуру их выдачи? Да и вообще задуматься о том, сколько сил, времени и денег, которые можно было бы пустить на модернизацию, тратит наш человек на вот такую вот ерунду? Модели есть: в США, где бюрократии тоже палец в рот не клади, еще в 1980-м году был принят [«Акт о снижении бумагооборота»](#) – закон, определяющий, какие анкеты чиновник вправе заставить гражданина заполнять, и как он затем должен обращаться с этими данными. И существует специальная служба, которая отслеживает: не слишком ли «кошмарит» чиновничество своих граждан и предпринимателей этими бесконечными формами, причем не только в Силиконовой долине или на горных заводах, а везде.

Разруха начинается в головах, как учил профессор Преображенский. То же самое относится и к модернизации, и прежде всего – в головах чиновничих. А уж инженеры и ученые подтянутся, в этом можно не сомневаться.

35. Общество потребления детей

Однажды меня обвинили в педофилии. Это было, когда я вывесил в интернете фотографию своего шестилетнего сына – он был изображен на пляже в одних трусиках, и смотрелся действительно очень симпатично. Я решил было, что нарвался на отзыв маньяка, но… потом я наткнулся на такое же обвинение в адрес замечательного писателя Вл. Крапивина, причем прозвучало оно на православном форуме. Дескать, он описывал купающихся детей (опять-таки в трусиках), и получились они у него слишком привлекательными.

Я задумался тогда: что тогда вообще останется от мировой культуры, если подвергнуть ее строгой антипедофильской цензуре? Все эти скульптуры мальчиков, вынимающих занозу, или фрески с херувимами – на них ведь даже трусиков нет. А, к примеру, [стихи Саши Черного](#) про компанию чижка, зайца и карася, обсуждающих необычное для них строение человеческого тела? Они ведь смотрят, как «голые детишки с визгом плещутся водой» – так они что, тоже все педофилы, вместе с поэтом?

Почему вообще сыплются все эти обвинения и подозрения в педофилии по малейшему поводу? Речь, разумеется, не идет о тех реальных (и, к сожалению, куда более частых, чем мы привыкли думать) случаях совращения детей, которые действительно должны приводить к суду и реальным срокам заключения, не о настоящей порнографии с участием детей. Все это должно пресекаться, и теперь, слава Богу, наши правоохранительные органы об этом действительно вспомнили, с большим, надо сказать, опозданием. Но откуда такое пристальное внимание к самой проблеме, почему на борьбу с ней, как в свое время с троцкизмом, поднимается к месту и не к месту ретивая общественность?

Современное западное общество, к которому и мы, по сути, принадлежим, хоть и с немалыми оговорками, вдруг осознало простую вещь: главный его двигатель – потребление, а главный стимул для потребления – секс. Девушки и парни с роскошными формами и призывными взорами рекламируют все, что угодно. Престижное авто уже неотделимо от блондинки в купальнике, ноги от ушей, туфли на шпильках – но и не только авто, приглядитесь сами к плакатам. Сексуальный подтекст в современной рекламе – это как острые приправы в азиатской кухне: непривычному человеку и в рот взять нельзя, а ценители уже без них обойтись просто не могут, пресно им покажется. И они добавляют и добавляют перца, так, что аж рот горит… вкусно! Ах, как вкусно!

А чем расплачиваться за все эти блага потребителю? Тоже потреблением. Ты должен быть молодым, успешным, сексуальным – тогда тебя будут потреблять клиенты, работодатели и партнеры. Задорого потреблять тебя, яппи и – внимание! – метросексуала. А ты сможешь пустить заработанные деньги на собственное потребление, делая его все более изысканным и престижным. Новые машины, новые гаджеты, новые подружки… новые игрушки. Старые еще не сломались, они просто прискутили и вышли из моды, потому что все пацаны уже давно обзавелись вот этой последней моделью, только у тебя ее нет.

Все это очень по-детски, правда? И вдруг западный потребитель с каким-то неожиданным удивлением обнаружил, что в эту карусель вовлечены не только инфантильные взрослые, но и настоящие дети. Несовершеннолетние. И оказалось, что их тоже потребляют – их нежность, невинность, красоту. Платят за это большие, очень большие деньги, создают специальные элитные клубы с закрытым членством. Занимаются с этими детьми самым настоящим сексом, снимают это на фото и видеокамеры и обмениваются материалами. Причем, как оказалось в некоторых случаях, делают это не только работторговцы из экзотических нищих стран, а родители из вполне приличной «старой Европы». А что, они приучают своих детей к нормам того общества, в котором им предстоит жить. Обеспечивают им будущее.

Общество ужаснулось. Мы же на самом деле не такие чудовища, – сказали люди, – у нас есть нечто светлое и чистое, руки прочь от детства! И общество повело борьбу, как и водится в таких случаях, с внешними признаками. Например, со степенью обнаженности – возможно, скоро будут объявлены нелегальными домашние фотоальбомы с розовыми голенькими младенцами первого года жизни, и любые пляжные фотографии до 18 лет. И можно не сомневаться, что всякие контролирующие органы, по крайней мере, в нашей стране, проявили в поиске таких фотоальбомов принципиальность и порой даже неподкупность. Это ведь так просто: зайди, обыскать, привлечь!

Но общество потребления как-то не захотело или побоялось заметить, что подобные вещи – оборотная сторона медали, гордо повешенной этим самым обществом на грудь. Вот в просвещенной Голландии, где так суровы к педофилам, проходит конкурс детской песни. Симпатичный мальчишка лет десяти, вполне одетый, поет песенку о том, что у него два папы и это очень круто. То есть паренек пропагандирует гомосексуальные «семьи»... Детская чистота и непосредственность используются для того, чтобы оправдать сексуальные пристрастия вполне взрослых людей – разве это не порнография? А вот у нас, в России, проходит набор в детскую школу моделей, опять-таки, все одеты... только объясняют там детям очень простую вещь: твоё тело – это товар, который хорошо продается, и чем свежее, тем дороже – надо только правильно его упаковать и подать. Это разве не порнография?

Да и вообще, вся современная потребительская культура основана на телесных ощущениях (съесть, выпить, поцеловать) и ориентирована по преимуществу на... детей. Да, детей. Не случайно сегодня самыми кассовыми становятся детские фильмы, подростковый образ жизни объявляется идеальным, и от вполне взрослых женщин-моделей ожидаются совершенно детские, неестественные для зрелого организма объемы. Детство, по сути – второй после секса фетиш этого общества потребления. Оставайся в самом беззаботном, самом приятном возрасте как можно дольше – так ты сможешь продлить всевозможные наслаждения! Причем с 18 лет (возраст может варьироваться в разных странах) к прочим наслаждениям непременно должны добавиться и сексуальные, так что готовиться к этому надо заранее, овладевая даже не техникой секса, сколько самим подобным отношением к нему как к еще одному способу получить удовольствие, причем самому кругому и модному. И не надо себя ни в чем, кроме возраста, ограничивать. А если так, то не слишком ли условны возрастные ограничения?

Общество потребления, общество не повзрослевших, но вполне половозрелых детей с ужасом обнаружило, что оно начинает потреблять детей в самом грубом смысле этого слова. Оно попробовало эту ситуацию изменить... но чтобы изменить ее по-настоящему, потребуется некоторая радикальная переоценка ценностей. Нужно научиться глядеть на человеческое тело и вообще на человеческую жизнь несколько иными глазами, чтобы другой человек перестал быть для тебя всего лишь возбудителем.

Дети сами очень хорошо чувствуют такие вещи. Однажды две маленькие девочки рассматривали альбом с репродукциями картин мастеров Возрождения, и одна из них хихикнула: «они же все голые!» Другая рассудительно ответила ей: «это ты будешь голой, если разденешься, а они обнаженные». То есть не степень наготы создает неприличную ситуацию, а... как бы это точнее сформулировать? Отношение к телу, которое вызывает у нас это изображение. Если мы, глядя на картину, готовы восхищаться красотой человеческого тела, это искусство. А если мы проникаемся желанием это тело потребить, то, вне зависимости от наличия одежды (которая может скорее подчеркивать и намекать, нежели скрывать), это уже порнография, в том числе и детская. Да, конечно, такое определение очень субъективно, его не внесешь в законодательные акты, не положишь в основу правоохранительных инструкций.

Но если мы не научимся различать эти вещи хотя бы сами для себя, если не попробуем объяснить это различие тем, кто находится вокруг нас – боюсь, никуда нам не

деться от укоров собственной совести, и, что еще хуже, от насилия над детьми, иногда физического, иногда только психологического, но ведь и оно остается насилием.

Кстати, слово «педофилия» в переводе с греческого обозначает «любовь к детям». Людям, да и высшим животным свойственно своим детенышам кормить, берегать, любоваться ими и с ними играть. Именно это можно называть словом «любовь», если не получается назвать им что-то более высокое. А вот если мы начали называть этим словом мерзкий разврат, значит, проблема не в том, что любовь сама по себе плоха – а в том, что мы так и не научились любить по-настоящему, ни детей, ни взрослых.

36. Бесплатное или бесцельное?

Народ протестует против нового [законопроекта](#), который, по словам его критиков, ликвидирует в России бесплатное образование и здравоохранение. Вполне вероятно, что закон действительно плох, что он ущемит права граждан – но я сейчас не о законе. Я о самом образовании. Если нам не нравится закон, надо, по-видимому, не просто ужасаться и ждать, что школы теперь перепрофилируют в бордели (а в дискуссии мне довелось слышать и такое), но предложить некую здоровую альтернативу.

Прежде всего, действительно бесплатного образования и здравоохранения для всех у нас в стране давно уже нет. Да, есть врачи и учителя, которые самоотверженно выполняют свою работу за бюджетные копейки. Если повезет, наши дети попадут именно к таким. Но никто этого, к сожалению, не гарантирует. А гораздо чаще нам приходится сталкиваться с другим (пока скажу только об образовании): либо совершенно бесплатная муниципальная школа в спальном районе, в которую ребенка отдавать бывает просто страшно, либо школа платная. Платность еще не гарантирует качества, к сожалению, но полная бесплатность почти наверняка гарантирует его отсутствие. Есть, повторюсь, и исключения, но их не слишком много.

Кроме того, плата за обучение в школе у нас стыдливо называется... да как она только не называется! Спонсорскими взносами, оплатой охранника, деньгами на ремонт в классе, на новый телевизор и на подарки учителям. Разница с оплатой через кассу только в том, что в кассу платят определенную сумму за определенные услуги и знают, чего потом можно потребовать, а все эти поборы совершенно произвольны и никаких прав тебе не дают. А уж если ты хочешь, чтобы твой ребенок куда-нибудь после школы поступил... Вступительные экзамены сменились ЕГЭ, но точно так же одни родители нанимают репетиторов, другие – ищут «возможность повлиять», и находят.

Конечно, разрушать то хорошее, что существует действительно бесплатно или за символические деньги, совершенно не нужно. Но точно так же не нужно притворяться, что наша нынешняя система нас устраивает, и дело тут далеко не только в деньгах. Система очевидным образом порочна, и все эти сборы-подарки это ясно показывают. В конце концов, музеи или библиотеки тоже бедствуют, но нам и в голову не приходит дарить после каждого посещения их сотрудникам деньги в конвертике.

Но чтобы систему изменить, нужно прежде всего понять, в чем цель этой системы, что она должна обеспечивать на выходе. Наше нынешнее школьное образование в общих чертах сохраняет принципы советской системы, результата своеобразного эксперимента: дать всему населению энциклопедическое образование, какое было в дореволюционных гимназиях, только в сокращенном виде (скажем, без древних языков). Надо сказать, что у этой системы есть немало преимуществ, особенно в социалистическом обществе, где «кадры решают всё» и перемещаются с одного места на другое по воле партии. Чем универсальнее детали, тем проще сборка.

Но сегодня такое образование вызывает всё больше вопросов – слишком изменился мир, да и науки радикально усложнились по сравнению с временами гимназий. К ньютоновской механике добавились квантовая механика и теория относительности, а вот объем человеческого мозга не изменился. С другой стороны, сегодня мы научились поручать примитивные и утомительные расчеты электронике – но школа этого просто не заметила. Мой десятилетний сын пачками решает примеры с многозначными числами, как и мы делали в те времена, когда обычный калькулятор стоил треть средней зарплаты. Но вот математическому мышлению их, к сожалению, совершенно не учат – только забивают в головы алгоритмы, и проверяют, насколько точно они следуют этим алгоритмам и насколько аккуратно записывают их в тетрадки.

На уроках русского языка их учат «подчеркивать орфограммы» (вам часто приходится это делать в обыденной жизни, дорогие читатели?), но совершенно не учат тому, чего так не хватает современной молодежи, воспитанной на клипах и

компьютерных играх – текстовому мышлению. Человек, закончивший школу, умеет складывать буквы в слова и слова – в предложения, но предел его восприятия – эсемеска или сообщение в твиттере. В тексте, состоящем из десятка абзацев, он не может выделить главную мысль, отследить аргументацию, развернуто выразить свое отношение, свыше слов «круто» или «котстой». Зато его учили орфограммы подчеркивать.

На уроках английского – та же самая зубрежка правил, стандартных ответов на стандартные вопросы... Но когда он слышит английскую речь, он даже не пытается ее понять: в школьном учебнике такого нет. Вот именно поэтому к нему, десятилетнему, уже ходят репетиторы по английскому и математике. Не бесплатно и не из школы.

Стандартный подход убивает всё живое. Сегодня столько говорится о разных психологических типах, о синдроме дефицита внимания, о неведомых «индиго» и «альтернативной одаренности». Сходите в первый класс, вам там покажут индиго: дети, сели ровно, руки сложили на парте, открыли тетрадки, отступили один сантиметр, пишем с наклоном... Либо ребенок вписывается в эти требования (они никогда не пригодятся ему в жизни, но они очень удобны для учительницы), либо он у вас дебил, его надо пичкать нейролептиками и переводить в школу для отстающих в развитии. Какой же школе хочется портить себе показатели будущего ЕГЭ?

В результате главный вопрос – не о платности, а о цели всеобщего школьного образования. В советское время задача была – преподавать всем гражданам одинаковый набор знаний, начала всех наук. Возможно, в свое время она была верна, но сегодня она и нереальная, и неадекватна; пытаться сохранить как можно больше элементов этой системы, на мой взгляд – бессмысленная задача.

Предлагается и другая модель: обеспеченные граждане учат своих детей платно чему захотят, а всем остальным дается некое базовое образование на уровне церковно-приходского, и добро пожаловать к станку или на погрузку ящиков с пивом. Эта система вполне «адекватна» вызовам времени, но слишком уж несправедлива. Кстати, на Западе существуют особые фонды, которые позволяют одаренным детям получать элитное образование за счет грантов – это платное образование, но платят за него не обязательно родители.

Возможно ли нечто третье? Некая гибкая система, способная адаптироваться и под изменяющиеся вызовы времени, и под особенности данного конкретного ребенка? Повидимому, да. В свое время маленькая страна Финляндия, где нет ни нефти, ни газа, ни крупных торговых путей, решила сделать ставку на образование. Теперь юные финны стабильно занимают призовые места на международных олимпиадах, а деньги в страну приносят высокие технологии (всем знакома, например, Nokia). Как им это удалось – отдельный и большой разговор. Но, насколько я могу судить, при реформе школьного образования финны задались прежде всего вопросом «а как нам лучше научить вот этого ребенка тому, что явно будет востребовано в его жизни?»

Мы в любом случае платим за образование своих детей. Различаются только модели: или в карман учителю, или через кассу, или через налоги, которые у нас вычитываются из зарплаты. Но пока что школа в основном общается с нами на языке «чтобы завтра пришел с родителями» и «не нравится – забирайте», мы остаемся в ее глазах докучливыми просителями и нерадивыми двоечниками. Вот что надо менять в первую очередь, и лишь затем задумываться о конкретных способах финансирования. И если мы будем начинать с вопросов «а как нам потратить бюджетные деньги» и «а как бы нам сохранить то, что давно разваливается», у нас точно ничего путного не выйдет.

37. И снова о ЕГЭ

Июнь у нас в семье, помимо всего прочего, месяц, когда жена, школьная учительница, возит детей на ЕГЭ. Возвращается усталая и сердитая – не только от нелюбви ко всякой казенщине, но еще и потому, что видит на практике, как это самое ЕГЭ проходит. Учителя, нимало не стесняясь, могут решать задания для своих подопечных прямо в учительской – главное, вовремя договориться. Впрочем, их сразу предупредили в РОНО, когда еще первый ЕГЭ только намечался: готовьте детей к поступлению через олимпиады, потому что приедут теперь поступать из юго-восточных республик дети с бумажками по сто баллов. Они и приехали, в том числе и такие, которые не могут без ошибок написать заявление о приеме. Если в Москве у всех на виду учителя решают за учеников, что творится в дальних аулах, представить нетрудно. Об олимпиадах я вообще промолчу – призовые места там уже давно имеют вполне конкретную стоимость, и это ни для кого не секрет.

Но я не о том, что коррупция введением ЕГЭ не побеждена, а скорее перенаправлена – это и так очевидно. Преступность вообще невозможно уничтожить какой-то одной решительной мерой – она определяется желанием граждан находить обходные пути и способностью власти заставлять их платить за такие пути неприемлемую цену, а главное – заставлять всех и всегда, а не тех только, кто под руку подвернется. Как раз в плане борьбы с коррупцией ЕГЭ может быть важным, пусть и всего лишь первым шагом – действительно, чем единообразнее процесс, тем проще его проконтролировать.

Но ЕГЭ в нынешнем виде заставляет нас задуматься о цели школьного образования как такого. Вот свежий пример: двуязычная дочка наших друзей, жившая в Германии с 5 до 15 лет и ходившая все эти годы в немецкую школу, отправилась на экзамен по иностранному языку (немецкому, конечно). Провожая дочку на экзамен, мама волновалась, как бы не поставили 100 – вышло бы слишком нескромно. Но волноваться не стоило, она получила 87. И [выдала такое пояснение](#): «Там вопросы были как-то не по-немецки составлены. Как будто их пять раза туда-сюда перевели, и сами подзабыли уже, чего хотели спросить. Ну, я отвечала, как привыкла. Только было ощущение, что с идиотом разговариваешь...»

О, как знакомо это ощущение! До сих пор помню «темы по английскому», которые мы заучивали наизусть в нашей спецшколе: «Komsomol is an active assistant of the Communist Party» и всё такое прочее. На экзамене требовалось их воспроизвести. Теперь мне почти ежедневно приходится говорить или писать по-английски, но ни разу ни одна из этих тем не оказалась востребованной. Видимо, и от нее требовалось не столько умение общаться на языке с его носителями и читать Ремарка в подлиннике, сколько воспроизведение неких заученных ответов. Конечно, человек, свободно владеющий языком, может сам придумать что-нибудь близкое и плохой оценки не получит, но никогда и не попадет в десятку.

То же самое касается практически всех гуманитарных наук. История, к примеру, предполагает не просто знание дат, имен и цифр, которые всегда можно посмотреть в разнообразных справочниках, а скорее умение пользоваться этими справочниками, самостоятельно проводить связи между разными явлениями, понимать логику исторических процессов. И оценки могут быть весьма неоднозначными. Конечно, в ЕГЭ все это тоже находит свое отражение, но сама природа теста предусматривает стандартные (а вовсе не оптимальные) подходы к решению стандартных задач. Вот, к примеру, «Почему автор-повествователь называет Онегина своим “странным спутником”?» ([из демонстрационного варианта 2009 г. по литературе](#)). Как, интересно, ответил бы сам автор-повествователь, зачли бы ему этот ответ или нет?

Гуманитарии стонут: нынешние дети, привыкшие к клипам, видеоиграм и эсемескам, плохо понимают тексты. Они умеют читать в том смысле, что знают буквы и складывают их в слова, а слова – в предложения. Но вот смысл абзаца понять им бывает

намного сложнее, а уж проследить логику целого текста бывает и вовсе не под силу. Но разве не следует любой тест той же самой клиповой схеме: набор самостоятельных кратких задач, каждая из которых не связана с предыдущей? Получается, что в старших классах школы, где самое место для обучения текстовому мышлению, оно становится каким-то избыточным факультативом.

Впрочем, разве всё это касается только гуманитарных наук? Еще задолго до всяких ЕГЭ один студент сдавал экзамен по физике. Ему был задан вопрос: как с помощью барометра можно узнать высоту башни? Разумеется, стандартный ответ был таков: надо измерить атмосферное давление у ее подножия и на вершине и вычислить высоту по разнице. Способ этот, надо сказать, довольно неаккуратный: все же барометры не настолько точны, а разница в давлении ничтожно мала... И вот студент предложил лучший способ: спустить барометр с крыши на веревке, а потом измерить ее длину.

Экзаменатор решил поставить студенту неудовлетворительную отметку, но все-таки сначала посоветовался с коллегой. Коллега побеседовал со студентом, и тот предложил еще несколько решений: например, сбросить барометр с башни и замерить время его падения, или в солнечную погоду измерить тень от барометра и сравнить ее с тенью от башни. Наконец, можно просто подкупить управляющего этой самой башни: подарить ему прекрасный барометр, чтобы он назвал точные габариты строения. Оценка в итоге была поставлена отличная, но дело в том, что коллегу звали Эрнест Резерфорд, а студента – Нильс Бор, и оба стали в свое время лауреатами Нобелевской премии по физике. Только не во всякой экзаменационной комиссии сидит такой лауреат, к сожалению.

К экзаменам дети начинают готовиться с первого класса (впрочем, уже звучит в эфире реклама некоего элитного образовательного центра для детсадовцев, который запускает этот процесс гораздо раньше, прямо не вставая с горшка). Нет, они не решают задачи прошлогоднего ЕГЭ, конечно. Но они старательно приучаются к великой власти алгоритма: лучшее это решение или посредственное – но решать надо именно так, и никак иначе, если хочешь получить хорошую отметку. Так было при советской власти в подавляющем большинстве школ, и ЕГЭ призван увековечить этот процесс штампований удобных посредственостей.

Призываю ли я ЕГЭ отменить? Нет, потому что это уже нереально, да и неполезно, на самом деле. Нам действительно нужны некие объективные, единые для всех показатели успеваемости. Только надо понимать, что эти показатели – лишь половина дела. Да, если ребенок получил 20 баллов, то либо он умственно отсталый, либо его очень плохо учили. Но вот верхняя часть шкалы, которая, собственно, и значима для конкурса абитуриентов, сама по себе мало о чем говорит: усидчивая посредственность будет здесь уравнена с настоящим талантом, и даже превзойдет его.

Так что ЕГЭ, несомненно, надо лишить всесилия. У нас в стране так принято: если уж сажать картошку или кукурузу, то только ее, от Таймыра до Каракумов. С образованием это проходит не лучше, чем с овощами. У экзаменаторов, безусловно, должны быть и какие-то другие критерии для оценки, как и сейчас это происходит в творческих институтах. Невозможно оценить способности художника или артиста по объективной стобалльной шкале, это понимают все. Но точно так же невозможна совершенно объективная оценка способностей лингвиста, историка, физика или биолога – нужно хотя бы посмотреть на человека. Собственно, в западном мире, которому мы в данном случае подражаем, эти тесты не служат единственным критерием: есть и другие показатели, из которых важнейший – собеседование.

Есть опасность, что будут принимать «своих»? Конечно, но, как видно, она и при ЕГЭ никуда не делась. Зато экзаменаторы, они же преподаватели, смогут все-таки посмотреть и решить, хотят ли они ближайшие пять лет учить именно этого студента. Впрочем, есть и другой вариант: набирать на первый курс «с запасом», а уж в первую и вторую сессию избавляться от явного балласта. Кроме того, не имеет никакого смысла

годичный срок давности для результатов тестирования: если человек действительно овладел предметом, он не забудет его ни за год, ни за пять. А вот если он набил руку галочки расставлять, тогда, конечно, другое дело.

А впереди у нас еще ювенальная юстиция, и реформа бюджетной сферы, и многое иное, таинственное и неизбежное... В который раз мы сталкиваемся с одной и той же проблемой, традиционно обозначаемой «дураки и дороги»: можно ремонтировать выбоины, а можно совершенствовать формы отчета и контроля. Второе, в принципе, даже бывает на пользу первому – лишь бы оно не подменяло.

38. На переднем крае научной бюрократии

Некоторое время назад обсуждался резкий отказ молодого нобелевского лауреата А. Гейма приехать в инновационный град Сколково. Конечно, была какая-то горькая ирония в том, что изобретателя [графена](#), который может стать заменой силикону, хотели позвать в российскую «силиконовую долину» – как если бы изобретателя самолета пригласили на фабрику самых современных воздушных шаров. Отечественная модель инновационного развития, к сожалению, нередко подразумевает создание передового предприятия сегодняшнего дня, который... становится вчерашним уже по ходу строительства. Но сейчас вся электроника действительно строится на кремнии, будут ли графеновые микропроцессоры, никто пока не знает – но похоже, что если будут, то не в Сколково.

И я, кажется, могу объяснить, почему. Недавно я защитил докторскую диссертацию (спасибо за поздравления). Если бы заранее знал, каково оно – наверное, не взялся бы за этот труд. Но раз уж ввязался, пришлось проходить эту дорогу до конца. Вот только написать текст, убедить оппонентов и совет в его высоких качествах – это как раз было не самое трудное. Гораздо труднее было уследить за всеми переменчивыми требованиями [Высшей аттестационной комиссии](#) (ВАК).

Для тех, кто не сталкивался с этим, поясню. Ученые степени на самом деле присуждает именно этот всероссийский орган, а не диссертационный совет, который голосует в конце защиты – он лишь высказывает свою рекомендацию. А вот чтобы комиссия присудила степень ... Для этого нужно много, очень много бумаг, и диссертация среди них – не главная. Ее и читать там особо не будут – будут тщательно следить за тем, как оформлены протоколы всяких заседаний и, например, листок по учету кадров советского образца. А самое главное, для докторской защиты надо иметь минимум семь публикаций в «ведущих рецензируемых научных изданиях из Перечня ВАК Минобрнауки России».

Вообще-то это нормально, что ученые публикуют статьи в рецензируемых журналах – то есть в таких, где каждая публикация рецензируется специалистами в данной области. Но только у нас в стране создан централизованный [список таких журналов](#), который, к тому же, постоянно меняется, равно как и минимальное число публикаций. Действительно, в 90-е годы, когда любое ПТУ именовало себя лицеем, а любой провинциальный ВУЗ – академией, степени присуждались направо и налево всем платежеспособным соискателям, и такая простая мера должна была отсеять «левых» диссидентов. Но это в теории. На практике... Уже всем, наверное, известна [история о том](#), как был опубликован в одном из таких журналов сгенерированный компьютером искусственный текст о «корчевателе», абсолютно бессмысленная белиберда – и ведь [был отрецензирован](#), причем замечания были высказаны только к стилю!

Это, конечно, одиозный пример. Приведу другой, из своей практики. Я послал статью в один из журналов в списке ВАК, мне ответили: вопрос о публикации будет рассмотрен только после того, как вы оформите две (!) годовые подписки на наш журнал и пришлете нам в редакцию копию квитанций. До тех пор никто даже не будет читать статью. Я отказался, сдал статью в другой журнал, где ее действительно опубликовали бесплатно (через полтора года)... Говорят, публикуют и просто за взятки – такого не скажу, лично мне не предлагали, да я бы и не дал.

Но венцом всего стало микрофильмирование. Да-да, никаких опечаток: в 2010 году, как и тридцать лет назад, все защищенные диссертации положено превращать в микрофильмы, так трактуется [постановление Правительства](#) от 31 марта 2009 г. Казалось бы, если это дело государево, то должно делаться за счет бюджета. Но на деле [регистрацию обязательного экземпляра](#) осуществляет некий «Международный центр по информатике и электронике (ИнтерЭВМ)», который ни в каких постановлениях не упомянут, и за регистрацию ему причитается 1200 рублей. Это если обычным порядком,

чтобы делали долго, а если хотите просто приехать, поставить у них штамп на карточку и уехать, это стоит уже 1800 рублей. Перечислять деньги надо в банк, который находится в соседнем здании с этим самым «ИнтерЭВМ».

Хорошо еще, что сама защита прошла бесплатно: не надо было арендовать зал заседаний, выплачивать зарплату членам ученого совета через какой-нибудь очередной регистрационный Центр. Это, кстати, свежая научная мысль, которую можно оформить в виде рецомендации и тоже где-нибудь зарегистрировать.

У сотрудницы Центра, очень вежливой и милой тетушки, я спросил: а нельзя ли через интернет? Трудно представить себе диссертацию, напечатанную в наши дни на машинке. Отчего бы тогда не выкладывать файл, например, pdf на определенный сайт, чтобы и посетители могли бы потом его скачать? «Такого у нас пока нет», – ответила она. Хотя, судя по названию фирмы, о существовании ЭВМ там уже знают. Уже хорошо, особенно если учесть их «новости» [на сайте](#), за последние полгода было ровно две: «с 6 по 8 октября 2010, кубинская делегация посетила ИнтерЭВМ» и «В ИнтерЭВМ состоялась встреча с ветеранами в честь 65-летия Великой Победы». Такие вот инновации.

А теперь представьте себе: ни одна научная степень в нашей стране не присуждается без этих переводов на счет «ИнтерЭВМ», потому что без проштампованной бумаги от них ВАК просто не принимает документы. Силиконовая долина? Зачем, когда на микрофильмах до сих пор можно зарабатывать, причем с гарантией! Поднимут цену вдвое, втрое, вдесятеро – что же, откажутся диссертанты, уже защитившиеся, от присуждения искомой степени? Да нет, конечно. Потребуют от них, они оплатят и переписывание диссертаций гусиными перьями на пергаменах. А куда деваться, если диссертация защищена, степень-то хочется получить. И на журналы подпишутся как миленькие, если потребуется.

Ученые – даже те, кто способен совершить нобелевское открытие – в общем-то, нормальные люди. Они хотят заниматься тем, что им интересно, и еще хотят, чтобы им за это платили деньги, на которые можно жить. Им не нужны несметные сокровища и великая слава (ищущие их не идут в науку). Но им нужно, чтобы их не дергали по пустякам, а доверяли их интуиции. К. Новоселов и А. Гейм в свое время обратили внимание на выброшенные куски клейкой ленты с тонким слоем графита. Так начался их путь к созданию графена, углеродной пленки толщиной в один атом. И зачем им все эти перечни ВАК, все эти микрофильмы? Зачем писать отчеты, когда можно работать?

Там, где создана подлинная научная среда с ее высокой требовательностью к методу и творческой свободой для идей, ВАК просто не нужен. Уверен, что Манчестерский университет (там и был открыт графен) и без ВАК не присудит научную степень кому попало, за деньги или по знакомству. Слишком уж он дорожит своей репутацией. Ну, а там, где такая среда не возникла или, наоборот, исчезла в связи с недостатком финансирования и эмиграцией либо смертью главных ученых, никакие административные контрольные меры уже не помогут, да и простое вливание денег – тоже. Бурную деятельность можно сымитировать, это даже легче, чем провести настоящее исследование, да и денег под грамотную имитацию дают больше.

Впрочем, пора заканчивать. Мне как научному сотруднику надо еще заполнить «показатель результативности научной деятельности» (ПРНД) за истекающий год, для отчетности. За статью, опубликованную в журналах из перечня ВАК, я запишу себе 10 баллов за печатный лист, а за статью в прочих журналах – только 8. А вот «разработка действующих компьютерных программ» принесла бы мне целых 15 баллов за 1 авторский лист. Да-да, никакой опечатки, инструкция Академии Наук требует измерять «действующие программы» в авторских листах. Это, видимо, 40 000 знаков... машинного кода? Языка программирования? А, какая разница, отчитаемся как-нибудь... От этого ведь и зарплата будет зависеть, и возможное повышение по службе.

Я не знаю, какие у К. Новоселова и А. Гейма ПРНД. Вряд ли они их вообще рассчитывали. Вот индекс цитирования у них есть: цифра, показывающая, сколько раз другие ученые сослались на работу своего коллеги. Иными словами, насколько востребованными и значимыми для научного сообщества оказались его работы.

У российских ученых нет такого индекса, зато у них есть ВАК, ПРНД, микрофильмирование и многое, многое, иное. И когда говорят, что российской науке не хватает финансирования, это только часть проблемы. Не в меньшей степени не хватает объективных критериев оценки и свободы от формального контроля. С ним удобнее, конечно, осваивать любые фонды... особенно если их выдадут под нобелевских лауреатов... только всё это уже не наука, а один большой-пребольшой корчеватель. Корчует с корнем, не пожалуешься на низкую эффективность.

39. Хотим ли мы жить в правовом государстве?

Разумеется, хотим, тут ни у кого нет ни малейших сомнений! Чтобы чиновники строго исполняли свои обязанности, гаишники-гибддшники не вымогали взяток, все поступали бы строго по закону, и никто не мог бы рассчитывать, что откупится от ответственности, или что по блату получит то, что ему вообще-то не полагается.

Тогда поставлю вопрос иначе: а сами мы готовы жить в правовом государстве? Проще всего адресовать этот вопрос тем, кто водит машину. Ну, чтобы было так: нас остановил сержант, и мы, если что нарушили, безо всяких «давайте на месте разберемся» честно признали бы свою вину, подписали бы протокол, и приняли бы на себя все соответствующие последствия. Хотим? Они, сержанты, этого совершенно не хотят: если разговор так поворачивается, тут же угрожают на месте лишением прав и чуть ли не расстрелом с конфискацией за всякую мелочь. И мы понимаем, в общем-то, что требования их несправедливы, но... нарушение-то в самом деле было, и все они там заодно, и потом ничего не докажешь, так что, товарищ сержант, вот вам моя объяснительная на бумаге с водяными знаками, а если мало, я еще одну такую же дам.

Словом, наша мили-полиция – совсем не то, что, к примеру, швейцарская. Но готовы ли мы сами ездить, как в Швейцарии? Чтобы даже на пять минут, даже если очень надо, даже если никому не создаем помех – вот просто не парковаться в неподложенном месте никогда и ни за что? Готовы? Или, к примеру, никогда не обгонять на трассе через сплошную или с превышением скорости, даже если мы тащимся битых полчаса за трактором, а встречная пуста на два километра вперед? По-моему, ответ очевиден: основная масса московских водителей предпочтет воровато совать купюры сержантам, лишь бы не причинять себе таких кошмарных неудобств.

Мы все возмущаемся, услышав очередную историю про то, как расследование очередного ДТП со смертельным исходом ведется так, чтобы выгородить большого начальника или человека в погонах. Но представим себе на минутку, что у нас есть сравнимые возможности, например, что начальник московского ГИБДД – наш лучший школьный друг, и все его подчиненные об этом знают. Нет, мы, конечно, никого не будем сбивать или таранить, мы просто... ну как бы это сказать... мы просто иногда кое-что себе позволим за рулем, так, по мелочи – не правда ли? Так и эти начальники никого сбивать не собирались – просто они сами и их водители привыкли себе позволять. И однажды им кто-то подвернулся под колеса, только и всего.

А сержанты нас откровенно ловят. Поставят посредине узкого переулка со сплошной разделительной какую-нибудь поливальную машину, и как только ты ее объедешь – тут и он, родимый, сразу объясnit тебе недопустимость езды по встречке. Лишение прав до шести месяцев, но можно договориться. Их цель – вовсе не обеспечить безопасность движения, а ловить нас на нарушениях. Но мы же ловимся, как рыба большая и маленькая, спешим сунуть, и зачастую даже больше, чем требуется официально, по протоколу. И если кто твердо и вежливо отстаивает свою позицию и готов идти официальным путем – такого могут просто отпустить, чтобы не связываться. Проверено на опыте.

Впрочем, хватит о поли-милиции, ее сегодня только ленивый не пинает. Она, конечно, вполне заслуживает все эти пинки, но ведь и мы, по сути, позволяем ей такой быть. К тому же среди полицейских немало честных людей, которые готовы нам помочь бескоростно, точнее, за наши налоги и свою зарплату.

Я приведу другой пример: московская прописка. Нам, москвичам, приятно, что она у нас есть, вроде как римское гражданство, которое в свое время было не у всех жителей империи, а только у потомственных столичных обитателей, да кое-кого из провинциалов этим гражданством награждали за особую преданность Риму. Вот и у нас примерно так же.

Но ведь прописка эта, хоть она и называется теперь регистрацией, на самом деле должна была уже давно уйти в прошлое. Действительно, в 1995 году Правительство России приняло постановление о регистрации, которая должна теперь носить уведомительный характер, в полном соответствии с Конституцией страны, гарантирующей свободу передвижения. Допустим, гражданин желает проживать в квартире, принадлежащей другому гражданину, и хочет уведомить о том государство. Что для этого требуется? По закону – только согласие обоих граждан, если регистрация временная. Владелец квартиры может просто прийти в паспортный стол и написать заявление.

Это в теории. На практике с него начнут требовать множество бумаг; с меня, например, в такой ситуации потребовали письменный договор о найме жилья, зарегистрированный в каком-то «городском центре арендного жилья», не за бесплатно, разумеется. Что получается? Государство вынуждает своих граждан заключать сделку (что само по себе есть нарушение закона) и к тому же обязывает регистрировать ее в какой-то конторе непонятного происхождения. Разумеется, антимонопольная служба [приняла в свое время решение](#) о незаконности таких действий. И как вы думаете, что-нибудь изменилось?

Собственно, сам разрешительный принцип московской прописки противоречит Конституции, что с завидным постоянством выясняется в судах. Периодически суд отменяет очередное постановление московских властей в отношении прописки, но немедленно принимается новое аналогичного содержания. Смысл этих постановлений один: именно чиновник будет решать, кому тут называться москвичом, и кому я могу позволить жить в своей квартире, а кому – нет. И чиновник в паспортном столе хамово подтверждает: «нам зарплату мэр платит, вот мы его и слушаем, нам федеральные законы не указ». Да нет, господа чиновники, зарплата ваша взята у нас, налогоплательщиков.

Но мы это терпим. Мы суетливо выспрашиваем у каждого чиновного окошка, какие приносить бумаги. Естественно, что при таком подходе каждый раз конкретный список этих бумаг будет зависеть от доброй или злой воли чиновника, и мы не торопимся ему возразить, подать на него письменную жалобу – да заставить, в конце концов, его оправдываться в своих действиях, как он постоянно заставляет нас. Впрочем, есть исключение: московские «нелегалы» уже организовали [целый форум](#), где они… нет, не наркотики и даже не арбузы продают, а обмениваются юридическими советами: как можно грамотно и корректно противостоять чиновному произволу. И в этом отношении они работают на нас и за нас с вами, граждане с московской пропиской. И не только потому, что от сумы никому не стоит зарекаться, а еще и потому, что мы точно такие же жертвы произвола – только мы обычно пассивны.

Двадцать лет назад люди ходили на демонстрации. Им казалось, что стоит только свергнуть всевластие КПСС, объявить демократические реформы, как тут же само собой придет правовое государство, как в пресловутой Швейцарии. Что стало с этими надеждами, мы знаем. И сегодня всё больше людей начинают понимать, что правовое мышление и поведение зависит не столько от цвета флага, сколько от принятых в обществе моделей на уровне нашей повседневности. Да, власть диктует свои правила – но мы можем принимать или не принимать их хотя бы там, где это в наших силах.

А в Швейцарии, между прочим, жить хоть и очень удобно, но довольно скучно. Там даже грибы в лесу собирать закон разрешает только в определенные числа месяца, и законопослушные швейцарцы строго следуют такому закону. Так что вопрос, вынесенный в заглавие статьи, вовсе не риторический – в государстве, правовом до *такой* степени, немногие из нас будут рады жить.

Но несколько шагов в этом направлении нам явно стоит сделать, и начинать мы можем сами, вместе, не дожидаясь команды сверху. Даже если она будет дана, по дороге она потерянется в бесчисленных канцеляриях, обрастет подробностями, сводящими на нет всю идею. Давайте попробуем хотя бы иногда не спешить со взяткой, не бояться

отстаивать свою правоту, не прятаться от ответственности. А грибы... да не до грибов нам нынче, как говорил один персонаж старинного анекдота.

40. Право на смерть?

«Если рождается такой ребенок, не дать ли родителям право эвтаназии этого ребенка?» – так заявил в прямом эфире о детях с синдромом Дауна человек, который представляется как «журналист, писатель, автор примерно 10-12 книг», лауреат разных премий и обладатель медали Пушкина. Другого он о себе не говорит: женат ли, есть ли у него дети, что любит он в этой жизни... Впрочем, его право.

На его слова уже даны были все ответы. Самое главное, что было сказано: обсуждать такое в принципе нельзя, как нельзя обсуждать «право эвтаназии» престарелых родственников, политических противников или расово неполноценных людей – в XX веке был у нас богатый опыт по этой части. Стоит только пойти по этому пути, и уже не найти будет разумной границы: почему вот этих еще можно эвтаназировать, а тех уже нет.

И все же лауреата нам действительно есть, за что поблагодарить. Он заговорил конкретно и откровенно: «Генетик вам скажет – да, этот кусок мяса принадлежит человеку, но это еще не социальная личность, не человек, это только заготовка. И если дискета бракованная, бросьте ее в мусорное ведро, сделайте новую». Вся эта гуманистическая фразеология о страданиях родителей, их праве на выбор и всем таком прочем – это просто дымовая завеса, на самом деле всё куда проще. Примерно как в фильме «Матрица», только без спецэффектов.

Разве не тот же технологический подход стоит за безусловным правом женщины на аборт, или за ее правом отказаться от ребенка в момент рождения? Наследник Пушкина всего лишь довел его до логического конца. И в самом деле, так ли велика разница: до или после рождения выбрасывать неудачную заготовку в корзину...

Вот только слово «эвтаназия» тут совершенно неуместно. Оно подразумевает нечто совершенно другое: добровольный уход из жизни неизлечимо больного человека на терминальной стадии болезни. В тех западных странах, где эвтаназия легальна, речь не идет о выбрасывании нежелательных пациентов в мусорную корзину (такое по-прежнему называется «убийством» и сурво преследуется), но человеку дается право прекратить свои мучения. Если угодно, это разновидность самоубийства, причем в строго оговоренных рамках.

В Нидерландах – первой стране, пошедшей по этому пути – эвтаназия легальна с 1984 года. Вышло так, что мы с одной моей коллегой из Нидерландов почти одновременно потеряли родителей: она отца, я – маму. Недавно мы разговорились с ней об этом, и я узнал, что ее отец ушел из жизни именно таким путем. Конечно, для меня это был шок, но когда она рассказала подробности, я, по крайней мере, понял, как это происходит.

На самой последней стадии онкологического заболевания, когда человек уже не вставал с постели и полностью зависел от обезболивающих, ему было сделано предложение: «если ты хочешь, тебе могут сделать укол, чтобы ты спокойно уснул и больше уже не просыпался». Он сделал именно этот выбор, в дом пригласили полицию и врача, его решение было юридически удостоверено, а потом врач ввел ему большую дозу наркотика. Он умер не сразу, он действительно просто уснул, и организм еще несколько дней боролся за жизнь.

Я прекрасно понял, почему этот человек сделал такой выбор. Но я по-прежнему считаю, что не стоит предлагать его умирающим. Во-первых, современная медицина способна добиваться вполне надежного обезболивания, если, конечно, больной находится под наблюдением квалифицированного врача. С другой стороны, когда человек настолько зависим от посторонней помощи, слишком легко будет от него добиться согласия на эвтаназию: достаточно пропустить один укол обезболивающего, и... да он на что угодно в таком состоянии согласится. И как знать, не станет ли это – не в Нидерландах, что про них говорить, а у нас – заурядной практикой? К чему возиться с дискетой, на которую все равно уже поздно что-то записывать?

А кроме того, я знаю теперь по собственному опыту, что время ухода – это очень важное время жизни и для тех, кто остается, и для того, кто уходит. Это срок для примирения и прощения, для последних слов и объятий... Надо ли уточнять, что для людей верующих это не просто возможность еще раз причаститься, но, может быть, самое важное в их жизни время приготовления к вечности? Умирание – тоже часть жизни.

Я не знаю, каким будет мой уход из этого мира: быстрым или медленным, легким или мучительным. Как и всякий нормальный человек, я не хотел бы страдать. Но не думаю, что я хотел бы услышать это предложение: «а что, если мы сделаем тебе укол»... И хлопот у всех сразу станет меньше, конечно. И так просто будет на этот укол согласиться...

А если вернуться к детям с синдромом Дауна, то я видел несколько таких семей. Эти дети были так же радостны и счастливы, как и любые другие; их родители точно так же любили их и переживали за них. Я не скажу, что родителям было просто, вовсе нет. Но в том, что эти дети живут на земле, я вижу огромный смысл: они тоже приносят людям радость, они позволяют нам почувствовать себя умными, сильными, добрыми. На их фоне так легко быть лауреатами премий, обладателями медалей, да просто порядочными людьми, которые никого не выбрасывают в мусорную корзину, в конце-то концов.

Но вот иногда приходит в голову... Допустим, живет на свете физиологически полноценный человек. Может быть, даже зарабатывает большие деньги, занимает важную должность. Или книги издает, премии получает. Но вот не приносит он обществу особой пользы, окружающим особой радости... А вдруг кто-то и в отношении него потребует «права эвтаназии» – что тогда?

41. О спорт, ты...

Когда в конце XIX века возникало олимпийское движение, его основатели во главе с Пьером де Кубертеном руководствовались самыми благородными идеями. И когда в 1896 году прошла первая Олимпиада современности, они были уверены в торжестве этих идей. Действительно, символика олимпийского движения, его основные положения как будто остаются неизменными с тех самых пор... Но не слишком ли изменилась суть?

«Быстрее, выше, сильнее» – этот олимпийский девиз звучит по всему миру.

Правда, латинское слово *fortius*, стоящее в оригинальном тексте, означает не «сильнее», а «смелее», но сегодня на это уже практически никто не обращает внимания. А разница, между прочим, есть: смелее – это преодоление своего собственного страха, тут каждый за себя решает, а вот кто сильнее, вполне можно взвесить и измерить

Только куда уж быстрее? Вот, к примеру, [бег на 100 метров](#) (мужчины) – вид спорта, включенный в олимпийскую программу с самой первой современной олимпиады. Рекорд 1896 года – двенадцать секунд. Рубеж в одиннадцать секунд преодолели в 1908 году, а из десяти секунд вышли только в 1968, более полувека спустя. Нынешний мировой рекорд, установленный в 2009 году – 9,58 секунд. Предыдущие засчитанные рекорды 2000-х годов: 9,69 - 9,72 - 9,74 - 9,77. Смотрите, бегуны соревнуются за сотые доли секунды, которые человек просто не в состоянии воспринять без точнейших приборов. Будет ли когда-нибудь преодолен рубеж в 9 секунд? Едва ли. Человек, по сути, уже добрался до предела своих физических возможностей. Все признают: какие-то действительно новые рекорды возможны либо в новых видах спорта, либо там, где будут применяться новые технологии: более гибкие шесты для прыжков с шестом и т.д. Или придется выводить в пробирке какого-то нового человека.

Зато есть такие рекорды, которые неизменно ставятся на каждой олимпиаде, и потолка для них не видно. Они измеряются не долями секунды, не миллиметрами и не граммами, а миллиардами долларов: это вложенные средства и полученные прибыли. Называть точных цифр я не стану, здесь трудно добиться такой же прозрачности и объективности, как и на беговой дорожке. Но по [недавним оценкам Минрегиона](#), затраты на проведение Олимпиады-2012 в Сочи составят порядка одного триллиона рублей. Разумеется, деньги эти устроители хотят вернуть, причем с немалой прибылью, и значит, на первое место выходят интересы не спорта как такового, а тех, кто будет транслировать спортивные зрелища по всему миру. Телевизионные кампании могут даже определять точное время проведения олимпиады, [как было](#) в 1988 году в Калгари.

«О спорт, ты мир!» – эти слова из олимпийского гимна давно стали расхожей фразой. Но почему-то складывается совсем другая традиция: в день открытия летней Олимпиады 2008 года начались боевые действия в Южной Осетии, а в день открытия зимней Олимпиады 2010 года – [масштабное наступление](#) американских и британских войск в Афганистане. В этом нет ничего удивительного: раз в Олимпиаду вкладываются миллиарды долларов и следят за ней миллиард-другой людей, за событием такого масштаба гораздо легче спрятать новости, которые не хочется выводить на первое место.

Согласно Олимпийской хартии, игры «объединяют спортсменов-любителей всех стран в честных и равноправных соревнованиях». Насчет честности и равноправия конкретных решений зрители всегда будут спорить, но в целом организаторы игр действительно стремятся к этому идеалу. Но вот кто последний раз видел на олимпиаде *любителей*? А ведь этот принцип на заре Олимпийского движения был среди основополагающих. Речь шла о том, что соревнования мирового уровня будут способствовать развитию массового спорта и общему оздоровлению. Среди прочего, патриот-француз П. де Кубертен после позорного поражения своей страны в войне с Пруссией надеялся поднять уровень физической подготовки призывников, и, кстати, в годы Первой мировой он сам надел военную форму (временно сложив полномочия председателя Международного олимпийского комитета).

Но дело далеко не только в армейских призывниках: не предполагалось никакого жесткого деления на спорт высоких достижений и всенародную физкультуру. Вот от этой идеи совершенно точно ничего не осталось в наши дни, и всякий, у кого ребенок занимался в спортивной школе, подтвердит, что это так. На каком-то очень раннем этапе всякому ребенку с хорошими данными, а точнее, его родителям, предлагается сделать выбор: идет он в спортсмены или нет. Если нет, интерес к нему утрачивается: да, он может ходить и заниматься еще какое-то время, но... зачем?

А если да, то отныне вся жизнь этого человека будет подчинена миллиметрам и долям секунды. Речь ни за что не пойдет о гармоничном развитии личности, нет, из него будут создавать машину, предназначенную для одного конкретного вида спорта, и нацеленную на достижение лучшего результата. Сначала в школе, потом в области, в стране, и если очень-очень повезет, если человек окажется исключительно талантливым и выносливым, если сумеет отказаться почти что от всего остального в жизни – он поедет на олимпиаду. И, может быть, когда-нибудь пробежит стометровку за девять с половиной секунд. Не за 9,58, как лучший бегун на нынешний день, а за 9,50 ровно. Или даже 9,45 – вдруг удастся?

И миллионы людей увидят это по телевизору, потягивая пивко и заедая его чипсами. И телекомпания получит за рекламную паузу миллионы долларов от производителей пивка и чипсов. И в этом будет смысл всей жизни человека, потому что к тридцати годам или чуть позже, когда его ровесники вступят в пору профессионального роста и расцвета сил, его карьера будет закончена. Можно говорить о неизбежных травмах, о стимуляторах и допингах (борьба с ними давно идет по модели «снаряд – броня», когда на каждую новую защиту изобретается новый способ ее пробить). Но одно очевидно: от него требуется лишь тело, натренированное для идеального выполнения одной-единственной задачи.

И вот накануне открытия Олимпиады в Ванкувере одно такое тело, пролетая по ледяному желобу на скорости 145 км/ч, совершило неверное движение. Автомобилисты представляют себе, что это такое: полтораста километров на лучшей асфальтовой трассе, и это со всеми подушками и ремнями безопасности ... А каково в одном шлеме на льду, на небольших саночках? Человек погиб. [Организаторы говорят](#): да, слишком быстро, мы рассчитывали только на 137 км/ч (как будто велика разница!). Ну вот у него и получилось быстрее, прямо как в олимпийском девизе. Так что надо признать: такие травмы прямо предусмотрены современными соревнованиями, при любых мерах безопасности их вероятность остается слишком высокой. Это ведь тоже, в конце концов, зрелищно, когда спортсмен прямо перед телекамерой ломает шею.

По-моему, такой спорт не очень похож на те олимпийские игры, которые создавал де Кубертен. Он больше напоминает бои гладиаторов в древнем Риме. Они ведь тоже далеко не всегда погибали или получалиувечья, они были окружены почетом и заботой. Даже римский император Калигула не стыдился выходить на арену, а римские матроны считали большой удачей, если им удавалось заполучить гладиатора в любовники. Но смысл жизни гладиатора был именно в том, чтобы продемонстрировать публике умение владеть собственным телом лучше других, потешить ее ценой своего здоровья и даже жизни. И когда-нибудь наши потомки будут удивляться нашему варварству, как мы удивляемся варварству римлян.

Только не надо, пожалуйста, понимать меня в том смысле, что спорт плох и соревновательность губительна. Вовсе нет, спортивные игры и соревнования в том виде, который имелся в виду основателями олимпийского движения, вещь исключительно хорошая, нам ее очень не хватает. Может быть, потому и «люди гибнут за металл» (олимпийское золото), что мы с вами слишком уютно устроились на диване, поручив им заниматься спортом за нас?

Что-то давно я, кстати, не был в бассейне...

42. С Уильяма хватит?

Есть такой английский анекдот: заходят в готическую церковь два пожилых респектабельных джентльмена в твидовых пиджаках, чинно усаживаются на скамью. Начинается богослужение... Выходит жрица в миниюбке в сопровождении такого же хора. Джентльмены морщатся. Дамы тем временем выносит здоровенный лингам с ликами индуистских божеств, хористки достают тамтамы. Джентльмены кривятся еще сильнее. Начинаются ритуальные пляски с завываниями. И тогда один из джентльменов шепчет на ухо другому: «Нет, Джон, еще одна штучка вроде этой – и с меня хватит!»

В каждой шутке, как известно... и эта – не исключение. Во всяком случае, старший из англиканских священнослужителей архиепископ Кентерберийский Роэн Уильямс объявил, что он покинет свой пост в декабре 2012 года. Он не пенсионер: ему всего 61 год, и после отставки он возглавит один из кембриджских колледжей. Сможет ходить в твидовом пиджаке среди готических зданий и раскланиваться со знакомыми.

Официально уход никак не объясняется. Надо сказать, что около четырех лет назад Уильямс уже оказался в самом центре скандала. На волне энтузиазма по поводу мультикультурализма он сделал заявление, в котором предполагал, что нормы шариата будут однажды введены в британское законодательство. Может быть, оно так и будет, но странно было слышать такое от главного христианского епископа страны, и многие потребовали его отставки. Уильямс остался, сделав примиряющее и бесцветное заявление.

Что же вызвало его уход теперь? Один из проклятых вопросов современного консервативного протестантизма на Западе: отношение к гомосексуальным парам. И Ветхий, и Новый Завет однозначно осуждают такие связи, современная политкорректность однозначно осуждает осуждающих. Где выход? Либеральные протестанты идут за политкорректностью: если люди любят друг друга, что же в этом плохого? А что в Библии написано – так это давно устарело. Мы же не соблюдаем изложенных в ней пищевых запретов (например, на свинину) или наставлений о том, как обращаться с рабами.

Логика небезупречна. Что до пищевых запретов, но Новый Завет вполне ясно их отменяет (а запрет на однополую связь – подтверждает), а что до рабства, так этот социальный институт давно отмер. В библейские времена он был данностью, как колесницы или зернотерки, сегодня он – ненужный анахронизм. А вот сексуальные стремления человека едва ли изменились за последние два-три тысячелетия. К тому же, в отличие от режима питания или социальных институтов, они затрагивают самое личное и глубинное в человеке. По Библии, мужчина и женщина созданы изначально друг для друга, их брачный союз есть раскрытие Божьего замысла о человеке, и отказаться от этого можно только ценой отказа от самых основ веры, говорят консервативные протестанты, такова же и официальная позиция православных и католиков.

Вот и выходит, что для них признать гомосексуализм вариантом нормы немыслимо с точки зрения веры, а вот дискриминировать гомосексуалистов – в Европе уже незаконно. Дело существенно осложняется тем, что англиканская церковь влиятельна не в одной Великобритании, но и во всех англоязычных странах (включая бывшие африканские колонии), и в них может быть очень разное отношение и закона, и общественной морали к этому вопросу. Африка, кстати, всегда консервативнее Европы, а вот Америка, наоборот, либеральнее.

Что делать? Англия – старейшая парламентская демократия, в этой культуре принято решать такие вопросы путем гласного обсуждения. В этих спорах едва ли рождается Вечная Истина, но постоянно возникают летучие компромиссы, которые завтра сменяются другими. Кажется, англиканам удалось достичь согласия только в одном: если двое мирян живут в таком союзе, это их личное дело и церковь не должна в это вмешиваться, оставляя за ними право на участие в церковной жизни. Но до сих пор предметом острых дискуссий остается вопрос о том, может ли такой союз получить

церковное благословение и называться браком, и может ли быть священником или, тем более, епископом человек, открыто живущий в таком союзе.

Долгое время основным принципом англиканского сообщества (такого же многоликого и расплывчатого, как и Британское содружество) оставалась свобода в рамках внешних приличий. Приходя в англиканскую церковь на службу, можно было попасть и на чинную мессу с органом, и на веселый концерт с гитарами, это никого не волновало – каждый выбирал вариант для себя. Но именно в этом пункте сойтись не удалось: речь тут не об одних приличиях. В 2003 году двое практикующих гомосексуалистов независимо друг от друга пожелали стать англиканскими епископами: Джин Робинсон в США и Джефри Джон в Великобритании. Первый был избран и посвящен, второй сам снял свою кандидатуру. В результате возник фактический раскол, с параллельными епископскими конференциями для тех, кто не признал такого посвящения.

Для сравнения: в 2002 г. одна из англиканских епархий в Канаде приняла решение благословлять однополые браки, а в 2006 г. англиканская церковь в Нигерии приняла документ, решительно осуждающий гомосексуализм и требующий от государства запретить его законодательно. И это официально одна и та же церковь... Сегодня всё чаще, кстати, можно услышать, что миссионерство XXI века будет направлено уже теперь из Африки, где христианство если принимают, то всерьез, в насквозь секулярную Европу.

Так это будет или нет, но англиканам не удалось достичь приемлемого для всех компромисса. По этому поводу многие консервативные англикане переходят в католицизм (как Тони Блэр), а кое-кто и в православие (лично знаю один пример). Переходит в Кембридж Роэн Уильямс, которого избрали архиепископом 20 лет назад как человека самых широких взглядов, который все же не согласен с признанием гомосексуализма нормой, но не может в этом убедить своих коллег.

Главным претендентом на освобождающийся пост называют архиепископа Йорка Джона Сентаму, уроженца Уганды. Замечу, что его посвящение в архиепископы состоялось на торжественной церемонии под бой африканских барабанов.

43. Век праздности и уныния в одном флаконе

В 1929 году комсомольский поэт Эдуард Багрицкий писал о наступающем новом веке (не в календарном, конечно, смысле), суть которого ему раскрыл не кто иной как Феликс Дзержинский:

А век поджидает на мостовой,
Сосредоточен, как часовой...
Оглянешься – а вокруг враги;
Руки протянешь – и нет друзей;
Но если он скажет: «Солги», – солги.
Но если он скажет: «Убей», – убей.

Спустя восемьдесят лет совсем другой автор, постмодернистский прозаик Виктор Пелевин написал книгу о чем-то очень похожем. Стихотворение Багрицкого называется «ТВС», так сокращенно называли тогда туберкулез. В названии книги Пелевина тоже латинские буквы, только их пять и после каждой стоит точка: «S.N.U.F.F.» Так называют видеоматериал, на котором заснято реальное убийство, он больших денег стоит.

Зачем же говорить о таких вещах христианам, особенно в пост? Книга Пелевина – совсем не те наставления и патерики, которые подобает читать в это время. Но когда я читал ее на Масленице, у меня только усиливалось ощущение, что она написана про памятный нам « дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия », каким может быть он в наши дни, а потому она может быть далеко не бесполезна для тех, кого не смутит ее стиль.

Эта книга – антиутопия. Как и всякая антиутопия, она показывает мир ужасного будущего, но говорит скорее о настоящем: заостряет, доводит до крайнего предела некоторые опасные тенденции сегодняшнего дня, чтобы показать, к чему они могут привести. Классические антиутопии примерно тех же времен, что и стихотворение Багрицкого (Замятин, Оруэлл) рисуют жестокое тоталитарное государство, где новейшие технологии позволяют властям следить за каждым членом общества и не оставляют им никакого частного пространства.

К тому оно и шло в середине прошлого века, да и сегодня примерно такова реальность Северной Кореи – но мы всерьез такого будущего не боимся. Технологии, прежде всего информационные, стали надежной прививкой от тоталитаризма. Главное условие оруэлловского кошмара – полная монополия государства на информацию, а в век интернета каждый сам себе режиссер, так что проклятый телекран можно просто не включать.

Вот именно о таком мире с доступнейшей информационной сетью и мобильной связью и пишет Пелевин. Через несколько веков после атомных войн территория Сибири, поросшей пальмами и кокосами, оказалась населена орками-урками. Биологически они, конечно, люди, но сами себя людьми не называют, да и как тут назовешь? Их скотское, жестокое и бессмысленное существование сильно отличается от человеческой жизни, которая протекает совсем в другом мире высоких технологий, достатка и благополучия: на гигантском антигравитационном *оффшаре*, висящем в воздухе прямо у орков над головой.

Но эти два мира жизненно необходимы друг другу. Орками-урками правят жестокие уркаганы и их жадные приспешники, главная их задача – высосать из своих подданных побольше денег, чтобы под конец жизни купить себе престижное жилье там, на оффшаре, в районе под условным названием «Лондон». Оттуда же, сверху, орки получают все свои технологии, а главное – развлечения.

Но зачем понадобились орки людям? Вроде бы, поставляют какие-то ресурсы с земной поверхности, но не это даже главное. Чтобы чувствовать себя хорошо, людям нужно постоянно видеть свое превосходство над кем-то, чтобы оценить свою цивилизованность, им необходима чья-то дикость и отсталость, чтобы ощущать свою

силу, им не обойтись без злобного, но бессильного врага – и орки прекрасно подходят на эту роль. Примерно раз в год оба мира поднимаются на священную войну друг с другом (счет им уже пошел на сотни): толпы орков бросаются на боевые машины людей, чтобы стяжать воинскую славу и отстоять свою неповторимую духовность (так им говорят), а на самом деле – потому что деваться-то им некуда, их просто гонят на убой.

А люди... люди снимают этот убой на камеры – в том и состоит практическое значение этих войн: они поставляют много качественного и совершенно подлинного видеоматериала. Таков уж принцип *информационных сомелье* (так называется в книге эта профессия): к столу потребителя должны подаваться только подлинные кадры, не постановочные, не нарисованные, чтобы и кровь взаправду, и смерть. Чужая смерть, разумеется.

Можно долго и подробно рассказывать, как описаны в книге все эти манипулятивные технологии: как производить на зрителя нужный эффект умелой подачей вполне подлинных сцен. Очень легко бывает расчеловечить противника во имя абстрактного гуманизма: это же солдаты врага, а если их просто гонят на убой, как баранов, то только потому, что они сами не захотели сменить свой строй правления на более прогрессивный... впрочем, в книге всё это говорится намного лучше, не стоит и пытаться пересказать.

И читая об этом насквозь искусственном и пропитанном ложью мире, начинаешь понимать, что люди там, наверху, живут куда сытнее и безопаснее, чем орки внизу... но они ничуть при этом не свободнее, их общественное устройство ничуть не справедливее. Если орки живут в царстве грубого насилия, то людей сковывает всеобщая и неизбежная ложь, взвешенная, измеренная и просчитанная – и никого при этом не тащат на пытки (ну, или почти никого), всё выглядит совершенно гладко и политкорректно. Этот строй называется у них *либеративной демократией*.

Что самое интересное, в обоих мирах одна и та же религия, хоть и в несколько разной упаковке: вытворяя все свои безобразия, и люди, и орки уверены, что исполняют волю своего божества Маниту. Кстати, то же самое слово обозначает у них электронный монитор и деньги – то, чему они на самом деле поклоняются, чему приносят свои кровавые жертвы. Эта религия была установлена не кем иным, как пришедшим на землю несколько веков назад Антихристом. И это единственная известная мне антиутопия, которая так резко и однозначно связывает мрачный мир возможного будущего с пророчествами Апокалипсиса.

Вот он, ключевой момент этой книги... не один страшный мир, а два, тесно взаимосвязанных и дополняющих друг друга. Тебе ненавистна грубость и произвол? Добро пожаловать в мир лжи и лицемерия. Хочешь бежать от них? На здоровье – вот тебе полная противоположность, но со своей нагрузкой. Антихрист предлагает выбор. Он говорит тебе «согди», и ты будешь лгать, он говорит «убей», и ты будешь убивать, а потом как-то само собой обнаружится, что любой твой выбор приводит и ко лжи, и к убийству сразу. Что поделаешь, таково веление времени, и пусть совесть молчит.

Главные герои книги в конце концов бегут из этого антихристова двойного мира, и оказывается, что где-то там, далеко, живут совсем другие люди, чужды и технократической лжи, и тупому скотству. Об этих людях ничего не сказано в книге, возможно, их мир – это тема еще одной антиутопии, но это уже будет иная история, и захочет ли нам ее рассказать Пелевин, неизвестно. Но он ясно показывает, что на предложенный дьяволом выбор есть только один достойный ответ: отказ от обеих альтернатив.

Параллели с нашей реальностью становятся очевидны с самых первых страниц книги. Конечно, оффшар заставляет вспомнить о Западе с его изощренными технологиями и манипулятивными СМИ, а орки – те «отсталые народы», на чьи головы всё это обрушивается во имя приобщения к демократии. Задумаешься о том, куда поместить в этой картине Россию – и придешь, пожалуй, к выводу, что в нашей стране прекрасно

уживаются оба этих мира, что они действительно питаются друг от друга, как и описано в книге. Вот проезжает мерс очередного *диркурсмонгера* мимо конкретных пацанов с пивасиком... А если копнуть еще глубже, то можно обнаружить всё это в своей собственной душе.

Дух праздности (там, наверху) и уныния (тут, внизу), а также любоначалия и празднословия (повсюду) – вот, собственно говоря, что правит миром в этой книге. А этот дух и нам бывает знаком, и даже слишком хорошо... Слишком многие разговоры, в том числе и внутренние монологи, строятся у нас именно по этой модели: тупое насилие или лицемерные манипуляции, – и как порой хочется шарахнуться от одной крайности в другую!

Страна орков-урок называется в этой книге *Уркаинским уркаганатом*, а офшар носит гордое название *Big Byz*, что есть сокращение от Великой Византии. Ничего не напоминает из типичной «православной» дискуссии наших дней? Спор между национализмом и имперской идеей, например? На первый взгляд, такие названия звучат обидно... а на самом деле, поделом. Идеи, от имени которых нам могут приказывать «солги!» и «убей!», могут называться как угодно, но это просто маскировка, камуфляж, на который не стоит обращать большого внимания.

44. Два языка в одной Латвии

Латышский язык – второй в моей жизни после русского. Я слышал его каждое лето у бабушки на даче, но так и не выучил его толком – многое понимаю, что-то могу сказать, не более того. Но до сих пор мне кажется, что по звучанию это самый красивый язык из всех, какие довелось изучать, с его музыкальной интонацией, протяжными долгими гласными, необычными словами, такими не похожими на русские... Или все-таки похожими? *Piragi, kaposti, cena* – это всё на чистом латышском, про цену пирогов с капустой. *Cilvēks, svēce* – вот и у соседних с латышами русских был «щекающий» диалект, где тоже говорили «целовек» и «свеча».

Сходство не только в отдельных словах, языки очень близки друг к другу структурно. Например, «*zvanīt*» – это по-русски «звонить». А что такое «*piezvanīt pa telefonu*»? Правильно, «позвонить по телефону». А когда говорят «*Nu, sazvanīsimies*», это наше «Ну, созвонимся». Тут совпадают приставки, корни, суффиксы и даже возвратная частица, ведь балтийские языки (латышский и литовский) – самые близкие к славянским из всех языков мира. А еще они очень архаичны и потому особенно близки к нашему общему предку, индоевропейскому: в этой самой глагольной форме «*sazvanīsimies*» будущее время образуется с помощью суффикса *-s-*, в точности как у древних греков.

Отчасти это сходство объясняется общим происхождением, отчасти – долгим соседством и взаимовлиянием языков. Так что русскому выучить латышский – едва ли сложнее, чем польский или чешский, и латышу русский тоже дается очень легко. Проблема не в языках как таковых – она в политических решениях и общественных настроениях. Латышский народ образовался от смешения различных балтийских племен (курши, земгалы, селы, латгалы) с угро-финским племенем ливов. При этом единичные ливы и многие латгалы до сих пор не забыли собственных языков (латгальский, впрочем, до недавних пор считался диалектом, хотя по многим показателям он даже ближе к литовскому). Свою литературную форму латышский обрел только в XIX в., причем ему приходилось конкурировать с двумя «господскими» языками, куда более известными и престижными: немецким и русским. Сто и даже восемьдесят лет назад ни один приказчик в Риге не получил бы места в хорошем магазине, если не умел объясняться на всех трех.

Но немцы в конце 30-х годов были переселены на историческую родину, а вот число советских граждан после Второй мировой неуклонно возрастало. Говорили они по-русски, многие принципиально не учили латышского и демонстративно отказывались на нем говорить, так что латыши на своей родной земле действительно ощущали себя очень неуютно. В то же время никак нельзя сказать, чтобы латышскому грозило исчезновение: на нем велось преподавание, издавались книги и т.д. Это был не вопрос выживания, но вопрос национального унижения.

В начале девяностых к власти пришли демократы, которые тут же оказались на деле националистами. Основной идеей стало возвращение «в ситуацию до 1940-го года», а точнее, в некую идеальную картину той самой ситуации (потому что на практике Латвия, Литва и Эстония были на момент советской аннексии единоличными националистическими диктатурами, где вообще не проводились выборы, а действие конституций было приостановлено). Гражданство Латвии получили только те, кто его имели на тот самый год и их потомки, так что огромная масса людей оказалась в положении «мигрантов-оккупантов», только в силу собственного нахальства и исторического недоразумения проживающих на земле латышей. Говорили эти люди почти исключительно по-русски.

И вот тут настал момент очень важного выбора. Нет никаких сомнений, что всем этим людям следовало либо уехать из страны (и сотни тысяч приняли именно такое решение), или выучить ее язык и стать ее лояльными гражданами. Это требование было вполне справедливо. Но можно было добиваться этого убеждением и созданием соответствующих условий, а можно было – грубым диктатом. Наследники секретарей

райкома, сменив серп и молот на [аусеклис](#) (национальный символ), пошли в основном по второму пути. Быть профессиональным патриотом оказалось очень выгодно и почетно. Степень националистического идиотизма зашкаливала: на вступительных экзаменах в университет надо было петь дайны (народные песни) и отвечать, что самым радостным событием новейшей истории Латвии стало избрание в президенты В. Вике-Фрейберги, канадской латышки, никогда не жившей в СССР (реальный вопрос из вступительного теста). Примерно такой же пургой были густо припорощены экзамены на знание языка, необходимые для получения гражданства и права на любую работу в госсекторе...

Одной из самых высокооплачиваемых государственных должностей стала должность языкового инспектора. Такой человек ходил по улицам города и проверял, насколько соблюдаются положения закона о языке. Например, запрещались вывески и афиши на каких бы то ни было языках, кроме латышского, и в результате афиши русского фестиваля КВН, проводившиеся в Юрмале, не содержали ни одного русского слова... и все равно устроители были оштрафованы! Они назвали свой юрмальский фестиваль «Юморла», вот так решили пошутивать. Но по-латышски «юмор» – это «hūmors», так что название фестиваля заставили исправить на Hūmorla. И штраф впаяли.

И в результате теперь уже русскоязычные жители стали на каждом шагу ощущать бессмысленные унижения и ограничения. Одно время по-русски, например, запретили говорить на госслужбе и во время официальных мероприятий – вот просто запретили, и всё. Эти меры едва ли помогали латышскому языку, и если они даже заставляли людей его изучать, одновременно они прививали стойкую неприязнь к тому, что так грубо и нелепо насаждалось. Так недальновидное правительство заботится не о качестве собственных товаров, а о запретительных пошлинах на импорт: да, покупают по необходимости отечественное, но любить его от этого не начинают никак.

А в результате возникала очень странная, но удобная для многих ситуация. Государство вводит раздражающие и бессмысленные запреты, общественные активисты поднимаются на борьбу с ними, комиссары из Евросоюза улаживают вопрос и давят на правительство, оно нехотя делает полшага назад (например, разрешает печатать этикетки на двух языках, но только чтобы на латышском было вдвое крупнее!), общественность ликует и начинает бороться за следующие полшага, а националисты начинают предсказывать всеобщее обрушение и неминуемую погибель... Вроде все при деле. А реальные вопросы экономики и политики? Не до них нынче: измеряем буквы на этикетках!

Спор идет не о языках – о двух общинах. С одной стороны звучит предложение признать, что Латвия – государство двух народов, культур и языков, вроде Бельгии или Швейцарии: между прочим, франкоязычные валлоны или швейцарцы тоже не французы, как и в Латвии живут не просто русские, а русскоязычные латвийцы. Другая сторона не согласна категорически: великое русское море поглотит маленький латышский остров, сегодня русские буквы – а завтра и танки на улицах Риги. Но надо признать, что государство уже стало двухобщинным, и давно, и именно в результате той политики, которая проводилась в девяностые. Просто одна из общин имеет все права и считает это государство своим и только своим, а другая вынуждена постоянно за что-то бороться и что-то доказывать. Помогает ли это неравенство преодолеть тот же самый кризис, который ударили по Латвии больнее, чем по другим странам Евросоюза?

При этом на улицах Риги всё так же говорят на двух языках и прекрасно друг друга понимают, в кафе или магазинах с безукоризненной вежливостью обслужат на трех, как и сто лет назад (только вместо немецкого теперь – вездесущий английский). Пресса – вот та порознь. Накал страстей и степень мифологизированности в ней порой почти такие же, как на Балканах или на Кавказе, словно завтра война начнется. А в реальной жизни всё спокойно, и это внушает надежды.

В феврале 2012 года три четверти латвийских избирателей проголосовали против того, чтобы русскому языку был придан статус государственного. Референдум, конечно, не мог окончиться иначе – особенно если учесть, что сотни тысяч постоянных жителей страны по-прежнему числятся «неграми» (так себя называют с печальной ironией неграждане), лишенными права голоса. Но теперь нельзя не заметить вот какой детали: четверть граждан Латвии, выучивших государственный язык, получивших паспорт и желающих жить в своей стране, хотят, чтобы эта страна перестала считать их родной язык иностранным. Нормальное желание, по-моему.

Кроме статуса второго государственного языка, есть много иных вариантов, которые никогда не рассматривались всерьез латвийскими правителями. Это может быть язык региональный, или язык признанного меньшинства (тем более, что подобного статуса желают для своего языка и латгалы). В мире есть очень много разных моделей, и между прочим, интересный опыт предлагает в этом отношении современная Россия, где в разных регионах по-разному решается этот вопрос (хоть и не везде успешно). Взять хотя бы пример Чувашии, где для подлинного языкового равноправия делается много, в том числе и в законодательной сфере, и никто при этом не чувствует себя униженным.

Латвия не может стать только латышской, не может она поделиться, отбросить часть своей истории, своего настоящего, как не может «отчалить» она от России и пристать, например, к Скандинавии. На рижском Братском кладбище стоит надгробный камень моей бабушки с надписью: «Vera Apse-Desnickaja» – и никак не делится пополам это имя на двух языках.

45. Война, которую учитель проиграл?

В 1866 году во время прусско-австрийской войны решался вопрос, какое из двух государств станет центром объединения немецких земель. Победила Пруссия, она издавна славилась своими талантливыми полководцами и вымуштрованными солдатами. Но в историю вошли почему-то не они... «Когда пруссаки побили австрийцев, это была победа прусского школьного учителя над австрийским» – написал тогда Оскар Пешель, преподаватель географии из Лейпцига. Фраза настолько запомнилась, что потом ее приписывали даже Отто фон Бисмарку, «железному канцлеру» и объединителю Германии.

Мысль вполне понятна: отлично организованная и адекватная своему времени система школьного образования в Пруссии гарантировала, что каждый призывник обладает необходимым уровнем знаний, умеет подчиняться дисциплине и чувствует себя гражданином страны, за которую он должен воевать. Из такого получится не только храбрый солдат, но и умелый рабочий, изобретательный инженер, добросовестный чиновник. Дело не в том, что из берлинских гимназий было выпущено много гениев, а в том, что гарантированный минимальный уровень был достаточно высок в любой прусской деревне. Именно так и были заложены основы знаменитого немецкого качества и немецкого порядка – сами по себе они не обязательно хороши, в XX веке они были поставлены на службу явному злу, но это именно то, чего нам так не хватает в нашей стране. Качество и порядок – единственное надежное средство от дураков и плохих дорог.

Теперь, конечно, самое время начать горький и вполне справедливый плач о состоянии дел в нынешнем российском образовании. Всё развалено, разворовано, учителя бесправны и беспомощны, а дальше будет еще хуже... Собственно, примерно то же самое можно сказать про многие другие области жизни: медицину, коммунальное хозяйство или малый бизнес. Но положение дел со школьным образованием откликается какой-то особо острой болью: в конце концов, речь идет о будущем нашей страны. Можно за собственные деньги (у кого они есть) найти хорошего врача или купить новую квартиру, можно и ребенка выучить в элитной школе, но никто не продаст тебе страну, населенную грамотными и ответственными людьми.

Страна живет по законам рынка, всё понятно. Государство активно «сбрасывает пассивы», избавляется от расходных обязательств, в том числе и по образованию. Совсем бросить его оно не может, поэтому старается просто минимизировать затратную часть, отсюда и все эти образовательные стандарты, эта автономия школ (то есть призыв самостоятельно зарабатывать) и многое иное. Этот процесс шел с начала 90-х, но сейчас стал массовым, системным, и через год-другой рискует стать необратимым.

Почему именно сейчас? Есть на то экономические причины: приватизировать уже нечего, нефть больше не дорожает, а аппетиты растут, значит, придется на чем-то экономить. Но есть и причины, связанные с самим образованием. Наша старшая дочь пошла в первый класс в 1994 году, с тех пор и до сего дня у нас постоянно кто-то учится в школе (младший сын сейчас в шестом классе), и я могу сказать со всей уверенностью: рядовая московская школа за это время заметно деградировала. Появились, выросли и окрепли элитные школы, и не обязательно для богатых – в Донской Лицей, где работает моя жена, принимают подходящих учеников, а не родительские кошельки. Но если пятнадцать лет назад можно было отдать ребенка в обычную школу во дворе и надеяться, что дети по крайней мере в школьном дворе не будут открыто курить и ругаться матом, а учительница не придется тратить основные усилия на то, чтобы обучить добрую половину класса простейшим русским фразам, то теперь для такого минимума нужно искать уже школу получше, куда не всех примут. Но и в ней среди учителей окажется небольшое число фанатиков, которым ничего, кроме школы, и не надо, но больше будет таких, кому больше просто некуда идти.

И когда шли беседы с понимающим, умным директором о такой вот Марьиванне, которая детей не любит и унижает, требует от них тупой долбезки, был у директора один,

но убойный аргумент: «Ей год-другой до пенсии остался, потерпите. А кого я на ее место возьму? Вот вы пойдете работать в нашу школу на ее место? Если пойдете – завтра же Вас оформим, ее уволим!» Но я не шел, и жена не шла, потому что зарплата там была нищенская, нагрузка убойная, коллектив специфический, и перспектив никаких... Зачем, когда у меня есть работа получше? И каждый из родителей, который мог бы Марьиванну заменить, рассуждал точно так же.

И с особой горечью воспринимаются известия о том, что в эти бурные политизированные времена именно учителей сгоняли в мороз на митинги в защиту власти, их же фактически заставляли работать на избирательных участках и творить всякие волшебства по указанию сверху... И большинство соглашалось – и не только потому, что год-два до пенсии, и устроиться на другое место трудно. Наказали бы не лично их, а школу в целом, ведь отношение департамента образования к директору и коллективу – главное и фактически единственное условие выживания этой самой школы. И что бы ни происходило со школой, пострадают в первую очередь дети.

Так вот уж оно получилось, что личные и даже корыстные интересы учителей, не пожелавших сказать «нет» принуждению, совпали каким-то образом с интересами нашими собственными. А не так ли было все эти относительно сытые и спокойные годы? Ты помалкиваешь и делаешь, что велено – тебя не трогают. Митинги оппозиции собирали пару-другую сотен человек, пока вдруг в массовом порядке мы не решили, что можно жить и иначе. Вполне естественно, что мысль эта пришла к людям творческих профессий и бизнесменам раньше, чем к затюканым проверками бюджетникам. И очень некрасиво, надо сказать, смотрелось это улюлюканье в адрес училок, которые сами не рады, да не решаются пока разорвать порочный круг... Нашли, наконец, повод сказать страшной Марьиванне из собственного детства все, что о ней думают. А на ком сможет Марьиванна потом выместить всю свою горечь, всё унижение? Правильно, на наших детях.

Отчего-то получилось так, что эту войну российский школьный учитель уже проиграл, вне зависимости от того, кто ее выиграет. И сдается мне, что если придут к власти самые прекраснодушные, самые благородные и образованные люди, о многом придется им позаботиться – но школа будет снабжаться по остаточному принципу. Школа – что-то такое, до чего вечно руки не доходят, что вроде бы как всем нужно, но только не сейчас, пожалуйста, а как-нибудь потом, когда другие проблемы решим. А они всё никак не решаются...

А может быть, дело еще и в том, что никто просто не знает: а зачем нужна школа? С одной стороны – нам говорят «оставьте всё, как было при Советах». Но, во-первых, уже давно не так, как было при них, а во-вторых, советская система образования – это сильно усеченная и упрощенная та самая немецкая гимназия XIX века, которая была хороша в то время, но никуда не годится в наше. По русскому языку вот буквально сегодня мой сын писал упражнение: «к семистам восьмидесяти трём книгам, к восьмистам пятидесяти четырём страницам» – и я понял, что за всю свою жизнь, написав множество текстов, я никогда не употреблял таких конструкций. В то же время в школе детей совершенно не учат выражать свои мысли, структурировать тексты, понимать основную мысль статьи или книги – и в результате на практике вместо «семистам восьмидесяти трём» говорится «ну я короче типа вся такая», а пишется «фсем 4моки». Примерно то же самое с математикой, где заставляют годами вручную перемножать и делить многозначные числа, с иностранными языками, которые преподают по слегка модифицированным учебникам советской поры и проч. Это, действительно, позапрошлый век.

Но и предлагаемые новые стандарты, похоже, ориентируются на тот же самый век, только уже в классовом и даже колониальном исполнении. Богатые научат своих детей в элитных закрытых заведениях, лучше всего в Швейцарии и Англии, а бедным достаточно знать грамоту и элементарный счет, да любить родное правительство, ведь их пожизненная задача – стоять у станка или у барной стойки, водить автобусы или танки, и ни в коем случае ни во что не вмешиваться.

Любой выбор между такими альтернативами будет ложным по определению. Чтобы создать хорошую современную систему образования, в нее нужно вложить достаточно средств, прежде всего денежных. Но еще прежде того нужно определиться: а какая, собственно, система образования нам нужна, кого она должна готовить?

В конце 1960-х годов ответы на такие вопросы дала самой себе Финляндия – маленькая страна на краю Европы, с холодным климатом, без нефти, газа и алмазов. Именно поэтому финны понимали: конкурентных преимуществ они могут добиться только в высокотехнологической сфере, а для этого нужно создать прекрасную систему образования. И именно поэтому мы сегодня ходим с телефонами Nokia, а не жители Хельсинки – с продукцией Воронежского завода «Процессор».

Эта система основана, прежде всего, на совершенно бесплатном и принципиально равном образовании для всех детей по всей стране: выбор определяют только интересы и способности ребенка, а не «возможности» родителей и не место проживания. В лапландской деревенской школе будет такой же учитель, как и в столичной, даже если там в разы меньше учеников. Бесплатны не только уроки, но и учебники, транспорт, питание в школе. Всё это, разумеется, стоит недешево… но технологическое отставание и косность обходятся еще дороже.

Только не деньги тут главное. Прежде всего, в Финляндии сформирован особый корпус учителей. Профессия достаточно престижная и денежная, но и требования высокие: абсолютно все учителя должны получить магистерскую степень в университете, и это совсем не то же самое, что диплом провинциального педвуза из нашей глубинки, который разве что клинический идиот не получит. Конкурс в университеты высок, но высока и степень доверия специалистам. Им дают самостоятельно выбирать методику преподавания, не мучают отчетностью – и заодно не мучают детей. Это может выглядеть абсурдом, но в финской школе принципиально нет тестов и экзаменов, даже выпускных. Нет совсем, понимаете? Для тех, кто хочет получать высшее образование, существует аналог нашего ЕГЭ, но его и сдают в высшей школе. Это значит, что не надо натаскивать детей специально к тесту и страдать потом из-за того, что результаты оказались недостаточно высоки. Добросовестный учитель сам определит, что именно нужно в данный момент его ученику, за что и как его похвалить, а за что – упрекнуть. Ну, а недобросовестный… такого просто уволят, и не будут переживать, что некому его заменить.

Школьная жизнь регулируется не директивами департамента образования, а договоренностью между школьным коллективом и родителями. Отчего-то финны верят, что учителя и родители лучше позаботятся о детях, нежели чиновники, которые и в глаза их не видели и которым нужны лишь бумажные показатели. Странная мысль, правда? В то же время большую роль играют профессиональные организации учителей, которые вместе с университетскими преподавателями и всеми, кто в этом заинтересован, следят за развитием ситуации и ставят перед государством соответствующие вопросы, и в основном они решаются на региональном уровне, исходя из местной специфики. Так что главное тут – не чиновная структура, а самоорганизованное сословие, пользующееся уважением в обществе и видящее результаты своего труда. И хотел бы я посмотреть на тех, кто попробовал бы такое сословие погнать как толпу баранов удовлетворять чьи-то минутные политические прихоти…

В последнее время стало сверхпопулярным изречение П.А. Столыпина: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Его повторяют во всех секторах политического спектра, просто представление о величии у всех разное, кому мила стабильность, кому сменяемость власти, кому подходит модель русская, кому европейская. Но может быть, финляндский рецепт величия как великолепной образовательной системы – совсем неплохой вариант для всех?

Только не надо сейчас проливать золотой бюджетный дождь на наши школы в их нынешнем состоянии, не надо вывешивать на них лозунг «анархия – мать порядка». Надо

начинать с подготовки принципиально других учителей. Что происходит сейчас? Аккуратная и исполнительная, но не слишком умная девочка из бедной семьи хочет выбраться в люди. Путь у нее, по сути, один: пединстинут. А если будет очень-очень исполнительной, то останется там же преподавать, станет методистом, будет воспроизводить себе подобных... Не случайно во многих по-настоящему элитных школах, ученики которых берут призовые места на олимпиадах и поступают в лучше ВУЗы, вроде того же Донского Лицея, преподают люди с университетскими дипломами, а то и научными степенями. А ведь они-то как раз пединститутов не заканчивали! Этот опыт сложнее тиражировать, чем методуказания департамента, но только его и стоит распространять.

И закончить эту статью, как теперь принято, хотелось бы задорной речевкой. Помните, как в школе мы то и дело оправдывались: я учил, но дома забыл, я готовилась, но проспала? И как получали потом вполне заслуженные двойки? Так вот, когда речь идет о будущем страны, стоило бы нам всем, вне зависимости от политических пристрастий и убеждений, громко и честно обещать, а потом исполнить обещанное: «Не забудем, не пропустим!»

На площадях

45. Другие мальчишки

Отлично помню, как я вложил свой ваучер двадцать лет назад: огромная советская очередь перед огромным советским зданием, простые советские люди с непонятными капиталистическими бумажками в руках. Паевой инвестиционный фонд. И мы растерянные: нам дали, что положено, но наверняка облапошат. Да оно и привычно. «А не обманете?» – тетушка с ваучером спросила охранника на входе в ту самую, заветную дверь, где одни бумажки обменивали на другие. Он смерил ее долгим, ироничным и даже почти ласковым взглядом, как стригаль – овцу, вдруг заблевавшую перед стрижкой. «Вас обманули, когда вам эти бумажки дали», – ответил он.

Тетушка ахнула, и мы с ней заодно. Но никто не развернулся (а мысль такая была!), не пошел на выход. Да, опять обманут... но зато как вежливо, как нарядно, как цивилизованно! Мы, по крайней мере, вложим свой ваучер, куда положено. Потом мне приходили конвертики из этого фонда. Можно было забирать дивиденды – но, к сожалению, билет на метро стабильно стоил раз в десять дороже, так что я ни разу за ними не съездил.

И ведь даже не было обидно. Общеноардное государство казалось нам чем-то вроде колхозного сада, из которого мы, мальчишки, понемногу таскали спелые яблоки и груши, а строгий сторож нас шугал. В какой-то момент сторож собрал урожай и уехал на рынок, а мы – айда, пацаны! – бросились рвать, что осталось. И глупо было обижаться, что оставили самые крохи, всё равно ведь это было не наше. Тут уж кому сколько повезло нарвать, да и суровый сторож мог в любой момент вернуться.

Мы были готовы на многое, лишь бы он не возвращался. На танковые бои в центре города, на набитые долларами коробки из-под ксерокса, на «раздавить гадину» и на ваучерную приватизацию. Мы даже согласились назвать всё это демократией, потому что... ну, потому что другого варианта не было, или нам так тогда казалось. Мы привыкли так жить. Заранее заложили в водительские права крупные купюры, а в бизнес-планы – взятки и откаты. А что, было ведь колхозное, стало мое, ну так делиться надо, по крайней мере с серьезными пацанами. А то вдруг опять сторож придет.

А и Б сидели на трубе, естественно, нефтяной, и спорили о судьбах русской демократии. А твердило, что рынок всё расставит по местам и жаловалось на тупой и неблагодарный народ. Б скорбело о социальной справедливости и ругало Чубайса. Свободными были девяностые или лихими? Благословенными или проклятыми? Справедливости не хватало или милости? А это для кого как. У нас было столько девяностых, сколько в колхозном саду яблок, и уж тут кому гнилая падальца, а кому отборное наливное. Главное, никто и не смотрел в сторону соседа.

А потом как-то так А упало, Б в Думу не попало, и спор о девяностых утратил всякую актуальность. Шли нулевые. Подрастали совсем другие мальчишки и девчонки. Они не лазили в сад, потому что сад давно был разбит на индивидуальные участки, каждый за бетонным забором с колючей проволокой под током, и стреляют без промаха в лоб. А того самого сторожа они видели только в книжках с картинками, им никто ничего не выносил в коробках, они никуда не вкладывали свой ваучер.

Они знали, что справедливости ждать не приходится, милости тоже, но для них это был не очередной проклятый вопрос русской истории, а явление природы. Да, зимой холодно, да гаишники устраивают подставы, да, положенное по закону дают только по взятке. Всё давно схвачено и поделено. Мы ведь когда-то сами на это согласились, почти незаметно для себя...

Мы, но не они. И в какой-то момент вышел в интернет длинноволосый мальчик и сказал: «Здравствуйте, я Кац. Хочу быть депутатом муниципального собрания. Знаю, что оно ничего не решает, что фамилия у меня не такая и что вообще всё совсем не под нас с вами заточено. А давайте – ну по приколу – все-таки попробуем не играть по этим правилам? Надо же с чего-то начинать!»

И оказалось, что он такой не один. Дети индиго и интернета, свои ваучеры они покупают в турагентствах и едут смотреть мир. И не верят, что нашу погоду невозможно изменить. Всегда ведь можно сесть в самолет и оказаться на Бали, под пальмами. А если совсем расстараться, можно и шенгенскую долгосрочную визу, и вид на жительство, и стипендию-замужество, и что там еще… Ну, а если свалить сложно, да и не нужны мы там никому, значит, надо что-то менять по месту прописки. «А что же девяностые?! – в ужасе всплеснули руками А и Б, давно отодвинутые от трубы, – благословенные они или проклятые, свободные или лихие?» Ребята пожали плечами: «Мы тогда еще маленькие были. А что? Это вы вообще к чему?»

В Библии есть история о том, как израильтяне вышли из египетского рабства и отправились в Землю Обетованную. Могли войти туда сразу, но… не смогли, не захотели, забоялись. Всё вспоминали котлы с мясом в египетской земле, и как овощи там давали бесплатно. Так что кружили они по пустыне сорок лет, пока не умерли те, кто родились рабами. Отвоевать свою землю и укрепиться в ней смогли только дети свободы.

Срок жизни заметно увеличился с библейских времен, но и общественные процессы ускорились, так что может быть, пяти-, шести- или даже сорокалетку удастся завершить досрочно. Есть надежда, и что и мое поколение туда войдет. Ошибки, обиды и разочарования по пути обязательно будут – но сегодня, похоже, другие, чем тогда.

Куда бы мы ни вложили свой ваучер, это теперь не имеет ни малейшего значения. Выросли дети, совсем другие, чем мы – и очень похожие на нас. А дальше посмотрим.

46. Нет власти не от Бога!

«Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению» – эта цитата из Послания апостола Павла к Римлянам (13:1-2) и некоторые другие, подобные ей, стали очень популярны в декабре минувшего года. Вывод из них делается вполне однозначный: христианину недопустимо хоть в чем-то противодействовать или даже возражать законным властям своей страны, например, выходить на митинги. Но, с другой стороны, разве не бывает так, что существующие власти требуют от христианина чего-то, противного его совести? В истории мы находим немало таких примеров.

Раннехристианские мученики были официально преследуемы за государственные преступления: они отказывались приносить жертву богам, в том числе и императору. Им никто не запрещал верить в Христа, даже не заставлял их всерьез верить в Юпитера или Зевса, надо было только поучаствовать в обязательном для всех подданных империи культе, хотя бы чисто символически. Они шли на смерть, не желая лицемерить. А новомученики в нашей стране? Они тоже уклонялись от исполнения всяких декретов Совнаркома, отменявших христианство на территории Республики Советов. И в этом нет ничего нового, в Новом Завете прежде Послания к Римлянам идут Деяния Апостолов, и вот какой ответ апостолы дали Синедриону, вполне законному органу власти, на требование прекратить свою проповедь: «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (5:29).

Тогда, может быть, принцип тут такой: полностью подчиняться любому повелению властей кроме тех случаев, когда они требуют лично от тебя чего-то противного вере и Божьей воле? Но раскроем Евангелие, оно идет в самом начале Нового Завета, и первым упомянут в нем Иоанн Креститель... Все помнят, что он был казнен царем Иродом, но за что именно? За то, что обличал его нечестивый брак: Ирод увел жену у собственного брата. Зачем Иоанн вмешался в это частное дело, ведь царь ничего от него не требовал, и, более того, «Ирод боялся Иоанна, зная, что он муж праведный и святой, и берег его; многое делал, слушаясь его, и с удовольствием слушал его» (от Марка 6:20). Не лучше ли было использовать это расположение, чтобы повлиять и на самого царя, а через него – на жизнь во всей стране? Зачем было идти на принцип, обострять отношения, да так, что дело кончилось казнью? Может быть, Иоанн креститель был религиозным экстремистом?

Но давайте посмотрим на историю Византии, где существовала или, по крайней мере, провозглашалась «симфония властей», светской и духовной. Впервые ее идеал был выражен в введении к 6-й новелле Юстиниана (IV век): «Величайшие дары Божии, данные людям высшим человеколюбием – это священство и царство. Первое служит делам Божеским, второе заботится о делах человеческих. Оба происходят из одного источника и украшают человеческую жизнь. Поэтому, если первое поистине бесспорочно и украшено верностью Богу, а второе украшено правильным и порядочным государственным строем, между ними будет доброе согласие». Обратим внимание на условие: священство должно быть бесспорочно, а царство – правильно и упорядочено, иначе никакого согласия быть не может.

В византийской истории бывало между двумя этими властями согласие, но бывало и иное. Как ласково и благожелательно приняла в Константинополе императорская чета, Аркадий и Евдоксия, знаменитого проповедника, [святителя Иоанна Златоуста](#), и с каким жаром обрушил он на их головы свои проповеди! А когда его просили уняться, когда грозили ему карами, ответил он прямо с амвона: «Вновь Иродиада беснуется, вновь возмущается, вновь пляшет, вновь требует главы Иоанна на блюде». Это напрямую сказано об императрице. И по какому, интересно, поводу обострился конфликт? Да по самому ничтожному: серебряную статую императрицы установили на ипподроме, чтобы потешить матушку-государыню, воздавая ей почести.

И это далеко не единственный пример... Вот император Лев VI, нарушив церковные обычаи и гражданский закон, изданный его отцом Василием I, вступил в четвертый брак. Как и в случае с Иродом, и с Евдоксией – казалось бы, его частное дело. Но когда император во главе торжественной процессии на Рождество 906 г. отправился в собор Святой Софии, патриарх Николай Мистик захлопнул перед ним двери храма и при всем народе обличил его грех.

Еще один подобный эпизод связан с именем Михаила Палеолога, ослепившего в 1261 г. своего формального соправителя и единственного законного наследника престола Иоанна IV, тогда еще ребенка. Этот было не только зверством, но и клятвопреступлением, ведь прежде Михаил поклялся не причинять вреда мальчику-наследнику. Церковь не могла согласиться с таким поступком; император, не желая принимать обличений, после долгих споров низложил сперва законного патриарха Арсения (1265 г.), потом и собственного ставленника Германия (1266 г.), но все же в 1267 г. ему пришлось публично каяться в своем грехе перед третьим патриархом, Иосифом.

Откуда такая неуступчивость и принципиальность? Ну что стоило промолчать, да еще и оправдать свое молчание цитатой из апостола... И как вообще совместить эти протесты с той самой цитатой? Как же спорить с властью, если она от Бога? Тот же святитель Иоанн Златоуст вполне ясно [разрешил эти недоумения](#) в своем комментарии на это Послание: «Неужели всякий начальник поставлен от Бога? Не то говорю я, отвечает апостол. У меня теперь идет речь не о каждом начальнике в отдельности, но о самой власти. Существование властей, при чем одни начальствуют, а другие подчиняются, и то обстоятельство, что все происходит не случайно и произвольно, так чтобы народы носились туда и сюда, подобно волнам, – все это я называю делом Божьей Премудрости».

Иными словами, христиане не призваны поддерживать любую наличную власть во всех ее действиях, они обязаны уважать ее законные требования, и только. А как же соотнести этот самый установленный Богом принцип власти, как его трактует Златоуст, с конкретным государственным устройством, явно несовершенным, и с конкретными правителями, явно небезгрешными. Что же, сказать, что нам важен лишь общий принцип, а люди и учреждения нам безразличны?

Вовсе нет. Иоанн Креститель, Иоанн Златоуст, Иоанн Мистик и многие другие обличали властителей именно потому, что те были им небезразличны. Заметим, что они при этом не устраивали дворцовых переворотов или революций. Точно так же и в России святитель Тихон решительно анафематствовал в 1918 г. большевиков, но отказался явно поддержать Белое движение: гражданская война не может получить христианского благословения. Точно так же апостолы не пытались свергнуть Синедрион, а мученики не поднимали восстания против римского владычества. Их оружием было слово, а не меч.

Формы государственного устройства переменчивы, и в самих этих переменах мы видим проявление Божьей воли. Церковь свидетельствует об этом в Рождественской стихире монахини-поэтессы Кассии: «Августу единоначальствующу на земли, многоначалие человеков преста; и Тебе вочеловечшуся от Чистия, многобожие идолов упразднися. Под единым царством мирским гради быша, и во едино владычество Божества языцы вероваша. Написашася людие повелением кесаревым, написахомся вернии именем Божества, Тебе вочеловечшагося Бога нашего. Велия Твоя милость, Господи, слава Тебе». Действительно, христианская проповедь смогла распространиться по всему Средиземноморью только потому, что это была территория единого государства с развитой инфраструктурой. Если бы вместо Рима на этой территории сохранилось множество мелких царств, воюющих друг с другом, сделать это было бы намного труднее. Сам апостол Павел попал в Рим, воспользовавшись своим правом римского гражданина просить суда у императора – он, кстати, не колеблясь, напоминал власти о своих законных правах, когда это помогало делу проповеди.

Несомненно, была Божья рука и в том византийском государственном устройстве, которое мы сегодня связываем с понятием симфонии, была она и в том, что это

устройство прекратилось. И революции, и гонения, и бедствия – они тоже происходят не без Божьей воли, хотя здесь мы скорее привыкли говорить о «попущении»: Бог позволил свершиться злу, которое замыслили люди. Трудно не увидеть волю Божью и в том, что сегодня наша страна, как и большинство ее соседей, живет по демократической конституции, нравится нам это или нет.

Каков же общий христианский принцип отношения к власти? Если она противится христианству, христиане должны оставаться собой, исполняя ее требования в той части, которая не противоречит их христианской совести. Зло и насилие побеждается добром, а не ответным насилием, учил в Нагорной проповеди Христос. Это трудно исполнить, но вполне легко понять.

А вот как быть в тех случаях, когда власть считает себя христианской или хотя бы сочувствует христианству? Сотрудничать с ней, но неукоснительно напоминать ей о законах, если она их нарушает, даже там, где это не затрагивает лично нас. Что нам, казалось бы, до незаконных браков царя Ирода или императора Льва, не лучше ли промолчать в таких случаях? Но ведь самую резкую отповедь Христа в Евангелии получало религиозное лицемерие: живешь в свое удовольствие, но делаешь вид, что соблюдаешь все законы. Так что поступать по принципу «нас не трогают, вот и мы не высываемся», конечно, можно, только в этом нет ничего от апостольской заповеди. Точно так же не имеет отношения к христианству и революционный пафос «весь мир насилия разрушить, а затем» построить мир еще более жуткого насилия.

Мирно, но твердо напоминать властителям о тех нормах и законах, которые они на словах сами признают для себя, но не спешат на деле исполнять – вот это вполне по-христиански.

48. Чего мы искали на болоте

После митинга 10 декабря 2011 года люди задавали очень разумные вопросы: а что вы забыли там, на Болотной? Ну, выборы были нечестными, это всем понятно. А позитив-то какой? Зачем раскачивать лодку? Разве есть альтернатива нынешним правителям? Разве мешают они православным христианам молиться? Разве можно чего-то хорошего ждать от очередных великих потрясений? Попробую дать свой ответ – и заранее знаю, что у других участников митинга на нашем родном Болоте могут быть совсем другие ответы.

Я хорошо помню Советский Союз, а молодым уже приходится рассказывать. Жизнь в нем была в общем и целом вполне сносной, но одна вещь казалась мучительной: постоянная и вездесущая ложь. Миллионы людей тратили огромные силы, средства и время на то, чтобы уверять друг друга в своей преданности делу партии и правительства, которые экономили на всём, кроме пропаганды – но никто, даже сами пропагандисты, не верили в искренность этих слов. Когда в 1991 году партию запретили, а правительство отменили, никто и слова не сказал в их защиту. Так великая ложь утащила за собой в небытие великую страну – и я не хочу, чтобы это повторилось с Россией.

Мы не просто движемся в этом направлении, мы уже перешли за некую черту, когда власти в принципе не верят. Если завтра первый канал сообщит, что в нашем родном городе на митинг в защиту партии власти вышло столько-то тысяч граждан, причем совершенно бесплатно и добровольно – кто этому поверит? Скорее всего, мы скажем что-то-вроде: «Ну, на самом деле их было раз в пять меньше, да и тех согнали по разнарядке и за деньги». Это знаем и мы, и участники митинга, и его организаторы, и те, кто расскажут про этот митинг с телевизора. И вот одни уже просто вынуждены сгонять дворников и студентов, а другие вынуждены вратить про их небывалое количество – раз всё равно поделят на пять, значит, надо умножить сначала на десять. И самое, может быть, печальное, что в этой ситуации настоящим сторонникам партии власти уже не собраться по собственной воле на митинг, для них уже не предусмотрено места в сложившейся системе. Хочешь сказать от себя – присоединяйся к чужой лжи.

А ведь такие сторонники есть, и я уважаю их выбор. Я не думаю, что они заслужили такого отношения: дескать, только за деньги можно любить свое правительство. Я вообще считаю, что нынешние наши правители, особенно если сравнивать их с теми, что были у нас за последние сто лет, смотрятся неплохо. Но мне очень не нравится система, при которой они оказываются принципиально несменяемыми. И уж совсем неприятна мне постоянная ложь по этому поводу: про честные выборы, про независимое телевидение и тому подобное. Особенно нетерпимо такое положение для христианина: это самое настоящее фарисейство, а мы прекрасно помним, что именно оно вызывало самые резкие упреки со стороны Христа. Вор и блудница могут покаяться, но фарисей даже не видит необходимости в покаянии.

Честнее было бы сказать: страна к демократии не готова, будем пока править сами, как сочтем нужным, а вы живите своей частной жизнью и ни во что не вмешивайтесь. Ничего неприемлемого в таком подходе нет, так жила большая часть человечества на протяжении большей части его истории, в том числе и в христианских странах. Правда, в нашей стране модели, построенные по этому принципу, оказались непригодными и в 1917, и в 1991 году. Видимо, время теперь другое.

Особенно показателен пример с контрольной для старшеклассников, которую московские власти вдруг назначили как раз на время митинга. Казалось бы, совершенно правильная задача: не пускать детей туда, где и взрослые не уверены в собственной безопасности – была решена самым провальным образом. И школьникам, и педагогам (в том числе и тем, кто голосовал за партию власти) испортили выходной. Дети это поняли так: они нас побаиваются, но не хотят в этом признаться. Учителей власть поголовно объявила оппозиционерами, зато перед родителями выставила их рьяными поборниками

режима... Помнится, раньше в школах проводили особые «уроки мужества» – а вот уроком чего стала в век социальных сетей эта контрольная?

Я больше всего хотел бы жить в конституционной монархии, мне кажется, этот строй лучше всего подходит России. Но это пока из области мечтаний. Я вполне готов жить и в государствах иного типа, оставаясь реалистом. Но я не хочу участвовать в большой лжи: например, делать вид, что это я избираю правителей, которых кто-то назначил без моего согласия. Я уже один раз видел, чем это кончается.

А есть ли нынешним правителям альтернатива? Слава Богу, пока нет – и поэтому я совершенно не представляю себе никакой «цветной революции» (а на самом деле – смены правящих элит в рамках той же модели). Но, с другой стороны, была ли в СССР альтернатива «жигулям»? Тоже нет, если не считать «москвичей» или, простите, «запорожцев». И как же возникла эта альтернатива – а точнее, десятки и сотни других опций? Да очень просто: появилась возможность производить или импортировать другие модели. В конкурентной борьбе победили другие машины, притом своя ниша осталась и у «жигулей»: надо же на чем-то с дачи картошку возить.

Если в нашей стране появится возможность настоящей политической конкуренции по единым и относительно честным правилам, то... нет, я не жду, что в Заполярье начнут расти ананасы, а в Думе окажутся исключительно честные и бескорыстные люди. Но альтернатива «жигулям» точно появится, и не одна. Не сразу, не завтра, и это даже хорошо – пусть пока остается у власти та же самая партия. Но пусть она получает столько мест в Думе, сколько дадим ей мы, избиратели, а не сколько нарисует очередной волшебник из Азбакана-Избиркома. Пусть она учится находить компромисс с другими партиями, такими же, по сути, несовершенными, как и она сама, разговаривать с не менее несовершенными избирателями. Пусть станет партией реальных дел, а не виртуальных картинок – а мы оценим эти дела.

Можем ли мы тогда выбрать кого-то не того? Разумеется, можем. Значит, надо будет очень внимательно проследить, что этот «не тот» ушел через один президентский срок, а не остался «навсегда». Нередко можно услышать, что Гитлер пришел к власти в результате выборов... Как именно он пролез наверх, используя любые способы, это отдельная история: его партия не получила в Рейхстаге и 50% мест. В любом случае, нацистской Германия стала не в результате выборов, а потому, что сразу после назначения Гитлера рейхсканцлером вся система демократических институтов была демонтирована, а власть сосредоточена полностью в его руках. Переизбрать его немцам уже не дали... точнее, они сами позволили ему править страной без перевыборов.

Это и в самом деле показательный урок. Так что пусть лучше каждый чиновник знает, что завтра власть может смениться вполне демократическим путем – и значит, отвечать он будет не перед своим начальником, насколько был ему предан, а перед законом: как он его соблюдал, как исполнял возложенные на него обязанности. Вот, полагаю, основная причина знаменитого высказывания Черчилля: демократия – очень плохой вид государственного устройства, но остальные, к сожалению, еще хуже. Думаю, он был совершенно прав, если говорить о Британии прошлого века и о России века нынешнего. О странах типа Северной Кореи судить не берусь, но я туда не хочу.

Мечтать о возвращении в некую сословную, средневековую Русь тоже, конечно, можно. Она, наверное, была оптимальным государством для общества, в котором большинство не умело читать и никогда не выезжало дальше базара в соседнем городке. Мы едва ли всерьез хотим вернуться в те времена, ну, а если кто хочет – тайга большая, можно последовать примеру семьи Лыковых, и никаких тебе цифровых искушений.

Думаю, у нынешней России есть ровно два пути: или трудное и постепенное строительство настоящего гражданского общества, удобного пространства для людей с очень разными взглядами, но общими правилами игры, или... закручивание гаек, а потом очередной бессмысленный и беспощадный русский бунт – вполне возможно, после него не останется уже и такой страны на карте. Лодку раскачивать не надо, согласен, но если

она дала течь, надо вычерпывать воду и надо, в конце-то концов, выгребать к какому-то берегу, а не делать вид, что нам и так хорошо, посредине озера в дырявом суденышке.

Лично я выходил на площадь не за победу сил света над силами тьмы (хватит уже, пожалуй, таких побед), а за честность и адекватность политической системы. За конституцию и законы нашей страны – они не идеальные, но очень даже неплохие, особенно если их выполнять последовательно, а не только когда удобно. Я предлагаю попробовать.

49. Народ как подросток

У меня трое детей: старшая уже прошла свой подростковый возраст, средняя из него потихонечку выходит, младший готовится в него вступить. Ну, сами знаете, чего тут долго рассуждать: ласковая и доверчивая малышка, забавный и шустрый мальчуган вдруг превращаются в каких-то чуть ли не инопланетных существ с дикими представлениями, странными повадками и нелепыми претензиями. Они себя ведут неправильно, с точки зрения родителей, а уж родители с их точки зрения так и вовсе делают всё всегда не так, и характерно, что обе стороны по-своему правы. Сколько ни написано общих рецептов про отношения родителей с подростками, а всё равно следовать им получается лишь отчасти, и как быть, вообще не понятно. Дать полную свободу? Но тогда неизбежны ошибки, и хорошо еще, если не трагические. Держать в узде? Не очень-то реально, да и взросльеть им когда-то же надело, брать на себя ответственность за свою жизнь. Вот так и шарахаешься между Сциллой и Харибдой, причем одна тобой завтракает, а другая ужинает. А потом всё как-то проходит, не без потерь, но и не без приобретений.

Отношения власти с народом в нашей стране вступили в очень похожую фазу. Есть свой возраст у каждого из нас, но иногда кажется, что свой возраст бывает и у целых народов. Совсем недавно закончилось наше долгое и не очень счастливое советское детство, когда всех водили за ручку и кормили с ложечки, заставляли читать на каждом празднике дурацкие стишкы, а за непослушание обидно и строго наказывали. Под конец, правда, случился грандиозный праздник непослушания, он же «проклятые девяностые», когда захотелось сразу на все родительские деньги накупить конфет и игрушек, и некоторым это даже удалось. Но в целом вышло не очень, и большинство из нас не возражало против возврата к патерналистской модели, тем более, что стишкы уже учить к празднику не заставляли и конфеты с игрушками выложили наконец-то в открытый доступ.

И вдруг что-то произошло... Ну что, в самом деле, на выборах прежде не бывало циничных махинаций? Власть раньше не навязывала всем свою собственную стабильность? Медиапространство не ограждалось от нежелательных элементов? Всё это было, и все об этом знали, и много кто был недоволен, но... только теперь об этом заговорили вместе и во всеуслышанье.

Просто дети стали старше, просто все мы подросли. На митингах оппозиции так и видишь этот подростковый задор в глазах седовласых: категорическое неприятие любой фальши, максимализм, бескорыстное творчество и беспредельное самовыражение. И еще чувство групповой солидарности: мы очень разные, но нам хорошо вместе не потому, что мы что-то общее делаем, а просто потому, что мы есть. Это мы, мы, мы, слышите? Вы нас не замечали, не слушали, не принимали всерьез? Впредь так не получится.

И это касается не только оппозиции. Прибегая к поддержке условного Уралвагонзавода (а не просто придуманных «наших», как прежде), власть дает этому самому заводу понять: от того, какую позицию он займет, зависит будущее страны. Не только от партийных политтехнологов, но и от простых избирателей, представляете... И что будет, когда тот самый Уралвагон завод выступит не за Путина и не за Зюганова, а сам за себя, за свои интересы, чего он потребует, на что согласится и чем всё это закончится, уже не может представить себе никто, и в первую очередь тот, кто вывел его к телекамерам.

А еще одна типичная для подростков черта – разбиваться на враждующие группы и злобно обзываешься. Забавно было видеть, как из двух разных окон на Якиманке во время шествия выглядывало двое: девушка восторженно махала сразу десятком белых ленточек, и рядом лежали запасных два десятка, и тут же солидного вида мужчина неприлично показывал палец на фоне плаката «я за Путина!». Ну да, на Болотную вышли зажравшиеся богатеи и гламурные дуры, а на Поклонную – быдлогопники и лизоблюды. А дома вообще один планктон остался, о нем и говорить нечего. Такой подход мне кажется совершенно

нелепым: на той же Болотной были непримиримые идеологические противники, которых объединило лишь неприятие фальши, и на краткое время. Будут честные выборы – они на один митинг уже никогда не придут. И очень важно понимать, что люди с Поклонной не только нам не враги, но союзники именно в том единственном, что собрало нас на Болотной: в стремлении сказать свое слово, в желании определять жизнь своей страны самостоятельно. И те, кто туда был свезен административно или пришел за деньги, уж тем более наши завтрашние союзники, которых мы хотим освободить от диктата. И нет более желанного сценария для тех, кто не хочет делиться властью, чем гражданская распрая, в которой они выступят арбитрами и непременно провозгласят себя победителями.

Ведь главный, и по сути, единственный итог декабря 2011 года, я не устаю это повторять, заключается в том, что значительная часть народа – нет, не лучшая, а, скажем так, самая активная, да и та не целиком – сменила лозунг «валить-точка-ру» на лозунг «это наша страна». Всё остальное нас разделяет, и отношение к «Единой России» и лично Путину – только один из множества вопросов, по которым у людей взрослых и ответственных нет и не может быть общего для всех мнения. Но это наша страна, мы за нее отвечаем, мы решаем ее судьбу – в этом мы вполне согласны.

Или не согласны? Готовы ли решать, способны ли отвечать? Я как отец очень сочувствую нынешним «отцам нации». Подросткам всё кажется простым, мировые проблемы они решают на «раз-два-три». Они ни за что не хотят признать, что всё еще зависят от родительской помощи, и забывают за нее благодарить. Они пробуют границы на прочность, но отсутствие вообще всяких границ способно ввергнуть их в панику, и это уж не говоря об элементарной безопасности. Возвращаясь домой в три часа ночи, они сами не хотят понимать, чем рисуют...

В традиционном обществе подростков не привечали: мальчиков, едва подрастут, отправляли в поле, на охоту или на войну, а девочек замуж. Переход от детства к взрослости осуществлялся стремительно, а в самых древних обществах еще и довольно мучительно: особые обряды инициации были призваны проверить, действительно ли ребенок повзросел, способен ли терпеть боль, холод и голод, обладает ли необходимыми навыками и знаниями, чтобы выжить в этом суровом мире. Кстати, именно таков, на мой взгляд, главный смысл обязательной воинской службы и в наши дни.

Зато в урбанистическом западном обществе XXI века быть подростком так клево, классно, прикольно! Люди, а точнее потребители, стремятся этот возраст продлить, в идеале – до смерти. Достаточно посмотреть, какие блокбастеры стабильно лидируют в кинопрокате, какой стиль одежды занимает главные полки на сезонных распродажах. «Только детские книги читать, только детские думы лелеять» – стихотворение юного Осипа Мандельштама очень точно предугадало основной девиз современного общества потребления. В самом деле, так приятно ни за что не отвечать, самовыражаться и наслаждаться свободой...

Мораль моя, думаю, вполне уже понятна. Подростковый возраст неизбежен, без него не стать взрослым. Важно только не застрять в нем навсегда. Становясь подростком в политике, важно сохранять взрослость ума во всем остальном и смотреть даже на свою политическую позицию немного отстраненно, не принимать максималистские лозунги за высшее отражение реальности, а чувство минутного митингового единства – за подлинное народное единение. Но и обойтись без всего этого тоже нельзя – если подошел возраст гормональной бури, надо ее не просто перескочить с наименьшими потерями, но прожить и эту часть своей жизни достойно и плодотворно. Стать из наивного младенца сразу рассудительным стариком тоже еще ни у кого не получалось, да и не нужно это.

А поскольку статья эта написана для православного сайта, позволю себе еще одно краткое замечание. С церковным народом происходит примерно то же самое, что и с народом вообще, ведь они относятся друг ко другу как часть и целое. Только в силу естественного консерватизма Церкви в ней эти процессы проходят с некоторым запозданием. Это очень хорошо: можно понять, к чему готовится. Так вот, по моим

наблюдениям, среди верующих всё больше становится тех, кого не устраивает роль пассивных «духовных чад». Они подрастают, некоторые уходят из Церкви, некоторые начинают искать в ней свое собственное место... Думаю, что скоро это брожение «подростков» станет и в церковной среде таким же заметным, каким оно стало в жизни политической. Это будет очень непросто, но без этого тоже не обойтись, если мы наконец-то хотим повзрослеть и быть, по слову апостола, «не детьми умом». Не потерять бы только при этом детской открытости и простоты... но это уже совсем иная тема.

50. Россия с Путиным

Один из лозунгов на оппозиционных митингах – «Россия без Путина!» Я ходил на них, и скорее всего, пойду еще. Но этот лозунг – не мой. Я – за Россию без махинаций и фальсификаций, но со всеми ее гражданами, какими бы они ни были, каких бы убеждений ни придерживались. Значит, и с Путиным тоже.

Это был не мой кандидат, но вышло так, что это будет мой президент. Согласно независимым оценкам, половина голосов с гаком была ему отдана уже в первом туре, а сколько там: плюс один голос или плюс еще четырнадцать процентов – уже не так важно. В любом случае, в исходе гипотетического второго тура уж точно не приходится сомневаться. Да, поле заранее было зачищено, да, борьба была неравной, да, государство откровенно подыгрывало одному из претендентов, да, были фальсификации. Выборы можно считать нелегитимными, к тому есть немало оснований, но, положа руку на сердце, сейчас, в марте 2012 года, даже самые честные перевыборы вряд ли привели бы к другому результату. Чтобы появились настоящие соперники, должно сначала пройти время, и некие серьезные сдвиги должны произойти.

Выборы выигрывает кто-то один. А вот у предвыборной дискуссии, у всего ожившего политического процесса оказалось много победителей. Это, безусловно, Прохоров, занявший по любым подсчетам очень достойное место. Собственно, за последние пятнадцать лет это единственный пример самостоятельного кандидата, для которого выборы стали не финишем, а стартом политической карьеры. Теперь можно быть уверенным в том, что на следующих президентских выборах мы будем иметь в списках не только старый состав, разбавленный случайными и никому не нужными именами, но действительно новых и интересных людей. А значит, выиграли еще и коммунисты, а также сторонники СР и ЛДПР – у них появился самый серьезный стимул выдвинуть от своих партий свежих кандидатов.

Выиграли, например, Навальный и Гудков, получившие множество преданных соратников. Выиграл, на мой взгляд, Явлинский – именно потому, что не был к выборам допущен. Вместо того, чтобы бороться за пятое или шестое место, подтверждая репутацию «вечного проигрывателя», он получил возможность ярко и убедительно комментировать ситуацию со стороны. А мы, пожалуй, впервые увидели в сошедшем с дистанции политике не унылого лузера, но мудрого ветерана, который, не будучи связан протоколом и «договоренностями», говорит свободно и по делу.

Выиграли политически активные православные, которые наконец-то начали друг с другом обсуждать вопрос о том, как связать свою политическую позицию со своей верой. При этом они обнаружили такое несходство взглядов, что первым делом переругались – но был же и конструктивный остаток. До сих пор для подавляющего большинства христианство и общественная жизнь соотносились друг с другом не больше, чем дельтапланеризм и микробиология, но ведь невозможно жить в искусственном мире, где в храме одни люди, а на площади – совсем другие.

А кто же проиграл? Миронов и Жириновский, да похоже, что и Зюганов, а с ними все, кто привык к имитации политической жизни при полном ее отсутствии. Теперь, выходя на выборы, надо будет все-таки что-то предложить стране, кроме дежурных слов и эпатажных жестов. Проиграли все эти «наши» и «молодые гвардии»: совершенно неэффективно освоили вложенные средства, оказалось. Проиграли махинаторы и фальсификаторы низового уровня: долго им еще гадать, разглядели ли ихбросы на веб-трансляции, и если да, то отмажут ли потом в суде. Проиграли бюджетники, согнанные на ненужный митинг: ну так может, теперь о чем-то задумаются!

Да, Путин был не мой кандидат, но я не хочу, чтобы он был президентом только для тех, кто вышел на Поклонную и на Манежную, кто отметился в соответствующих списках и продемонстрировал свою лояльность. Пусть он будет нашим общим президентом. «Путин любит всех», уверяли нас его сторонники. Так не бывает, конечно,

чтобы один человек испытывал личную любовь сразу к ста сорока миллионам, но пусть он уважает всех своих сограждан, прислушивается к их мнению, защищает их интересы. Так – бывает, так должно быть в демократической стране. И пусть у каждого из нас будет право спрашивать с него, только для этого надо сначала признать: да, именно он наш президент. Нам его не из космоса прислали, такой выбор сделала наша страна. Не Россия у нас такая, потому что Путин такой, а ровно наоборот.

Кричать, как Карякин в 1993 году, «Россия, ты одурела!», конечно, можно. Только когда нам из-за МКАДа отвечают «Москва, ты зажралась!», нам это совсем не кажется убедительным доводом. Уж какие мы все есть, нам жить вместе. А значит, для начала, просто принимать друг друга, разговаривать о реальности, а не о воздушных замках в чьей-то голове. Я за Россию с Путиным просто потому, что другой России на глобусе не наблюдается.

Наша нынешняя реальность, на самом деле, очень интересна, она открывает перед нами много возможностей и дает время, чтобы ими воспользоваться. Выборы – процесс циклический, жизнь не заканчивается, и когда протрубит всадник из Избиркома. Небо и земля не прейдут, и каждому будет, над чем поработать. Этой зимой мы наглядно убедились, что страна изменилась, в ней всё больше становится граждан и всё меньше пассивных потребителей информационно-политического продукта. Пока ни власть, ни граждане толком не понимают, как им наладить взаимодействие и что вообще дальше делать.

Будем требовать к себе справедливого и внимательного отношения, обязательно будем. Но тогда надо проявить такое же отношение и ко власти, не демонизировать ее, не подталкивать к радикальным решениям. Как ни противно было видеть колонны армейских машин на улицах Москвы, надо признать: власть явно не хочет кровопролития. Как бы ни были декларативны и непоследовательны уступки власти, стоит заметить разницу между тем, что происходит в стране сейчас, и сплошным барабанным боем вокруг выборов 2008 года, только что факельных шествий тогда не было. Путина одни изображают спасителем Отечества, другие – опереточным злодеем, но все на самом деле понимают, что он не то и не другое, а pragmatik во власти, который очень хочет эту власть удержать – а значит, ему придется приглядываться к изменившейся обстановке. И вовсе не в том дело, что вот мы помитингуем, он к нам прислушается и сразу станет добрее. Вертикаль власти давно уперлась в свой потолок, и ход событий на местах всё меньше зависит от команды, поданной из Кремля, и всё больше – от конкретных поступков конкретных граждан.

Это наша страна, это наша власть, уж какую выбрали. Изменимся мы – изменится она, и мы наглядно увидели это прошедшей зимой. На московских избирательных участках в марте было явно меньше нарушений, чем в декабре. Да, без них не обошлось, но это только у волшебников всё бывает по мановению палочки, а магглам для достижения приемлемого результата приходится много и нудно работать. И горечь по поводу унылой реальности может быть поводом для депрессии, а может стать стимулом для конкретных действий.

Вскоре после того, как Джордж Буш был выбран на второй срок в 2004 г., причем с минимальным отрывом от основного соперника, я побывал в США. Остальной мир относился к Бушу не слишком-то дружелюбно, да и в самих Штатах огромное количество людей было, мягко говоря, разочаровано. В международном аэропорту Сиэтла в зале отлета на самом видном месте был выставлен на продажу [красочный альбом с фотографиями](#), на которых простые американцы делились с остальным миром своими чувствами по этому поводу. Множество простых искренних людей, которые выражали свои чувства, [держа в руках самодельные плакаты...](#)

Как вы думаете, что было написано на этих плакатах? Что Буш – очень плохой человек, что он должен уйти и всякое такое? Нет. Написано было: «Мир, прости». Граждане страны, в которой прошли 55-е демократические выборы президента, сказали

тогда миру: да, это был не наш кандидат, но теперь это наш президент, и мы полностью признаем свою ответственность за происходящее в нашей стране. Мы будем над этим работать. На следующих выборах преемник Буша потерпел поражение.

Да, американские выборы не чета нашим, хоть и они не идеальны, но это значит, что дело не в личностях, а в системных ошибках, от которых и надо постепенно избавляться. Вот почему я за Россию с Путиным и Прохоровым, с Зюгановым и Явлинским, с Тором и Навальным, с каждым из нас – лишь бы только никто не приватизировал нашу общую страну. Все-таки она наша, как говорилось в одном юмористическом сериале.

51. Услышьте нас!

В каком-то отечественном боевике была такая сцена: главный герой попадает в тюремную камеру, где всё уже распределено и устроено старожилами. Герой не хочет соблюдать их правила, и его бьют, быстро и жестоко. А потом самый главный наклоняется к нему и участливо так спрашивает: «Упал, бедненький, ударился? Что ж ты так неаккуратно!» Наш герой полежал немного, пришел в себя, применил спецприемы и справился с недругами, в боевиках всегда так и бывает. Злости и силы ему придало, похоже, именно это фальшивое сочувствие: мол, эка невидалъ, избить тебя мало, мы, глумясь, еще и назовем твою боль так, как захотим сами – и заставим тебя с нашим названием согласиться. Человек – тварь словесная, и когда его лишают последнего слова, лишают возможности сказать о своей боли, он действительно звереет.

К чему это я... этот эпизод из фильма вспомнился мне, когда в январе я попытался послушать [интервью главы Избиркома Владимира Чурова](#) на «Эхе Москвы». Речь шла о пресловутых вебкамерах, и его спросили, как помогут эти самые камеры, если председатель избирательной комиссии вдруг хватает протокол и с ним «уходит в небытие». Все прекрасно понимали, о чём идет речь, всех действительно волновал этот вопрос. И даже конкретные фамилии таких председателей и номера участков были названы. Что ответил Чуров? «Уход председателя в небытие – это вещь печальная, мы поминаем ушедших минутой молчания». До этой фразы Чуров был для меня просто чиновником, к которому у меня как у гражданина были серьезные вопросы. Но после этого фальшивого сочувствия и глумливого непонимания я испытал к нему приступ жгучей личной ненависти – и выключил радио.

Я старался фильтровать информацию, но не раз приходилось мне с тех пор видеть довольные, улыбающиеся лица, слышать голоса, которые рассказывали мне про мою боль о моей родной стране и сочувствовали: «Ушибся, бедненький? Что же ты так неосторожно оранжевую заразу подцепил, Госдепу продался, ливийский сценарий готовишь?» – и это было самой сильной, самой действенной агитацией против власти. Не в том даже дело, что на выборах были массовые фальсификации, что в стране цветет коррупция, что гражданин постоянно ощущает себя униженным просителем, что в богатейшей стране так много горя и нищеты – а в том, что власть принципиально отказывается слушать, когда ей об этом говорят. Да, сама она может устроить образцово-показательное выступление на эти темы там и тогда, где и когда захочет. Но когда об этом говорят граждане – их не слышат. Даже белые ленточки, и то не разглядели – то с контрацептивами их спутали, то почему-то сочли оранжевыми. Такой вот дальтонизм.

А главное, ведь всё это уже проходили. Дважды, в 1917 и в 1991 году, российское государство, которое до этого казалось незыблемым монолитом, вдруг рассыпалось в прах. Ну не абсурд ли: нашествие Гитлера СССР отразил, а вот демонстраций в Москве не пережил? И прежде того – три года мировой войны выдержала Империя, а вот хлебные очереди в столице – нет? Как это вышло, что люди, которые прежде всё терпели, которые клялись в своей верности царю или компартии, вдруг, в одночасье перешли на сторону «кушки отщепенцев», которых раньше всерьез никто не воспринимал?

Прежде всего, из-за отсутствия обратной связи в системе. Как человек, утративший чувствительность, может нанести себе тяжелую травму и сам этого не заметить, так и в государстве, лишенном адекватной информации с мест, неизбежно будут накапливаться системные ошибки и диспропорции. А главное, у его граждан возникнет отношение к этому государству как к тяжкому и бессмысленному бремени, которое надо скорее скинуть с плеч долой... и первый же серьезный кризис их к тому подтолкнет.

Всегда, конечно, можно найти и более простые объяснения: это запломбированный вагон с большевиками, жидо-массонский заговор... Такое бывает и в повседневной жизни. Вот городской сумасшедший рассказывает, что инопланетяне его облучают космическими лучами. Он пишет жалобы участковому и в ООН, мастерит себе шапочку из алюминиевой

фольги, чтобы предохраниться от лучей. У него наверняка есть настоящие проблемы: здоровье шалит, пенсию начисляют слишком маленькую, дети его забросили – но все эти проблемы требуют серьезного вложения сил и средств, и успех совсем не гарантирован. То ли дело жалоба на инопланетян – пусть участковый разберется! Человек спроектировал свои проблемы вовне и вроде как от них избавился. Космические лучи на самом деле существуют и способны влиять на человека (те же вспышки на солнце), но явно не в них корень проблем.

Говорят, один участковый не стал такого чудака разубеждать, а подарил ему какой-то маленький бытовой прибор, назвав его «новейшим блокиратором космических лучей», и тот стал носить его в кармане, уверенный, что теперь он защищен.

А если подобным образом начинают рассуждать властители? Если во всех проблемах виноват Госдеп с его ливийским сценарием и продавшиеся ему сограждане? Да, Госдеп существует, как и космические лучи, да, он способен влиять на ситуацию в нашей стране, но это какой-то верх неадеквата – считать, что за всеми нашими проблемами скрываются его тайные козни. Зато новейшие блокираторы оранжевых революций тут как тут, в ожидании щедрых бюджетных денег.

Но главное, что такой подход начисто исключает из обсуждения простых сограждан. Они в этой модели – неразумные дети, которых надо во всем наставлять и иногда наказывать. Наверное, сто лет назад в отношениях между барином и мужиком этот подход был оправдан: один разумел по-французски и объездил пол-Европы, другой и по-русски читать не умел, дальше базара не бывал – но сегодня для него нет никаких оснований.

Даже если бы простые граждане были детьми, к детям тоже стоит прислушиваться. Можно не соглашаться с их идеями и предложениями, но если родители не пытаются понять и принять их чувства, неизбежен разрыв отношений. Это, кстати, одна из самых трудных для родителей вещей: научиться принимать ребенка как личность, поправляя его, но не переделывая под себя. Ошибки тут неизбежны, но ребенок бывает готов их простить, когда видит искреннее и уважительное отношение к себе, когда он для родителей – не материал для реализации собственных амбиций и планов, а самоценная личность. Если уж уподоблять отношения власти и народа отношениям в семье, стоило бы помнить именно об этом.

В горячие выборные месяцы нам много раз обещали дать конфетку, а кто не послушается, тому ремня. Выборы прошли, власть сумела показать свою силу, утвердиться в собственном величии. Но проблемы-то остались, и сейчас самое время начать действительный, не показушный диалог по этим самым проблемам.

Он не будет простым, конечно, и в значительной мере потому, что и оппозиция далеко не вся настроена на диалог. Очень просто выходить на митинг и кричать, что Путин должен сидеть в тюрьме – но как, интересно, кричащие себе это представляют? Баррикады, штурм Кремля, «революционная сознательность и классовое чутье» вместо судьи и прокурора? Это мы уже проходили, результат известен. Боюсь только, что не дождемся мы светлого будущего, нас тогда к стенке поставят не те, так эти. А вот если предполагается бороться за правосудие цивилизованными методами, начинать надо не с таких криков, а с кропотливой и нудной работы по расследованию конкретных злоупотреблений конкретных людей и по созданию реальной политической альтернативы. Шансы на нее у нас сейчас появились, но есть опасность, что весь пар опять уйдет в гудок.

Легко и приятно осознавать свое единство в противостоянии фальсификаторам – но отдают ли оппозиционеры себе отчет, насколько они разные? Понимают ли, что на следующий день «после Путина» они окажутся на совершенно разных митингах, в такой же непримиримой борьбе, но уже друг с другом? Если да – это время можно и нужно использовать для того, чтобы научиться понимать друг друга, договориться об общих приоритетах и правилах игры. Проблема нашей политической системы не в том, что фамилия новоизбранного президента Путин, а не Прохоров или Навальный (Иванов,

Петров, Ахметов, Кац или Саркисян), а в том, что она настроена на игру в одни ворота. Сменится элита – и система даже команды сверху ждать не будет, сразу перестроится под ее интересы, которые тут же будут объявлены национальными интересами России. Все ведь читали «Дракона» Шварца или хотя бы учебник истории...

А может быть, действительно стоит предположить – ну вот хотя бы ради допущения! – что все они, от путинцев до лимоновцев, думают не только о себе (хотя и о себе, конечно), но немного и о России? Что желают блага для нее, только понимают его по-разному? Что своя частная правота есть у каждого, но никто не обладает полнотой истины? Собственно, на этих простых принципах и устроена современная демократия. Это проверено: она только так и работает.

В особенности трудно говорить о подобных вещах с православными. Меня поразило, с какой легкостью в последние месяцы переходили они к сверхценностям, кидались в обличительный пафос, и тут уж надо признать, что мне лично православные оппозиционеры попадались вполне вменяемые, а вот многие сторонники власти... С какой небрежной легкостью объявили они верность режиму чуть ли не догматом веры, обзывая предателями и иудами своих единоверцев и сограждан, которые требовал соблюдения закона и собирались воспользоваться своими конституционными правами. Кого, интересно, предали? Одного из кандидатов в президенты? Так мы ему на верность не присягали, это он, наоборот, будет присягать нам при вступлении в должность. Можно, конечно, играть в то, что на самом деле он Помазанник и Самодержец всея Великия, Малая и Белая, но реальность на эту игру совсем не похожа. А уж требовать от других верности своим собственным фантомам – это вроде как шапочку от инопланетян им на голову надевать, и громко проклинать, если носить не станут. Вот уж действительно: где сокровище, там и сердце...

У нас неплохо получается слушать друг друга на работе и в быту, мы прекрасно научились общаться на множество самых различных тем в интернете, но в политической дискуссии общество сейчас похоже на толпу выпивших подростков, где все что-то кричат, и уже не разберешь, кто о чем, да никто и разбирать не хочет. Кто самый громкий, тот и побеждает. Учиться слушать надо нам всем, но в первую очередь – властителям. Они сильнее, они мудрее, они выиграли (так они нам, по крайней мере, говорят) – значит, с них и спросу больше.

52. Кощунство в светском государстве?

Однажды и я совершил кощунство – или, по крайней мере, мне так сказали. Это был 1990-й год, я был студентом, а после занятий преподавал желающим латинский язык – деньги зарабатывал доступным мне способом. Клуб, при котором это делалось, арендовал подвалчик у местного совета ветеранов. На стене у ветеранов на самом видном месте висел портрет Ленина, который я в начале каждого занятия переворачивал лицом к стенке – ну не хотелось мне заниматься древними языками под хитрым прищуром Ильича! И однажды я забыл перевернуть портрет обратно после окончания занятий... Собравшись на свое очередное заседание, ветераны обнаружили свою святыню поруганной. Скандал был мощный, нас выгнали из помещения, обо мне грозились донести, куда следует – но времена были уже не те, хотя ветераны этого еще не заметили. Мы просто перебрались в университетские аудитории, что было даже и удобнее, а портреты Ленина очень скоро стали снимать со стен по всей стране. Скорее всего, теперь в этом подвалчике размещается какой-нибудь круглосуточный магазин, если не стрип-клуб, место уж больно бойкое было. И никто не называет это кощунством.

Кощунство возможно там, где есть официально признанная святыня, как и воровство возможно только там, где есть чья-то собственность. Невозможно ничего украсть на свалке, можно только взять, что приглянулось, ведь это уже ничье – так и кощунничать невозможно там, где нет государственной религии, говорят нам. Вот, например, в Российской империи такая религия была, потому Уложение о наказаниях определяло кощунство как «язвительные насмешки, доказывающие явное неуважение к правилам или обрядам церкви православной, или вообще христианства» (ст. 182). За такое полагалось от 4 до 8 месяцев тюрьмы, если же кто кощунничал «по неразумию, невежеству или пьянству», то получал от 3 недель до 3 месяцев ареста. Более суровому наказанию подлежали святотатство и богохульство (когда высмеивались не молитвы, но Тот, Кому молятся) – за такое давали до 15 лет каторги, если богохульство совершалось в церкви, а простолюдинам вдобавок полагалась порка плетьми.

Однако интересно, что далеко не все традиционные общества предусматривали наказание за кощунство – изначально такой нормы не было в римском праве. Римляне говорили: «deorum injuria diis curae», «оскорблении богов – забота для богов». Право регулирует отношения между людьми в силу их ограниченность и слабости – но могучие и бессмертные боги не нуждались, с точки зрения римлян, в помощи земного правосудия для отмщения своих обид. К тому же кто их разберет, этих богов, кто на кого обижен? Вот, Гомер описывал, как одни помогали троянцам, другие – ахейцам, а Зевс вообще устроил «систему сдержек и противовесов». Лучше в такое не вмешиваться.

Совершенно иначе смотрел на это древний Израиль, где богохульство каралось смертью: «хулитель имени Господня должен умереть, камнями побьет его все общество» (Левит 24:16). Обратим внимание на эту деталь: богохульника не просто убивают, но делают это всем народом. В отличие от язычников с их запутанными отношениями между разными богами и людьми, Израиль был призван как единый народ предстоять своему Богу и немедленно изгонять из своей среды всё, что Его оскорбляет. Побивая камнями богохульника, израильтяне не просто мстили преступнику, не просто устрашали тех, кто мог бы решиться на подобное преступление – они свидетельствовали, что любой враг Бога точно такой же враг и для них. И когда сегодня происходит нечто подобное в мусульманских странах, это не просто варварство, а точно такая же ревность, такое же стремление к чистоте перед Всевышним, хотя в наши дни всё это смотрится уже как дикость.

И не удивительно, ведь две тысячи лет назад, как мы знаем, именно за богохульство Синедрион приговорил к смерти Иисуса. Сын Божий был казнен за то, что якобы хулил Бога... Это не случайный парадокс, а закономерность: там, где за Бога начинает говорить человек, рано или поздно у него возникает желание подставить на

место Живого Бога (такого непредсказуемого!) свои устоявшиеся и проверенные представления о Нем и считать богохульством всё, что им не вполне соответствует. А Бог неизмеримо больше этих представлений, Он Сам никогда не впишется в них, как бы хороши и точны они ни были.

Христиане, получив в свои руки государственную власть, продолжили было израильскую традицию казней за кощунство и богохульство, но со временем и все же отказались от нее (хоть и очень нескоро!). Да и то была не столько их собственная инициатива, сколько естественное следствие секуляризации. Если у государства нет одной религии, оно в каком-то смысле возвращается к римской норме: право регулирует отношения между людьми, а в область божественного не вмешивается.

Собственно, так и понимается этот вопрос в законодательстве многих современных стран, не исключая и России: оскорблении высших сил в расчет не принимаются, а вот чувства других граждан вполне могут быть задеты, что подлежит суду. Но как нам понять, что гражданин А оскорбил религиозные чувства гражданина Б? Если он ворвался к нему в дом, выхватил у него из рук и растоптал некие священные предметы, смеясь ему в лицо – всё ясно. А если он проделал что-то подобное в общественном месте, где его увидел или только мог увидеть этот самый гражданин Б? А если даже и увидеть не мог, но просто услышал об этом событии? Особенно если гражданин А сделал нечто такое, что в принципе не осуждается законодательством и может быть теоретически классифицировано как искусство: вот устроил он выставку, нарисовал карикатуру, спел песенку? Гражданин Б считает это оскорбительным для своей религии, но ведь его, кажется, никто не принуждает посещать выставку и слушать песенку? И даже напротив, может быть, это религиозные обряды гражданина Б задевают какие-то струны в душе гражданина А, так что они, на самом деле, вполне друг друга стоят?

Я изложил, пусть и в довольно карикатурном виде, либертарианский взгляд на эту проблему. Согласно этому взгляду, общественное пространство – это такой огромный белый лист, на котором каждый как хочет, так и самовыражается. А государство должно лишь следить, чтобы самовыражение одного гражданина не мешало аналогичному творческому акту другого. Говоря простым языком, кто первым встал, того и тапки.

Но реальность не соответствует (пока?) этой логике. Давайте посмотрим на карту Москвы... Добрая половина улиц в центре носит «клерикальные» названия: Рождественка, Ильинка, Пречистенка, Петровка – всё по именам храмов или монастырей, которые стояли или стоят на этих улицах. Дело, конечно, не в названиях и не в каких-то иных привычных культурных символах (как, например, кресты на гербе или на орденах): сама русская культура возникла как часть христианской цивилизации, она разделяет ее базовые ценности и установки. Тот, кто хочет самовыражаться на антирелигиозные темы, видимо, ничуть не возражает против общеобязательности правил «не убей!» и «не укради!» – а ведь взяты они из Библии. Более того, сам принцип терпимости к инакомыслию и инаковерию возник в христианских странах и до сих пор распространен преимущественно в них. Когда нынешним любителям скандальных перформансов предлагают повторить их в центральной мечети Кабула или хотя бы Грозного, им ненавязчиво напоминают именно об этом обстоятельстве.

Если говорить о современном понимании кощунства, я бы определил его примерно так: это целенаправленное оскорблении того, что дорого и свято для многих, что признается обществом как нравственная, религиозная, культурная или историческая ценность.

Для христиан вполне естественно добиваться уважительного отношения к своим святыням, вплоть до внесения соответствующих норм в уголовное законодательство. Но при этом, мне кажется, надо очень четко понимать и проговаривать некоторые важные вещи. Мы можем, конечно, бороться за свой корпоративный интерес – но такая борьба не пойдет, на самом деле, нам на пользу, даже если будет выглядеть успешно. Тогда значительная часть публики увидит в нас просто еще одну группу лоббистов, которая

добивается преференций у государства, и как всегда в таких случаях, на довольно спорных основаниях. Важнее показать, что мы стремимся защитить те основы, на которых держится наше общество и при этом никому ничего не навязываем, кроме уважения друг ко другу.

Кощунство – пакость. Но чтобы его победить, важно вывести эту борьбу из парадигмы «РПЦ против свободных художников» – она выгодна только самим кощунникам. Гораздо лучше будет сказать так: «мы – за сбережение нашего наследия и за уважение друг ко другу». Искать тут надо будет не врагов, а союзников.

Но это и от нас потребует такого же уважительного отношения к святыням иных религий и мировоззрений, по принципу «не участвовать, но и не препятствовать». В те же советские годы, как рассказывали, исключили из Университета студента, который в морозный день оказался на улице без перчаток и грел руки у вечного огня, горевшего в память о погибших на войне студентах и преподавателях. Вечный огонь, с христианской точки зрения, очень неудачный символ поминовения усопших – но он, несомненно, тоже принадлежит нашей современной культуре, для многих он неразрывно связан с памятью о погибших и относиться к нему как к большой газовой горелке недопустимо. Можно приносить к нему цветы, можно этого не делать – но нельзя демонстрировать свое неуважение к месту, куда приносят цветы другие люди.

Так что борьба с кощунством потребует от нас четче определить и назвать ту общую нравственную базу, которая может нас объединить с честными атеистами, мусульманами, буддистами, агностиками, да хотя бы для начала с христианами иных вероисповеданий. Не обойтись тут без доброжелательного диалога с теми, с кем вести этот диалог очень не хочется, и без решительного отказа от знаменитой «готтентотской этики»: когда наши что-то отняли у ненаших, это добро, а когда наоборот – зло. Надо, в конце концов, исключить и такую картину, когда человек, проявивший какой-то интерес к христианству, получает сразу выволочку за то, что проявил его не так, не тогда, и одет был не по форме. Ведь конечном счете, кощунство происходит и тогда, когда, по слову апостола, «ради вас хулятся имя Божье у язычников».

53. Единственная Гражданская?

«Я все равно паду на той, на той единственной Гражданской, и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной» – так некогда пел молодой Булат Окуджава о своем последнем часе. Но вышло так, что умер Булат Шалвович в Париже, столице белой эмиграции. Перед самой смертью он крестился под именем Иоанна – в честь Иоанна воина. И никаких тебе комиссаров.

Но тогда, полвека назад, душила его унылая советская серость и мелочность, хотелось чистоты смыслов, жертвенной борьбой за счастье людей. И всё это можно было найти на той единственной Гражданской, где одна из сторон была во всем заведомо права. Так казалось тогда… а уже в наши дни довелось мне услышать такую оценку: конечно же, молодой Окуджава хотел воевать за белых! Комиссары-то склоняются над ним, не снимая шлемов – значит, они на другой стороне! Но это уж надо совсем быть незнакомым с его песнями и с духом шестидесятых, чтобы так рассуждать.

Но надо признать: еще в советские времена, в семидесятые, в белых перестали видеть исключительно врагов. Заговорили о «трагическом непонимании», и вот сначала с киноэкрана пел пронзительную песню «Русское поле» белый офицер-эмигрант, а затем, уже в восьмидесятые, пели по студенческим компаниям про поручика Голицына и особо не скрывались. Состоялось если не полное примирение, то по крайней мере серьезная переоценка: в Гражданской перестали видеть борьбу сил света с силами тьмы и восприняли ее как национальную трагедию, как бойню, в которой погибли лучшие. И в других песнях Окуджавы звучит эта светлая память о мальчиках, ушедших умирать во имя Родины и чести. Он сам склонил голову в память о них.

Сегодня «единственная Гражданская» отчего-то снова вытаскивается из риторических запасников и пускается в ход. Только теперь на белом коне – белые. Снова на дворе унылая серость, хочется драйва и экшена? Или чистоты смыслов? Борьбы за христианские ценности, желательно с оружием в руках?

Только к христианству это имеет мало отношения. Да и к реальной истории тоже. Некогда монархист и убежденный противник всего красного Василий Шульгин сказал: «Белое движение было начато почти что святыми, а кончили его почти что разбойники». Может быть, это слишком резкая оценка… Но в самом деле, с чего началось это движение? С [Ледового похода](#), когда горстка офицеров, студентов и гимназистов отказалась признать власть большевиков и почти без оружия и снабжения ушла в заснеженную степь. Ушла не за победой, невозможной по всем правилам военного искусства, а за достойной смертью в борьбе за правое дело… и победила!

Генерал Деникин впоследствии описывал это так: «Пока есть жизнь, пока есть силы, не все потеряно. Увидят светоч, слабо мерцающий, услышат голос, зовущий к борьбе – те, кто пока ещё не проснулись… Не стоит подходить с холодной аргументацией политики и стратегии к тому явлению, в котором всё – в области духа и творимого подвига». А потом из области духа и подвига всё вернулось к расчетам и выгодам. Лучшие погибли, слишком много стало вороватых интендантов и тех, кто желал не Отечеству послужить, а вернуть отеческое имение да перевешать коммунистов на столбах. И такая армия проиграла Гражданскую.

Характерно, что в начальный период войны в Добровольческой армии не принято было награждать за подвиги [Георгиевскими крестами](#). Ведь эта награда не просто свидетельствовала о подвиге на поле боя (за выслугу лет или к юбилею таких крестов не давали!). Крест оставался крестом, символом жертвенного служения, готовности отдать жизнь ради защиты близких. Можно ли было его давать за убийство своих сограждан, пусть даже вынужденное и оправданное? Вот и не давали… сначала.

И как странно, как горько было видеть уже в недавние времена, после падения Советской власти, на улицах пузатых дяденек в опереточных каких-то обмундированиях, то казачьих, то белогвардейских, с богатой коллекцией крестов на груди у каждого…

Какую они взяли неприятельскую батарею, какую крепость удержали перед многократно превосходящим противником? Или, точнее, на каком банкете выхлопотали себе этот «орден»? Что некогда было свидетельством исключительной храбрости и символом жертвенности, стало простой бижутерией. Такое, к сожалению, может происходить и со словами...

Другое важное историческое свидетельство о Гражданской – позиция Св. Патриарха Тихона, который не стеснялся высказывать открыто всё, что думает о большевиках, предавал их анафеме – но Белого движения не поддержал, своего благословения, пусть даже тайного, ему не преподал. Думаю, он тоже видел в этой войне колossalную трагедию народного раскола, и прекрасно понимал, что на стороне белых, пока они одерживают победы, будет слишком много желающих отомстить, и что сдержать эту месть никто будет не в силах. Если такое и будет происходить, то никто, по крайней мере, не сможет прикрыться церковным благословением. Христос в такие моменты не идет, как в поэме Блока, ни перед красным, ни перед белым патрулем, Он всегда стоит у расстрельной стенки.

Сравнивая в 1919 году «красный террор» с избиением Вифлеемских младенцев, патриарх Тихон делал свой выбор: «Нам ли, христианам, идти по этому пути. О, да не будет! Даже если бы сердца наши разрывались от горя и утеснений, наносимых нашим религиозным чувствам, нашей любви к родной земле, нашему временному благополучию, даже если бы чувство наше безошибочно подсказывало нам, кто и где наш обидчик. Нет, пусть лучше нам наносят кровоточащие раны, чем нам обратиться к мщению, тем более погромному против наших врагов или тех, кто кажется нам источником наших бед. Следуйте за Христом! Не изменяйте Ему! Не поддавайтесь искушению. Не губите в крови отмщения свою душу. Не будьте побеждены злом. Побеждайте зло добром (Рим. 12:21)».

Поражение, капитулянство? Или мудрое предвидение: силой большевиков не побороть, значит, надо как-то иначе? Думаю, что прежде всего – стремление жить по Евангелию даже там и тогда, где и когда это не приносит выгод и смертельно опасно. И ясное понимание, что в такие переломные моменты, как говорил и Деникин, «всё – в области духа и творимого подвига». Это невероятно трудно, это с мирской точки зрения безумно, но... это и есть христианство, если всерьез.

Риторические призывы к новой Гражданской слышны сейчас с разных сторон, и от имени власти, и от имени оппозиции. Не думаю, что кто-то, кроме откровенных безумцев (а их немного), всерьез хочет такую войну развязать. Кажется, всем очевидно, что Россия в XX веке исчерпала свой лимит «великих потрясений» и еще одного ей, скорее всего, не пережить, вне зависимости от того, кто объявит себя победителем. Это просто такие слова... Очень легко увязываются они и с христианскими ценностями, без малейших сомнений.

Только у слов есть своя сила, свой цена. Вызывая из небытия духов «единственной Гражданской» ради риторических целей, можно их однажды и по-настоящему довызывать, и тогда никому мало не покажется, никто их тогда не сможет остановить. И дело не только в подборе слов, а скорее в этом духе непримиримости и монополии на правду, в стремлении дожать и раздавать врага любой ценой, пусть пока словесно, в отказе признать за ним право на частную правоту... Тогда всё тоже именно так начиналось.

В заключение – одно очень банальное замечание. Не вечна никакая война, никакая партия или организация, пусть даже церковная. Не вечны ни народ, ни страна, ни демократия: было время, когда всего этого не существовало, и однажды снова настанет такое время. Есть только одно в этом мире, что принадлежит и нам, и вечности – это наша душа. «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (от Матфея 26:26). Тем более, тут даже не весь мир...

Призываю, пусть даже только на словах, к единственной Гражданской, очень легко устроить маленькую гражданскую в собственной душе, а из такой войны никому не удавалось выйти победителем.

54. Фальшивое средневековье

Есть такой замечательный французский фильм «Пришельцы». В нем рассказывается, как благородный граф Годфруа де Монмирай и его слуга Жакуй-пройдоха попали из начала двенадцатого века в конец двадцатого. Конечно, им пришлось трудно: они не понимали ни обычаяев, ни законов, не умели обращаться с современной техникой. Но глядя на их забавные приключения, невольно начинаешь тосковать о том времени, когда жили на земле такие графы с их прямодушием и непоколебимыми представлениями о чести, достоинстве, благородстве. Каким все-таки мелочным и убогим кажется весь этот современный комфорт при одном взгляде на них...

Только не надо забывать, что на одного благородного графа на самом деле приходился не один вороватый и трусоватый слуга, а тысячи таких слуг. Собственно, фильм и начинается с эпизода, когда Годфруа заслужил свой графский титул: он спас в критической ситуации своего короля от врагов. Не всегда истории европейских знатных родов начинались с такого славного подвига, но в любом случае их основатели чем-то выделялись из серой массы: своей храбростью, или силой, или умом. Слово «аристократия» и значит в переводе с греческого « власть лучших ». Пусть они далеко не всегда были лучшими с нравственной точки зрения, но какого-то рода естественный отбор они все же проходили. А дальше их грубость и невежество, кровожадность и дикость умерялись и преображались придворным этикетом, кодексом чести, но прежде всего – евангельской проповедью. Так возникло то, что мы сегодня называем «рыцарством».

Но шли века, поколение за поколением аристократов привыкало сладко есть и мягко спать, требовать от крестьян податей и вершить над ними суд – и чувствовать себя при этом свободными от всяких обязанностей. Дело в таких случаях рано или поздно заканчивалось восстанием, топором, гильотиной или подвалами ЧК, где отчего-то гибли самые честные и благородные, потому что все остальные успевали сбежать или нацепить кокарду революционного цвета. Так и возникло современное скучное общество, декларирующее «равные возможности». Зато это работает.

Средневековье было по-своему прекрасно (особенно если ты в нем граф, а не слуга), но современному уровню технологий и общественной жизни оно уже не соответствует никак. Кстати, очень интересно, что в том фильме благородный Годфруа стремился как можно скорее вернуться домой, а вот пройдоха Жакуй вполне нашел себя в новой эпохе.

Мы в России шагнули всего за столетие из феодального и сословного общества в урбанистическое и постиндустриальное. Это слишком быстро: многие общественные институты стараются, по меньшей мере, выглядеть современными, но функционируют вполне себе феодально. Самые острые конфликты возникают именно там, где одна модель сталкивается с другой: в отделении полиции годами пытают случайных задержанных, выбивая признание, районный суд, не обращая внимания на вердикт Верховного суда и постановления арбитражей, дает бизнесмену срок за хищение, которого не было, а школьных учителей заставляют фальсифицировать результаты выборов или сгоняют на митинг... Все эти случаи объединяет один и тот же принцип: демократические по форме институты некий клан заставляет работать на свои частные интересы, и работать вполне феодальными методами. Жакуй-пройдоха разыгрывает из себя благородного графа.

Самое печальное – что так на сиюминутные политические или экономические выводы небольшой группы людей расходится великая общественная драгоценность: доверие граждан. Да, посадили не ко двору пришедшегося бизнесмена, да, выбили из кого-то признание, да, провели митинг и подсчитали голоса – а что в результате? Общество перестает верить в суды, в полицию, в выборы. Все продажны, все они заботятся лишь о собственной шкуре – такой тотальный приговор оно выносит «гражданам начальникам», уже не желая верить, что среди них есть честные и бескорыстные люди. И вести себя начинает соответственно.

Если бы это была настоящая демократия, на жуликов быстро нашлась бы управа. Если бы настоящее средневековье – с этим было бы посложнее, но были бы свои бонусы. По крайней мере, можно было бы верить в то, что над всем этим безобразием стоит священная фигура монарха, которому престол достался по праву рождения, по выбору свыше, а не по чьим-то подтасовкам и интригам. Можно было доверять благородству происхождения, если не поведения. Но у нас в подобных случаях выходит не средневековье, а подделка под него, это попытка взять всё самое удобное и приятное из одной и из другой модели. Так поступал в фильме Жакуй.

Институты православной Церкви, какими мы их знаем, тоже сложились в средневековье. Это не хорошо и не плохо, это естественно: церковь есть самый консервативный из всех наших общественных институтов, она сохраняет то устройство, которое унаследовала от отцов и дедов. Понятно, что в новых условиях многое меняется, ведь и основная масса прихожан сегодня – не неграмотные мужики и бабы, как сто лет назад, а вполне современные городские жители с образованием не ниже среднего. Отсюда возникает много вопросов и противоречий, прежде всего – как совместить достаточно жесткую епархиальную структуру с совершенно свободным статусом прихожан, которые могут сами решать, куда имходить и с какой частотой? Как должны выглядеть сложные ритуалы епископского богослужения, позаимствованные отчасти из царских дворцов, в эпоху, когда выше пышности ценятся искренность и простота? И многое, многое иное.

Но я сейчас не об этом. Средневековые храмы и фрески, средневековые иконы и обряды, даже средневековые по сути своей отношения в иерархии – всё это величественно и прекрасно, пока служит своей основной цели, пока не затмевает главного, что есть в Церкви, а подчеркивает и охраняет его.

Но можно пойти и другим путем, широкой дорогой: оставаясь в рамках постмодернизма, играть в средневековье, но лишь когда тебе это приносит сиюминутные выгоды. Можно публиковать в христианских СМИ статьи о том, как сжигать «по хорошему» всяких нехороших женщин (кокетливо заменив при этом матерные слова звездочками), собирать в Крестопоклонную неделю подписи под письмом с требованием привлечь по 282-й статье всех, кто распространял информацию о кощунстве… Уже и выборы прошли, а страсти всё нагнетаются.

Страсти наигранного, фальшивого средневековья. Этим сжигателям не придется самим подкидывать хворост, обонять запах жаренного человеческого мяса и слышать душераздирающие вопли, и они сами об этом прекрасно знают. Они играют в средневековье, их мечи сделаны из папье-маше, а доспехи – из картона. Но вред они приносят настоящий. И даже не в том дело, что атеистам так нужны примеры мракобесности и жестокости христианства. Атеисты – это ведь внешнее, это не наша проблема.

А вот Церковь – наша. Всё уважение, которое осталось к ней в обществе, разменивается на какие-то летучие политические преференции и риторическую шелуху, как будто продается золотая утварь за медные гроши. Проповедь Евангелия становится не слышна за трескучими заявлениями. Да и как расслышать, если краткое «прости им, ибо не ведают, что творят» не может о определению звучать так же громко, как «сжечь на костре» или «привлечь к уголовной ответственности»? И вот уже в ответ на «сжечь» звучит такое легкое «уйти из этой конфессии», ведь это и в самом деле так просто. С супругом развестись – так это надо имущество делить, из страны эмигрировать – надо визу въездную получать, а из конфессии выйти – всего-то дорогу перейти. Что, вы про преданность и верность мне говорите? Какое, право, средневековье!

А может быть, стоит вспомнить, что средневековье – это не единственная и даже не главная эпоха в жизни церкви? Эпоха священных войн, костров и дыб – она, пожалуй, и не самая христианская из всех, какие были в истории? И что если бережно принимать то великое и прекрасное, что действительно было создано в средние века, то костры уж не

обязательно брать с собой в нагрузку? Или, отказываясь от костров – не обязательно выбрасывать на помойку всю церковную историю?

Обращаясь к римской общине в очень непростые для нее времена, апостол Павел писал: «Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинайте... никому не воздавайте злом за зло, но пекитесь о добром перед всеми человеками. Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь». Напомню, что это было сказано в эпоху начинавшихся гонений, когда действительно жгли и пытали ради Христа – только делали это язычники с христианами, а не христиане с кем-то еще. Церковь не могла быть тогда влиятельной и сильной в земном понимании этих слов, ей оставалось только быть святой – и так победить гонителей, привести их к вере. И ей это удалось.

Неужели об этом действительно сегодня надо напоминать?

55. МакДак на Малой Бронной, Старбакс на Моховой

По рунету ходит ролик про двух московских студенток-красавиц, которые на вопрос телевикторины «Что такое Холокост?» ответили на голубом глазу: «клей для обоев», – и выиграли приз зрительских антипатий. Девушек пригласили на радио «Свобода» побеседовать с председателем фонда «Холокост» Аллой Гербер, им даже что-то удалось припомнить: было, оказывается, гонение на евреев во время какой-то там войны. Очень глупо, с точки зрения девушек; да и кто это, кстати, такие – евреи? Кажется, это когда мама русская, а папа – нет.

Их еще спрашивали про Освенцим, и про фильм «Летят журавли», и сокрушенно кивали головами на их «нет, не слышала, не смотрела, я вообще-то другие фильмы люблю». Тут можно долго говорить про Холокост, про упадок нравов и среднего образования – но с ними как раз все понятно. Еще важнее другое. Мы как-то незаметно лишились общей исторической памяти – вот что важно. А ведь она у нас была одна на всех, кто родился в СССР, от пожилого узбекского чабана до гламурной московской хипстерши: Война и Победа как главные вехи и общие святыни. Кому бы ни молились, кого бы ни проклинали теперь, но ведь все мы в дворовых играх были за «наших» и против «фашистов». И всегда, всегда где-то за плечами незримо стояли Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой, зрители и судьи всего, что с нами происходило. И даже чай-то бунтарский выпендреж с нацистской формой и символикой имел смысл только как восстание против очевидных и всеобщих святынь.

Всё, проехали. Теперь это клей для обоев. И если даже знать, что не клей, что на самом деле кого-то преследовали – это было «на какой-то войне» и «по-моему, очень глупо». Не вселенское зло, против которого все как один, и за ценой не постояли, и помнит мир спасенный – а просто «очень глупо». Нерационально как-то, в отличие от клея, а вот он как раз – вещь необходимая в хозяйстве. И очень важно выбрать правильный, если хочешь прочного уюта. Заботы этих девочек вполне понятны.

Девушке Свете из Иванова этой зимой тоже не могли простить, что она «стала более лучше жить» и этим вполне довольна. А как же наши идеалы, как же не до конца спасенный мир? Неужели Сережка и Витька погибли – за это бытовое и мещанско «более лучше»? Как спрашивал лирического героя одной песни его дед, не вернувшийся с войны: «ты отчего же так живешь, как будто свой башмак жуешь?» – а тот, пока не услышал вопроса, вроде как всем был доволен, кроме привходящих обстоятельств.

Это уже было несколько лет назад в фильме «Мы из будущего»: разболтанная и сытая молодежь нулевых вдруг попадает в военное прошлое. Парни наших дней лежат с теми самыми Сережкой и Витькой в грязи под обстрелом, идут в атаку, в которой поляжет полроты, не меньше – и среди грязи и крови находят высшие ценности. Вернувшись домой, будут они жить лучше и чище, подразумевает финал.

В нашем детстве не было такого кино, ведь встретиться с Сережкой и Витькой можно только тем, кто с ними уже расстался, а может, и не встречался никогда. И вставать ли с ними в один строй, это уже дело глубоко личное. Если кому-то милей рядовой Райан, инопланетный Аватар или доктор Хаус, то...мы ведь за свободу выбора, не так ли?

Это довольно обидно, но это естественно. Если мы жаждем воцарения Среднего Класса, который один и обеспечит нам прозрачные и честные правила игры, то не первый ли это признак его прихода? Девочкам нужны не героизм, не высшие ценности, не общенациональный пантеон, а вот такая плюшевая уютность и шаговая доступность: качественный клей для обоев, МакДак на Малой Бронной, Старбакс на Моховой.

Они такие, эти девочки, и всякий, кто пожелает изменить жизнь в нашей стране к лучшему, должен научиться разговаривать с ними, не пытаясь их переделать в качестве предварительного условия. После того, как к Свете из Иванова пришли всероссийская слава, она пожелала плюнуть в рожу тому журналисту, который ее оставил – и он, надо отдать ему должное, признал, что с полным правом. Никому не хочется, чтобы его

гнобили за несоответствие светлым идеалам и безграмотность, а в особенности не стоит проделывать такое с избирателями.

Им можно рассказывать про холокост и демократию, или про великую Россию, или про христианство. Только они вряд ли запомнят, вряд ли оценят, если не уточним: а что изменится конкретно в их жизнях? Доступно объяснить, с примерами, понятными, как клей для обоев. А не так, как делалось это, к примеру, в девяностые, когда реформаторы в лучшем случае читали с экранов лекции по макроэкономике своему отсталому и «неправильному» народу. И не так, как зачастую сегодня проповедуют «за всё хорошее», не говоря ничего конкретного и не отвечая ни на одни вопрос.

Не спрашивайте их, что они смотрели и что читали, ничего приятного для себя не услышите. Спросите лучше себя: что мы можем им предложить?

Настоящее прошлое

56. Книга и Личность

В редакцию «Нескучного сада» пришел вопрос:

«Один священник на проповеди говорил, что большинство из нас не видят в Евангелии личности Христа и тогда, если Он не становится для нас самым близким, нам трудно исполнять заповеди, трудно любить. Я крестилась 20 лет назад, все эти годы хожу в храм, причащаюсь, Евангелие читаю – но я не вижу в Евангелии живого Богочеловека – скорее какую-то схему и свод законов. Я не сомневаюсь, что Он там есть, но как его увидеть? Конечно, умом я понимаю, что тот Христос, которому я молюсь и Телом Которого причащаюсь, этот тот же Христос, о котором я читаю в Евангелии, но сердце у меня по этому поводу в недоумении. Мне кажется, что в Евангелии нет личностного портрета Христа… Как и где можно “вглядеться” в Христа?»

Вопрос этот может показаться удивительным: как же не увидеть в Евангелии Христа, ведь всё оно, все четыре книги, о Нем и говорят с первой до последней страницы! А если задуматься – очень честный вопрос и даже закономерный. Мы все время обращаемся к Евангелию: читаем его за богослужением, цитируем к месту и не к месту, используем евангельские образы и сюжеты чуть ли не на каждом шагу. Вот на проскомидии, приготовительной части Литургии, священник кладет Агнец на дискос – и это есть образ Вифлеемского вертепа, в котором родился Младенец. «И пришедши, звезда ста верху, идже бе отроча» – произносит священник евангельские строки, накрывая дискос золотой «звездицей».

Символизм этого действия понятен. Но видим ли мы за этим благоговением, за этими золочеными покровами и изысканными ритуалами другое: холодную ночь и городок Вифлеем, и беременную Марию с Иосифом, которым пришлось поселиться в хлеву, среди животных, потому что люди не захотели потесниться? Выходит, часто не видим. Или открываем мы книгу о чем-нибудь духовном – и находим постоянные ссылки на Евангелие. Вот и Христос подтверждает мысль автора. Но заметна ли за цитатами личность? Тоже далеко не всегда.

И даже когда мы раскрываем само Евангелие, когда пробегаем глазами по его строчкам, мы настолько уже привыкли видеть в нем сборник цитат и образов, что порой совершенно не замечаем цельного, связного текста. Ну да, вот эти слова прочитываются тогда-то, означают они то-то, всё знакомо и понятно. Только живое удивление перед Тайной ушло.

Что же делать? Борис Пастернак говорил о том, как растратил живую детскую веру и как вновь обрел ее в зрелые годы:

Ты значил все в моей судьбе.
Потом пришла война, разруха,
И долго-долго о Тебе
Ни слуху не было, ни духу.
И через много-много лет
Твой голос вновь меня встревожил.
Всю ночь читал я Твой завет
И как от обморока ожила.

Рассвет для него (так и называется это стихотворение) – личная встреча со Христом, и происходит она над страницами Евангелия. Но ей предшествует «голос» – может быть, не глас с неба, а какой-то неясный призыв, какое-то душевное пробуждение, заставившее раскрыть давно оставленные страницы. Мы не знаем, что произошло тогда в его жизни, но мы знаем, как он ответил на призыв: раскрыл Новый Завет.

Позднее Пастернак поместил это стихотворение между двумя другими: одно рассказывало историю Рождества, второе описывало путь Христа из Вифании в Иерусалим накануне крестной смерти, когда Он подошел к смоковнице, оказавшейся бесплодной. Никакого высокого богословия, никакого особого символизма – поэт просто представил себе, как всё это происходило, и даже по какой-то прихоти перенес рассказ о Рождестве Христовом в наши края: шаркают по снегу пастухи в своих кожухах, ворчат овчарки...

Он увидел не символы и не идеи, а именно что Личность. И тут не нужно быть великим поэтом, можно просто взять в руки книгу – и прочитать ее. Постараться представить себе, как все это было, может быть, представить самого себя среди них. Но главное, понять, что тогда происходило, что думали и чувствовали эти люди, не читавшие ни Закона Божьего, ни катехизиса, ни даже Евангелия, но жившие в нем. Увидеть Христа среди этих рыбаков и земледельцев, торопливых горожан, надменных книжников, грубых римских солдат... Здесь могут помочь комментарии, пособия или даже художественные фильмы, но можно обойтись и без них. Всё самое главное сказано в Библии достаточно ясно и четко.

И тогда мы увидим, с одной стороны, удивительный трагизм Его положения. Для Бога стать человеком – это примерно как для человека стать микробом, это значит снизойти на какую-то неизмеримо более низкую ступень бытия. Но этого мало. Его окружало непонимание не только толпы, которые ждали немедленных чудес и явных выгод, стремились насытиться хлебом и освободиться от римского господства – но и ученики до Воскресения так толком ничего и не поняли, им приходилось всё разъяснять. И даже в ночь перед распятием кто бежал, а кто отрекся... В Гефсиманском саду накануне Голгофы Он просил их бодрствовать, но они не могли – «веки отяжелели» после трудного дня, завершившегося праздничной Вечерей. И каким разительным контрастом выглядит к этой сцене другой эпизод, во время бури на Галилейском озере: ученики отчаянно борются со стихией, а Он спокойно спит, потому что волны и ветер – в Его власти, и нет причин просыпаться ради внешних волнений.

А с другой стороны мы видим Его удивительное жизнелюбие, Его привязанность к простым людям вокруг Него, и даже горячую преданность им. Первое чудо Он совершает на браке в Кане Галилейской, не для того, чтобы что-то кому-то доказать, а просто потому, что вина на свадьбе не хватило. Даже и самые известные чудеса, исцеления – они ведь происходят, в конечном счете, просто потому, что там, где Он – там не место страданиям и смерти. Ученики, да и вообще окружающие все время пытаются расставить точки над i: когда будет восстановлена независимость Израиля? Кто сядет по правую и левую руку? Как надо поститься и молиться? Он учит их единственной краткой молитве, обещает, что потом будут они поститься, но это всё потом, потом. Здесь и сейчас – их отношения с Отцом и между собой, и в этом всё дело. Внешность может быть разной, но не в ней суть.

Самое, пожалуй, удивительное – это Его беседы. Он отвечает всем, даже тем, кто пытается поймать Его на слове, но как Он при этом переворачивает всю ситуацию! Его спрашивают, платить ли подать кесарю – а Он задает нелепый вопрос: кто это изображен на монете? Как будто не знает, что кесарь. Ну вот и отдайте, говорит Он, кесарю то, что ему по праву принадлежит. Или приводят к Нему женщину, застигнутую с чужим мужчиной. По закону Моисея надо бы побить ее камнями, но негуманно как-то, да и римские власти не позволяют совершать смертные казни без своего разрешения... Ну что ж, положено побить – так побивайте, а первым пусть покарает грешницу тот, кто сам безгрешен. Только и всего... и толпа обвинителей расходится. А ей Он говорит: «иди и впредь не греши». Не оправдывает грех и не осуждает человека.

Растаскивая Евангелие на цитаты, мы лишаемся цельности, упускаем из виду не просто отдельные фразы, а Его линию поведения, Его отношение к людям. Но есть, пожалуй, и другой способ чтения: сравнить четыре Евангелия меж собой. Есть даже

специальные издания, где они напечатаны в параллельных колонках, чтобы четко стали видны уникальные черты каждого. Это ведь не стенографический отчет, не протокол, это воспоминания разных людей (причем Лука передает чужие воспоминания, он сам ничего не видел). Каждый из них запомнил Христа по-своему, у каждого полнее раскрыты особые грани этой удивительной Личности. Не случайно с древнейших времен у каждого из Евангелистов был свой символ: человек у Матфея, могучий лев у Марка, жертвенный телец у Луки и орел у Иоанна как парящего в высах богослова.

Читая об этих встречах и беседах, задумываясь о различиях четырех Евангелий, понимаешь: «всему миру не вместить» книг, написанных о Христе, но каждый, кто встретился с Ним, вместил что-то очень важное, лично для него главное. А значит, такая встреча возможна и для нас.

57. Храмовое благочестие

Приближается великий пост, и с ним – ощущение какого-то долга, который надо бы отдать Богу и этой весной. Ограничить себя в пище и развлечениях, больше молиться, а главное – почаше ходить в храм, выслушать Великий канон, исповедаться, причаститься. Мы ведь православные, мы обязаны это делать. Кем обязаны, кому обязаны? Ну, наверное, Богу... И тут же мы сами одергиваем себя: но ведь Он не нуждается ни в чем, уж менее всего в наших рассеянных мозгах и усталых ногах. Так может быть, не ходить никуда, дома оставаться, сделать что-нибудь полезное – ну, и молитву заодно дома прочесть, по мере сил?

Сдается мне, когда мы так рассуждаем, мы просто неверно расставляем приоритеты. Мы исходим из слова «надо». Кому-то это обязательно должно быть надо, чтобы мы пришли в определенное место и выполнили ряд действий – то ли Богу, то ли нам самим, то ли окружающим. Ну заведено так, в конце концов. И тут же мы сами ловим себя на «ветхозаветном отношении»: дескать, мы исполняем определенные обряды просто потому, что они предписаны свыше, вот просто ради послушания. Вроде как в Ветхом Завете постоянно приносили в храме положенные жертвы.

Их, конечно, приносили, и мы знаем хотя бы из Евангелия, что к новозаветным временам и в самом деле для многих, слишком многих они стали связываться с какой-то «обязаловкой», зачастую утомительной: вот исполнил, что положено, и свободен. В результате одни (условно назовем их фарисеями) подходили к делу слишком формально и приправляли это свое благочестие изрядной долей гордыни, а другие (условные мытари) и вовсе оставляли всё это в стороне и шли заниматься бизнесом и развлечениями.

Только не для этого строил царь Соломон в Иерусалиме самый первый храм, не таким было его отношение. Я процитирую здесь молитву Соломона при освещении храма из 8-й главы 3-й книги Царств и позволю себе привести ее в собственном переводе с краткими комментариями. Итак, закончена колоссальная и очень дорогостоящая работа – воздвигнут храм, чтобы возник в Иерусалиме единый центр поклонения Единому Богу, свидетельство Его величия и присутствия среди Своего народа. И что же говорит царь? Что само по себе это место – лишь символ:

«Жить ли Богу на земле? Если небеса и даже небеса небес не вместят Тебя – уж тем менее этот храм, построенный мной. Но снизойди к молитве раба Твоего и к просьбе его, Господи, Боже мой! Выслушай смиренную мольбу, которую обращает к Тебе ныне раб Твой. Да будет пред взором Твоим этот храм денно и нощно – место, на котором обещал Ты наречь Собственное имя, чтобы слышать молитвы, которые будет обращать к Тебе в этом месте раб Твой. Выслушай просьбу раба Твоего и народа Твоего Израиля, которую обратят к Тебе в месте этом – а Ты услышишь там, где пребываешь на небесах, выслушай и помилуй».

Но это не просто лекция по богословию, о трансцендентности и вездесущии Бога. Соломон дальше переходит к практическим случаям, которые будут происходить именно в этом месте:

«И если кто согрешил против ближнего своего, и прибегнут тогда к клятве, и придут совершать клятву к Твоему жертвенному в этот храм – тогда Ты услышишь с небес и рассуди рабов твоих, обвини виновного и обрати зло его на его же главу, но оправдай правого и воздай ему по правоте его.

Когда потерпит народ Твой Израиль поражение за грех перед Тобой, но вернется к Тебе и восхвалит имя Твое, обратившись к Тебе с молитвой в этом храме, Ты услышишь на небесах и прости грех твоего народа Израиля, возврати их в землю, которую Ты дал их праотцам. Когда затворятся небеса и не будет дождя за грех их, но помолятся они в этом месте и восхвалят имя Твое и отвратятся от греха своего, ибо Ты смирил их, тогда услышишь на небесах и прости грех рабов Твоих и народа Твоего Израиля. Тогда научи их благому

пути, по которому им ступать, и даруй дождь для земли, которую ты дал Своему народу в наследие.

И если будет в стране голод, или чума, или пагуба и болезнь на растениях, или саранча нападет, или враг приступит к городским воротам – какая бы то ни была беда и погибель – то на всякую молитву и просьбу, кто бы с ней ни обратился из народа Твоего Израиля, когда сознает он беду, что на сердце у него, и прострет ладони в этом храме, тогда услышишь его на небесах, где Ты пребываешь, сотвори прощение и воздай каждому по путям его. Ведь Тебе открыто его сердце – Тебе единственному открыты сердца всех сынов человеческих, чтобы боялись они Тебя, покуда живут на земле, которую дал Ты праотцам нашим».

В беде человек обращается к Богу, это вполне естественно. Но не просто обращается: сначала ему предстоит осознать всю трагичность собственного положения и понять, что причиной стали его собственные грехи. И одной просьбы будет мало, ведь Господь воздаст каждому «по путям его». Если не изменить собственного поведения, то можно ходить в храм хоть каждый день, можно мозоли на коленях натереть – и при этом ничего в твоей жизни не измениться. Соломон это ясно понимал!

И еще он понимал, что храм – святыня для всего мира, а не только для израильского народа, пусть даже весь остальной мир оставался в то время языческим. Но и для израильтян он был не просто символом национальной гордости и идентичности, а зrimым свидетельством о Боге, местом встречи с Ним – и точно тем же он должен был стать и для иноплеменников:

«Если и чужеземец не из Твоего народа, Израиля, придет из дальней страны ради имени Твоего – ибо и там прослышишт об имени Твоем великом и о мои простиранной Твоей руки, – и придет он помолиться в этом храме, тогда услышишь его на небесах, где Ты пребываешь, и поступи с чужеземцем по его обращению к Тебе. Так да узнают все народы земли имя Твое, чтобы бояться тебя, как и народ Израилев, и узнают, что имя Твое наречено на этом храме, построенном мной».

Впрочем, далеко не всегда из дальних краев приходили для того, чтобы помолиться – гораздо больше под стенами Иерусалима оказывалось завоевателей. Казалось бы, царь должен был просить о даровании победы над врагом, но он прекрасно понимал, что жизнь не состоит из одних побед. И в поражениях и даже национальных трагедиях он видел, прежде всего, средство божественной педагогики, призванное вернуть заблудший народ к Богу:

«Когда выйдет народ Твой на битву с врагом по пути, указанному Тобой, то помолятся они Господу, обратившись к городу, избранному Тобой, и к храму, построенному мной во имя Твое, и тогда услышишь на небесах молитву и прошение их и воздай им по правде их. Если же согрешат они пред Тобой, ибо нет человека, который бы не согрешил, то прогневаешься Ты на них и выдашь их врагам, чтобы пленили их и увили во вражескую страну, будь она близко или далеко. Но придут они в разум, и обратятся к Тебе с мольбой в земле их пленения и скажут: “согрешили мы, творили зло и нечестие”, и обратятся к Тебе от всего сердца и от всей души в стране врагов, пленивших их, и помолятся к тебе, повернувшись к стране, которую ты дал праотцам их, и к избранному Тобой городу, и к храму, построенному мной во имя Твое. И тогда услышишь на небесах молитву и прошение их и воздай им по правде их. Прости народу Твоему, в чем согрешил он пред Тобой, все совершенные ими пред Тобой преступления, и возбуди сострадание к ним в угнетателях их, ибо они народ Твой и наследие Твое, ведь Ты вывел их из Египта, из печи железной».

И заключает свою молитву Соломон такими словами:

«Да будут очи Твои благосклонны к просьбе раба Твоего и к просьбе народа Твоего Израиля, чтобы выслушать слезное моление их, ибо Ты отдал их из всех народов земли Себе в наследие, как обещал Ты через раба Своего Моисея, когда вывел их из Египта, Владыка Господь!»

Нигде здесь не говорит он «мы должны», но всюду только «мы можем». Храм становится местом встречи Бога и человека, местом, куда прибегают люди во всякой нужде и беде, чтобы, исправив свою жизнь, восстановить разрушенное доверие Творца и получить исцеление. Каждый из них выбирает сам, пользоваться ли этим средством, и народ как единое целое тоже делает свой выбор и несет за него полную ответственность. Почти три тысячи лет назад это прекрасно осознавал Соломон, но и теперь напомнить его слова нашим современникам бывает нeliшним.

58. Три библейских трапезы

В Библии есть рассказ о трех хорошо известных трапезах. Это гостеприимство Авраама, принявшего у себя в шатре трех Незнакомцев, это пасхальная трапеза и связанная с ней Тайная Вечеря, и это скучный стол Иоанна Крестителя, питавшегося «акридами и диким медом». Но какие именно были там блюда, и почему именно эти?

Икона преп. Андрея Рублева «Троица» знакома всем. Но не всем известно, какое именно событие изображено на ней – на самом деле, это приход трех таинственных Странников к Аврааму, о котором мы читаем в 18-й главе книги Бытия. Патриарх сидел у входа в свой шатер, как и положено пожилому бедуину (а он, по сути, и был бедуином), но едва он заметил Троих, приближившихся к его шатру, как бросился им навстречу и предложил пообедать у него. Разумеется, законы бедуинского гостеприимства требовали накормить всякого встречного путника (в пустыне иначе просто и не выживешь), но Авраам проявил редкую степень гостеприимства, сам побежав им навстречу, ведь он еще не знал, кто они такие.

На иконе мы видим на столе только чашу, что, конечно же, служит символом Евхаристии, как и сами Трои символизируют Отца, Сына и Святого Духа. Но в библейском повествовании мы читаем о целом пире: Авраам велел Саре замесить три меры муки и напечь пресных лепешек, а сам заколол отборного теленка и велел приготовить его. А вот вина у Авраама как раз и не было – он же кочевал со своими стадами, у него не было никаких виноградников, негде было давить виноград, негде хранить бродящий сок.

Естественно, что основной едой в те времена был хлеб, пшеничный или ячменный (ржь в тех краях не растет). Почему речь шла о пресных лепешках? Дело в том, что тогда не существовало дрожжей, и квасной хлеб приготавливали с помощью закваски – небольшой части квасного теста, оставшегося от предыдущего замеса. Для того, чтобы новое тесто подошло, должно было довольно много времени, которого у них не было. Вместе с тем, Авраам не пожалел потратить на гостей так много муки. Это мы сегодня покупаем муку в готовом виде, но в те времена всё было иначе. Механических мельниц не было, муку готовили на ручных зернотерках: зерна насыпали на большой плоский камень и растирали их другим, маленьким камнем. Это делали каждый день, потому что в готовой муке быстро заводятся черви, и поэтому заготавливать ее впрок не имело смысла. В богатых домохозяйствах (как у Авраама) этим занимались служанки, но в бедных семьях сама хозяйка дома должна была проводить за зернотеркой несколько часов в день (!), чтобы обеспечить хлебом свою семью.

Хлеб – и пресный, и квасной – пекли на очаге, напоминающем нынешний тандыр, или же на противне, под которым разводили огонь. Если не было времени, чтобы намолоть муки, на такой поверхности могли просто поджарить зерна (именно так обедали на скорую руку в поле жнецы Вооза, см. Руфь 2:14, хотя в Синодальном переводе мы читаем просто «хлеб»).

Точно так же на открытом огне запекали и мясо. Его могли и сварить в кotle, но жареное или печеное считалось более вкусным (так, капризные сыновья священника Илия не довольствовались вареным, а обязательно хотели его зажарить, см. 1 Царств 2:15). Видимо, и в этом случае к столу подали запеченную телятину.

Интересно, что к столу Авраам также подал свежего молока и некий кисломолочный напиток, на древнееврейском языке он называется *хем'а* (в Синодальном переводе «масло»). В жарком климате Палестины свежее молоко можно пить только сразу после дойки, потом оно скисает. Из скисшего молока делали этот самый напиток *хем'а* – видимо, похожий на кефир, простоквашу или айран. Делали из молока и сыр, но здесь он не упоминается – сыр в основном брали в дорогу (например, Давид несет его в израильское войско в 1 Царств 17:18), ведь это был не нежный камамбер, а что-то вроде высушенной соленой брынзы, которая не портится на жаре.

Необычным для нас может показаться тот факт, что у Авраама подавали мясное вместе с молочным, тогда как современные иудеи тщательно избегают этого. Они основываются на запрете из Моисеева Закона: «не вари козленка в молоке матери его» (Исход 20:19), трактуя его в таком смысле, что мясная и молочная пища не должны перемешиваться. На самом деле мы не знаем точно, действительно ли Моисей имел в виду, что вообще нельзя употреблять мясную и молочную пищу за одной трапезой (в конце концов, он мог именно так и сказать). Вполне возможно, что изначально запрещалось только приготовление мяса в молоке, ведь точно так же нельзя было сочетать в одной одежде льняные и шерстяные ткани – Моисеев Закон вообще строго следит за «чистотой жанра». В любом случае, этот запрет был дан намного позднее. А в жизни кочевников, каким и был Авраам, именно мясо и молоко были основными видами продуктов.

Авраам предложил гостям самое ценное, что только у него было, но любопытно, что у него не оказалось никакого десерта. На сладкое подавались свежие (в сезон) или сушеные смоквы, финики или виноград, иногда орехи, изредка – мед диких пчел. Добавляли эти продукты и в мучные кондитерские изделия. Но всё это делалось в городах, а не в походных условиях. Авраам же накормил своих Гостей простой и здоровой пищей кочевников, безо всяких изысков.

Самая знаменитая трапеза, о которой говорится в Библии, это, разумеется, Пасха и связанная с ней Тайная Вечеря. Первая Пасха была совершена в канун исхода израильтян из Египта, и главным блюдом на ней был пасхальный агнец – годовалый барашек или козленок, которого только что закололи (после строительства Храма в Иерусалиме это стали делать в храмовом дворе). Согласно требованиям 12-й главы книги Исход, его полагалось запекать, а не варить, притом непременно целиком (если какая-то семья была слишком мала, чтобы позволить себе такое, ей следовало объединиться с соседями), съесть его надо было до утра «с пресным хлебом и с горькими травами», и кости его нельзя было ломать.

Конечно, всё это имело символическое значение. Агнец был искупительной жертвой Господу, принесенной за избавление израильтян из египетского рабства, и закалывался он как раз в ту ночь, когда у египтян погибло «всё перворожденное», от людей до скота. Кровью агнца следовало помазать дверные косяки в знак избавления самих израильтян от этой казни. Горькие травы обозначали горечь египетского рабства, а пресный хлеб – поспешность исхода (некогда было сквашивать тесто), равно как и повеление немедленно доесть всё мясо до рассвета. На рассвете израильтяне уже должны были выступить в дорогу... Обрядовая пасхальная трапеза сохранилась у иудеев и по сей день, она называется «седер» (букв. «распорядок»).

Христиане не празднуют ветхозаветную Пасху, но вспоминают Тайную Вечерю, которая, по сути, и была последней пасхальной трапезой Иисуса с Его учениками. Евангелисты, правда, нигде не упоминают пасхального барашка или козленка. Само по себе это не значит, что такого барашка на столе не было, но, вероятнее всего, Вечеря состоялась накануне иудейской Пасхи, наступавшей в субботу. Таинство Евхаристии, которое совершается теперь в память об этой Вечери, тоже обходится без закалывания жертвенных животных, поскольку Жертва была принесена Христом единожды и навсегда.

Если трапеза Авраама с его Гостями и пасхальная трапеза похожи друг на друга, то «меню» Иоанна Крестителя резко от них отличается. Согласно Евангелистам (Матфей 3:4, Марк 1:6), в него входили «акриды и дикий мед». Что за странные вкусы были у этого человека?

Акриды – это саранча или кузнечики, и Моисеев Закон разрешал употреблять в пищу этих и только этих насекомых. Вряд ли они бы пришлись нам по вкусу, но в разных странах мира их охотно едят и по сей день, особенно при недостатке другой белковой пищи. Более того, при периодических нашествиях саранчи, когда она пожирала буквально

всю растительность в округе, не оставалось ничего другого, как есть саму саранчу – благо, хотя бы она тогда бывала в изобилии.

Мед, конечно, выглядит для нас куда привлекательнее. В те времена он тоже высоко ценился, ведь обычных для нас пчелиных пасек просто не существовало – мед добывали у диких пчел. Его не так-то просто было найти, а найдя, у пчел отнять, ведь они собирают его не в улей, где всё для того приспособлено. Например, сын Саула Ионафан, найдя диких пчел, ткнул в их сот палкой, а потом облизал ее (1 Царств 14:27).

Итак, акриды и дикий мед – это пища человека, который живет в пустыне, не занимается ни земледелием, ни скотоводством и ни от кого другого не зависит. Он ест буквально то, что «Бог пошлет» – так пророка Илию, судя по библейскому рассказу, кормили в пустыне вороны (3 Царств 17:6). Говоря об акридах и диком меде, евангелисты подчеркивают, что Иоанн Креститель продолжил ту же самую традицию.

59. Учитель Израилев

В Евангелиях Иисус из Назарета называется по-разному: например, Сын Человеческий, Сын Давидов, Сын Божий, Христос и даже Господь – все эти именования указывают на Него как на Мессию, праведного Царя и Спасителя. В Его поступках можно найти нечто от священнодействия, в Его речах – нечто от пророчества, но Он больше, чем священник или пророк, поэтому Евангелия не называют Его этими словами. Зато почему-то самые разные люди – от апостолов до фарисеев! – обращались к нему как к Учителю, и Евангелисты сохранили такое именование.

Такое отношение к учительству восходит еще к Ветхому Завету, где оно играет одну из главных ролей. Главное в Ветхом Завете, разумеется, Закон, на древнееврейском языке называемый словом «тора». Но наш перевод не совсем точен: на самом деле это слово означает не столько свод правил (для их обозначения есть свои слова), сколько Учение – то, что передается от одного человека к другому, что дает ему наставление и ориентиры в этой жизни. В самом деле, закон ставит нам внешние рамки и не заботится об остальном, тогда как учение прежде всего устанавливает некий внутренний стержень – а внешние ограничения служат лишь логическим выводом, применением его главных принципов на практике.

В Ветхом Завете мы видим целую группу книг, говорящих о Премудрости, прежде всего это Притчи Соломона. Премудрость изображена у Соломона как царица, которая созывает людей на пир, чтобы преподать им свое учение – и речь, конечно, идет не просто о некоем наборе научных знаний, но о целой жизненной программе. Мудрость, приобретаемая прежде всего с наставлениями отца и матери (здесь, кстати, используется то же самое слово «тора») – это путь, по которому человек идет к Богу, и житейские практические советы оказываются тут неотделимы от важнейших духовных наставлений.

Когда израильтяне вернулись из вавилонского плена, они сделали две вещи: восстановили Храм, в котором стали заново совершать положенные жертвоприношения, и открыли в своих городах и поселениях синагоги – дома собраний, в которых не приносились жертвы, но зато возносились молитвы к Творцу. Центральное место в иудаизме занимает текст Библии, поэтому молитва была неотделима от его чтения и изучения, которое также происходило в синагоге, как во время самого богослужения, так и во время особых школьных занятий, ведь при синагогах в новозаветные времена уже существовали школы, называемые «бейт-мидраш», т.е. «дом учения».

Начальное образование, конечно, дети получали дома. Домашнее воспитание включало основные представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо», а также хозяйственные и ремесленные навыки. Ремесло обычно передавалось по наследству: поскольку Иисус вырос в доме плотника Иосифа, Он почти наверняка сам овладел этим ремеслом. Грамотность в новозаветные времена была довольно широко распространена, особенно среди мужчин: умение читать и писать требовалось для того, чтобы человека признали полноценным членом общины и хозяином в собственном доме. Владели грамотностью и многие женщины, при том, что «дома учения» они не посещали, их образование оставалось исключительно домашним.

Когда начиналось и сколько продолжалось обучение при синагоге, мы точно не знаем. Талмудический трактат «Авот» полагает, что изучение Писания следовало начинать в возрасте пяти лет; другие источники сообщают, что уже в 63 г.н.э. первосвященник постановил открыть школу в каждом еврейском городе и поселении и сделал ее посещение обязательным для всех мальчиков с шести-семи лет. Но это, видимо, некая идеальная ситуация, вряд ли поголовно все дети, особенно в небогатых семьях, могли позволить себе полноценное школьное образование, да и учителей едва ли могло хватить на каждую деревню. Видимо, для многих мальчиков дело ограничивалось самыми необходимыми навыками чтения, письма и счета.

В Евангелии от Луки мы читаем, как в возрасте двенадцати лет Иисус отправился с Иосифом и Марией в Иерусалим на праздник и задержался там. «Через три дня нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их; Все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его» (2:46-47). Видимо, Он использовал эту возможность, чтобы пообщаться с настоящими знатоками Торы, которых, конечно, трудно было встретить в Назарете. Но нельзя не удивиться отношению учителей, ведь тогда никто еще не мог знать, что это за Мальчик пришел в Храм. Разумеется, в самом центре иудейской духовной и культурной жизни были не простые учителя, но самые авторитетные иудейские законоучители – например, там преподавал в свое время Гамалиил, у которого обучался апостол Павел. Казалось бы, этим экспертам не о чем было беседовать беседовать с незнакомым Мальчиком, но они не прогнали его и не стали читать ему стандартную лекцию, а вступили с ним в заинтересованный разговор.

Эта сцена показывает нам сам характер иудейского образования того времени: оно строилось не на неких формальных курсах, которые следовало проходить в определенном порядке (примерно так уже тогда была организована греко-римская школа), а скорее на свободном общении, прежде всего – на совместном обсуждении библейского текста. Такой подход отчасти был обусловлен особенностями синагогального богослужения: каждый взрослый мужчина мог прочесть отрывок из Писания и прокомментировать его, соответственно, он должен был обладать не только навыками чтения, но и умением анализировать текст и излагать свои мысли по его поводу. Это тоже отличало Иудею от Греции и Рима, где публично выступали только профессиональные ораторы, прошедшие соответствующую подготовку.

Мы видим, что Иисуса нередко приглашали проповедовать в синагогах: «Он учил в синагогах их, и от всех был прославляем. И пришел в Назарет, где был воспитан, и вошел, по обыкновению Своему, в день субботний в синагогу, и встал читать» (от Луки 4:15-16). Собственно, именно Его смелая проповедь и настраивала против него народ, как написано дальше в той же самой главе. Большинство не приняло Его учения, но право предложить это учение безусловно признавалось за Ним как за членом общины.

Но толковать Писание можно и нужно было не только за богослужением. Существовала целая группа людей, называвшихся «равви» (в другом произношении – «рабби»), и это название стали прилагать и к Иисусу, когда Он вышел на проповедь. Буквальное значение этого слова «великий», но мы привычно переводим его как «учитель». Позднее родственное слово «раввин» стало в иудаизме означать человека, получившего религиозное образование и возглавляющего определенную общину, но тогда слово «равви» еще не имело строго формального значения. Так называли вообще всех, кто проповедовал людям Писание, собирая при этом круг учеников. Действительно, именно это и делал Иисус. Его учениками становились уже, конечно, взрослые люди, и такой свободный подход к образованию, какой был принят в Иудее, позволял сделать это людям самого разного положения и возраста, безо всяких экзаменов и аттестатов.

Полного единства во мнениях среди духовных учителей, конечно же, не было. Собственно, главная книга раввинистического иудаизма, Талмуд, во многом состоит из записи мнений различных учителей, которые далеко не всегда соглашались друг с другом. Конечно, Талмуд был написан позже того времени, которое описано в Евангелиях, но подобные дискуссии проходили и в евангельские времена.

Нагорная проповедь – самая первая проповедь Христа – во многом построена именно по такому принципу. Христос говорит: «Вы слышали, что сказано древним: “не убивай, кто же убьет, подлежит суду”. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» (от Матфея 5:21-22). Что значит это «а Я говорю»? Он противопоставляет Свое учение Ветхому Завету, как иногда понимают эти слова? Вовсе нет, ведь Он не раз подчеркивал, что пришел не нарушить Закон, но исполнить. Нет, Христос произносит обычную проповедь: цитирует Писание и затем предлагает Свое толкование, подчеркивая, что это именно Его слова. Другое дело, что он учил людей «как

власть имеющий, а не как книжники и фарисеи» (от Матфея 7:29). По-видимому, это значит, что Его толкование Закона было не каким-то казуистическим анализом частных случаев (Ему предлагали разбирать такие случаи, например, задавая вопрос о женщине, побывавшей замужем за семерыми братьями, но Он решительно повернул разговор в другое русло). Нет, Христос говорил о самой сути Закона, открывая людям волю Отца.

При этом Он, конечно, не умалял достоинства других людей, не отменял их права на самостоятельное чтение и понимание Писания. Мы находим в 3-й главе Евангелия от Иоанна диалог Иисуса и фарисея по имени Никодим. Сначала Никодим признает достоинство Иисуса: «Ты – Учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог» (3:2). Но и Иисус, отвечая на вопрос Никодима, признает за ним такое же звание: «ты – учитель Израилев, и этого ли не знаешь?» (от Иоанна 3:10) Конечно, эти слова звучат здесь немного иронично, поскольку Никодим был учителем по должности, как член Синедриона – верховного совета, решавшего в Иудее все вопросы, которые римляне только оставили в ведении самих иудеев. И вот такой уважаемый столичный богослов испытывает затруднения в беседе с Плотником из провинциального Назарета! Но мы видим, что для Никодима было вовсе не зазорно вступить в разговор с Иисусом и даже признать Его превосходство, несмотря на полное отсутствие у Него какого-то официального статуса. Впрочем, учителем Иисуса называли даже те, кто относился к Нему неодобрительно, например, книжники (от Луки 20:21).

Впрочем, встречаем мы в Евангелии и более суровое отношение к официальному статусу таких богословов. Христос предупреждает Своих учеников: это книжники и фарисеи любят называться учителями, «а вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос» (от Матфея 23:8). Разумеется, здесь не идет речь о том, что вообще никто никого не должен ничему учить: например, книга Деяний (13:1) ясно называет, что в ранней Церкви было даже особое учительское служение, наряду с пророческим. Христос предостерегает учеников от сектантского подхода, при котором единая Церковь распадается на множество сект, каждая из которых следует за своим учителем, разрушая общее для всех учение.

И в заключение – еще один, совсем небольшой, но очень важный евангельский эпизод. Иоанн повествует, как однажды Иисус сказал Своим ученикам: «Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то» (13:13). В этих словах Сам Христос показывает, насколько высоко служение учителя, ставя само слово наравне со словом «Господь». Но, произнося такие слова, Он перед праздничной трапезой моет ноги ученикам, исполняя работу раба. В этом сочетании высоты и глубочайшего смирения – вся суть учительства, каким видит его Евангелие.

60. Златоустый Святитель

Имя святого Иоанна Златоуста знакомо, наверное, каждому человеку – хотя бы потому, что в православных храмах служится чаще всего составленная им литургия. Но если представить себе, как он во плоти вдруг оказался бы на этой литургии – что бы он сказал с амвона? Отметил бы, как много изменилось в порядке богослужения с IV века? Удивился бы, насколько иначе выглядят сегодня прихожане? Или, напротив, произнес бы пламенную проповедь о том, как мало на самом деле изменили прошедшие века христианской истории человеческие души, как живут в нас те же редкие добродетели и распространенные пороки, что и в его времена?

Он родился около 347-го года в Антиохии в семье военачальника по имени Секунд, но отец скончался вскоре после его рождения. Место и время рождения во многом и определили облик его христианского служения. Весь тот край был частью огромной Римской империи, власти которой только недавно обратились к христианству после долгих гонений. Антиохия была крупнейшим городом восточного Средиземноморья, где эллинистическая цивилизация соседствовала с семитской. Это здесь еще в apostольские времена впервые прозвучало само название «христиане». В деревнях здесь говорили практически на языке Христа и апостолов – на арамейском (этот его вариант обычно называют «сирийским»), в городах звучали изысканные философские беседы и тщательно выстроенные речи на греческом. Здесь были все возможности получить хорошее и разностороннее образование, как общегуманистарное, так и сугубо христианское, Иоанн ими в юности воспользовался, благо, он происходил из обеспеченной семьи.

Отношение к христианству в Римской империи второй половины IV века было отчасти похожим на то, что мы знаем по собственному опыту. Старики еще помнили те времена, когда говорить о Христе было смертельно опасно, можно было угодить на арену в качестве жертвы для диких зверей. Да и во время отрочества Иоанна Римом правил император Юлиан Отступник – он пытался возродить языческую религию, чтобы вернуть Рим к его истокам, а к христианам применял, по словам Иеронима Стридонского, «преследование ласковое, которое скорее манило, чем принуждало».

Впрочем, Юлиан потерпел неудачу и сам погиб на войне, так что отныне империя становилась христианской. Значит, в Церковь пришло огромное количество людей – кто ради веры, кто за компанию, кто из любопытства, а кто-то и в поисках выгоды. Всех их объединяло крайне поверхностное знакомство с верой и жизнью Церкви и вполне языческий менталитет. Вскоре после смерти Юлиана принял крещение и двадцатилетний Иоанн… Но среди новокрещенных немного было людей, настолько образованных, как он. Многие всерьез не понимали, чем поклонение Христу принципиально отличается от поклонения множеству божеств, которых они прежде чтили, а многие видели в христианстве всего лишь новую идеологию, полезную имперской власти.

Именно тогда и именно по этим причинам зарождается монашество – движение тех, кто тщательно оберегал чистоту христианства, уходя от шумных толп в малодоступные места. Иоанн тоже принял иночество после смерти своей матери Анфусы, четыре года он провел в уединении, из них два года – в полном молчании. Его красноречию предстояло вызреть, словно плоду во чреве… А многие ли из нас утерпели бы в такой ситуации, чтобы не начать поучать всех вокруг?

Тем не менее, и в эти, и в последующие годы Иоанн очень много писал – сегодня собрание его сочинений закимает целую полку. Это и богословские трактаты, и комментарии на Священное Писание, и письма разным людям по разным поводам, и конечно же, бесчисленные проповеди. Но до них дело дошло не сразу.

Еще до отшельничества Иоанн был рукоположен в чтеца – одна из низших ступеней церковной иерархии. Хотели его рукоположить и в пресвитеры, и даже в епископы, но он отказался. Собственные размышления на эти темы привели его к написанию «Шести слов о священстве». Вот как видел он пастырскую ответственность:

«Пастырю надобно иметь много благоразумия и много очей, чтобы со всех сторон наблюдать состояние души. Как многие приходят в ожесточение и предаются отчаянию в своем спасении потому, что не могут переносить жестокого врачевания; так, напротив, есть и такие, которые, не получив наказания соответственного грехам, предаются беспечности, становятся гораздо хуже и решаются грешить еще больше». Собственно, эти шесть слов – объяснение, почему Иоанн не считал нужным в тот момент становиться священником.

Впрочем, когда он вернулся в Антиохию, то в 381 г. был рукоположен в диакона, и только через 5 лет – в пресвитера. Ему было поручено произносить проповеди, и он делал это при стечении народа не реже двух раз в неделю, а иногда и ежедневно. В те времена не было средств массовой информации, а книги были очень дороги, и проповедь, по сути, оставалась единственным способом научить чему бы то ни было церковный народ.

В центре его проповеди всегда оставалось Священное Писание. И это не удивительно, ведь он сам говорил: «отсюда, от незнания Писания, произошли бесчисленные бедствия: отсюда произросла великая зараза ересей, отсюда – нерадивое житье, бесполезные труды. Подобно тому, как лишенные этого света не могут прямо идти, так и не взирающие на луч божественного Писания вынуждаются много и часто грешить, так как поистине ходят в самой глубокой тьме».

Иоанн мог выбрать какую-то одну из его книг и разбирать ее подробно, от главы к главе, за каждой проповедью, а мог поступить иначе – посвятить свою беседу тем страницам Писания, где речь идет о наступающем празднике. Но его интерес к Писанию – не теоретический, именно там он находит самые важные указания для своей паствы: как жить по Евангелию, как исполнять волю Божью, как любить ближнего. Его проповеди очень мало похожи на скучные богословские лекции, пересыпаные цитатами.

Вот он рассказывает о хананеянке, то есть язычнице, которая обратилась ко Христу с мольбой об исцелении ее дочери. Среди аудитории наверняка было много вчерашних язычников, выходцев практически из родных мест этой женщины – таких же, по сути, хананеев. «Итак, возлюбленный, зная, что так бывает во время молитв, подражай хананеянке; хотя ты – муж, однако подражай жене, иноплеменице, слабой, отверженной и презираемой. Ты не имеешь бесноватой дочери? Но ты имеешь грешную душу. Что сказала хананеянка? "Помилуй меня, дочь моя жестоко беснуется". Так и ты скажи: "Помилуй меня: душа моя жестоко беснуется" … Куда бы ты ни пошел, везде слышишь слова Христовы: "О, женщина! Велика вера твоя". Войди в церковь персов, и услышишь Христа, говорящего: "О, женщина! Велика вера твоя"; равно как и в церковь готов, варваров, индийцев, мавров, и какую только страну освещает солнце».

Но и простые человеческие чувства не проходят мимо внимания Златоуста. Он пишет молодой вдове, и прежде, чем поучать, старается посочувствовать ей: «Все будут согласны с тобою, и никто, даже из весьма любомудрых, не станет противоречить тому, что ты получила тяжкий удар, и что посланная свыше стрела поразила тебя в самое роковое место… Согласно с тобою и я признаю, что на всей земле между светскими людьми немного бывало таких любезных, кротких, смиренных, искренних, разумных и благочестивых, как твой муж. Но, если бы он совершенно разрушился и обратился в ничто, тогда следовало бы скорбеть и сокрушаться; если же он приплыл в тихую пристань и переселился к своему истинному Царю, то об этом должно не плакать, а радоваться. Эта смерть не смерть, но некоторое переселение и перемещение из худшего состояния в лучшее, с земли на небо, от людей к ангелам и архангелам, к Владыке ангелов и архангелов».

А вот что говорит он подвижнику, которого мысли о демонских искушениях заставили думать о самоубийстве: «Какое зло, большое или малое, может причинить нам демон сам по себе? Уныние же и без него может сделать много зла, и большинство из тех, которые наложили на себя петлю, или закололись мечем, или утопились в реках, или погубили себя как-нибудь иначе, увлечены были к такой насильственной смерти

унынием... Как же можно, скажешь ты, не унывать? Можно, если, отвергнув мнения толпы об этом предмете, будешь помышлять о горнем. Теперь твоё положение кажется тебе ужасным, потому что толпа считает его таким; но если ты захочешь с точностью рассмотреть его само по себе, отрёшившись от пустого и ошибочного предубеждения, то найдешь, что оно не представляет никакого повода к унынию».

За красноречие Иоанна называют Златоустом, но он служит Богу далеко не только устами, много занимается он и благотворительностью в Антиохии. Его слава не прошла мимо внимания властей Восточной Римской империи: когда в 397-м году скончался константинопольский архиепископ Нектарий, на первенствующую кафедру пригласили именно Иоанна. Главную роль здесь сыграло желание императора Аркадия видеть в своей столице такого одаренного и активного иерарха.

Но, как это часто бывает, ожидания властей не совпадали с подлинным призванием великого христианина. Проповедовать ему удается уже не так часто, как прежде, зато он с головой уходит в организацию практической деятельности Церкви: преодолевает раздоры, заменяет недостойных клириков, требует от остальных прилежания и чистоты жизни. Епископ, в его представлении – не обласканный властью чиновник, а служитель народа Божьего. Так он ведет себя сам, этого требует и от других. Например, он распродает роскошное убранство архиепископского дворца и передает вырученные средства на содержание больниц и гостиниц для паломников.

Это было время, когда уже стала забываться первоначальная простота христианских общин, особенно здесь, в величайшем и богатейшем городе мира, рядом с блестательным императорским двором. Почти никого уже не удивляло, что голодный нищий и пиршествующий богач (словно из евангельской притчи) формально суть братья во Христе, а на деле от одного до другого как от земли до неба. Мало кого смущала далекая от аскезы жизнь иных христианских пастырей. Но Златоуст не собирался мириться ни с чем подобным.

От нового константинопольского архиепископа достается всем: и епископам, и знати, и даже императорской чете. Но больше всего он ополчается против богатства и социального расслоения: «Сначала Бог не сделал одного богатым, а другого бедным и, приведши людей, не показал одному многих сокровищ, а другого лишил этого приобретения, но всем предоставил для возделывания одну и ту же землю. Каким же образом, когда она составляет общее достояние, ты владеешь столькими-то и столькими участками, а близкий не имеет ни клочка земли? ... Корыстолюбивые богачи – это какие-то разбойники, засевшие при дороге, грабящие проходящих и зарывающие имущество других в своих кладовых... как свиньи в грязи, они услаждаются, валяясь в нечистотах сребролюбия».

Так и с императрицей Евдоксией, фактической правительницей при слабом и безвольном императоре Аркадии, Златоуст вступает в конфликт из-за ее неумеренной роскоши и жадности. Он защищает от конфискации имущество вдовы и детей опального вельможи, а в храме, обличая в проповедях щегольские траты, недвусмысленно показывает глазами на саму императрицу... Такого снести она никак не могла! Ведь еще недавно римские императоры официально считались богами, а «оскорблению величества» было самым страшным уголовным преступлением. Что же это, как не оскорблениe?

Да и среди священства и епископата многие были в обиде на святителя – его требования казались чрезмерными, его стиль управления – жестоким. В 403-м году собор епископов отправил его в ссылку, правда, длилась она совсем недолго – простой народ обожал своего архиепископа, в столице начались волнения, и его пришлось вернуть. Но он, вернувшись, ничуть не изменился. Наверное, с других он требовал лишь толику того, что требовал сам с себя, но и этого было для кого-то слишком много. Собственно, он не мог воспринимать христианство и в особенности священство не всерьез, не мог рядом с собой видеть людей, сочетавших христианскую символику со вполне языческими

поступками. Например, установили на городском ипподроме серебряную статую императрицы – что в этом такого? Всегда так поступали в Риме!

Но Иоанн откликается на это событие проповедью: «Вновь Иродиада беснуется, вновь возмущается, вновь пляшет, вновь требует главы Иоанна на блюде». Себя он сравнивает здесь с Иоанном Крестителем, а императрицу – с распутной женой царя Ирода, которая и добилась его казни. Император, соответственно, оказывается Иродом... Это уже было слишком.

В Константинополе собирается новый собор, и в 404-м году он отправляет Иоанна Златоуста в новую ссылку. Сам он сказал об этом так: «Братия, вор не приходит туда, где хворост, сено и дрова, но – туда, где лежит золото, или серебро, или жемчуг; так и дьявол не входит туда, где прелюбодеи, или богохульник, или хищник, или корыстолюбец, но – туда, где провождающие пустынную жизнь... Так если изгонят меня, я уподоблюсь Илии; если бросят в грязь, – Иеремии; если в море – пророку Ионе; если в ров, – Даниилу; если побьют камнями, – Стефану; если обезглавят, – Иоанну Предтече; если будут бить палками, – Павлу; если распилят пилою, – Исаие; и о, если бы пилою деревянною, чтобы мне насладится любовью ко кресту!»

Но у Иоанна Златоуста был свой собственный путь, о котором можно сказать его же словами: «Жизнь праведных блестяща; но как она делается блестящей, если не через терпение? Приобрев, возлюби его, брат, как мать мужества». Он был отправлен в городок Кукуз в Армении, где продолжал активнейшую переписку с друзьями (до нас дошло более двухсот писем). Он просто не мог молчать. И за это из Кукуза он был отправлен еще дальше, на самый край тогдашней Империи – в Питиунт (нынешняя Пицунда в Абхазии). До места назначения измученный святитель так и не дошел – он умер в местечке под названием Команы 14 сентября 407 г. Перед смертью он произнес слова, ставшие затем своего рода последним девизом всех пострадавших христиан: «слава Богу за всё!» В этих словах – итог его земной жизни.

Почитание святителя началось практически сразу после его смерти, и мощи его недолго оставались в Команах. Уже в 438 г. по инициативе нового патриарха Прокла и нового императора Феодосия (сына Аркадия) они были перенесены в Константинополь. Оттуда они были похищены в 1204 г. крестоносцами, которые увезли их в Рим, и лишь в 2004-м году Иоанн Павел II возвратил их на прежнее место.

Преставление Св. Иоанна Златоуста совпало с праздником Воздвижения Животворящего Креста Господня, и поэтому его память была перенесена на 13/26 ноября. Кроме того 27 января / 9 февраля отмечается память перенесения святых мощей святителя Иоанна Златоуста из Коман в Константинополь, а 30 января / 12 февраля - Собор Вселенских учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Но мы к тому же поминаем Святителя на большинстве наших литургий и встречаем вместе с ним каждую Пасху, слушая в храмах его «Огласительное слово», где цитаты из Писания перемежаются с ликующим голосом самого Иоанна: «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа? Воскрес Христос, и ты низвержен! Воскрес Христос, и пали демоны! Воскрес Христос, и радуются ангелы! Воскрес Христос, и торжествует жизнь! Воскрес Христос, и никто не мертв во гробе! Ибо Христос, восстав из гроба, – первенец из умерших. Ему слава и держава во веки веков!»

61. Святые филологи

Говорить о равноапостольных Солунских братьях, учителях словенских, святых Кирилле и Мефодии можно очень по-разному, и для любого человека, пишущего и читающего на одном из славянских языков, эти имена будут близкими и дорогими. Я не буду пересказывать их житие, а лучше расскажу о неких значимых для меня событиях, связанных с этими святыми.

В 1990-м году мы, студенты классического отделения филфака МГУ, попали на археологическую практику на раскопки Херсонеса, античного и византийского города на территории нынешнего Севастополя. Советский Союз уже трещал по швам, и там, в закрытом краснознаменном городе, музейщики решили впервые провести Кирилло-Мефодиевские чтения в день памяти братьев (кстати, установлено это празднование совсем не так давно, в 1858 г. в Болгарии, а с 1863 г. и в России). Первым выступал некий официальный атеист, сообщивший аудитории, что всё это сплошной религиозный дурман, что алфавит братья, конечно, изобрели, и в древнем Херсонесе, конечно, побывали, но вот никакого обретения мощей Св. Климента, папы Римского, не совершали, так что Климентовский монастырь в Инкермане, несомненно, был придуман для обмана византийских трудящихся.

В те времена такие речи уже научились воспринимать с точностью до наоборот, и мы, конечно, поехали на катере через всю бухту до Инкермана, чтобы посмотреть на руины монастыря. Тогда он него оставались лишь стены с остатками фресок, но сама история завораживала: это сюда, на южную окраину СССР, был некогда сослан четвертый епископ Рима Климент, здесь он работал – вероятно, в самих инкерманских каменоломнях, здесь был утоплен в море. Его мощи и обрели, согласно житию, прибывшие из Константинополя равноапостольные филологи (слово это очень древнее, и не вижу причин, почему бы его не применить к ним). И здесь же, в Херсонесе, нашли они Евангелие и Псалтирь «русскими письменами» – что за алфавит, что за перевод, и что вообще за язык? Кого тогда называли «Русью», ученые спорят до сих пор, но, видимо, это был все-таки иной язык, нежели славянский, на который переводили сами братья.

Это прикосновение к древней истории, да еще на военно-морской базе, какой был весь Севастополь, просто поражало. И Рим, и Константинополь, и славяне, и Русь, всё это было здесь, и одно было неотделимо от другого. И здесь же крестился князь Владимир – как раз накануне был открыт баптистерий, где, вероятно, это произошло… Славянская письменность открывалась нам не просто как знакомый с детства алфавит, но как часть общехристианского наследия, часть европейской истории.

С текстом жития я подробно познакомился двумя годами позже, когда учился в Амстердаме библейскому переводу (основному делу Свв. Кирилла и Мефодия). В качестве дополнительной нагрузки я выбрал себе уроки старославянского, который прежде не изучал систематически – и вот я сидел в классе с голландскими и прочими европейскими студентами, но, в отличие от них, я почти всё понимал в тексте без словаря. Приятно было чувствовать себя в привилегированном положении! А самое житие заставляло задуматься не только о духовных материалах, но и о земной, филологической стороне дела. Да и политической заодно.

Удивительно было читать, какое сопротивление вызывала сама идея перевода на язык славян – огромного массива племен на самой границе тогдашнего христианского мира. Нет, конечно, немецкие епископы не возражали против обращения их в христианство, но это христианство должно было быть упорядоченным, латинским, на худой случай греческим. Но славянское христианство – разве не нонсенс? Разве убогое наречие этих варваров может сравниться с великолепием священных языков: еврейского, греческого, латинского? Так они рассуждали тогда, и не только они, и не только тогда, и не только про славянский…

Но самое удивительное, что сами братья даже не были, судя по всему, славянами! Византийский император отправил их на проповедь в славянские края, потому что они происходили из Солуни (Фессалоник), города со смешанным населением, и хорошо понимали славянскую речь. Но и для них это изначально было варварское наречие, которое, тем не менее, они потрудились как следует изучить, составили для него алфавит и даже готовы были пострадать за дело своей проповеди: Мефодий провел три года в заключении у немцев. Не у врагов христианства, заметим, а скорее у неумных консерваторов, которых страшило всё непривычное.

Но даже не это самое интересное. Знакомство с подлинным текстом жития ясно показывало: старославянский язык – вовсе не тот церковнославянский, который мы привыкли видеть в наших книгах, как и изначальная кириллица – вовсе не нынешний «гражданский шрифт», пусть даже стилизованный под старину. Оказывается, братья не перевели для нас всё сразу и навсегда – они лишь положили начало процессу перевода, который затем был продолжен их учениками, «попами скорописцами». Более того, славянские тексты постоянно изменялись, редактировались… и многие слависты считают, что чем древнее редакция, тем свободнее, самостоятельнее в ней язык. Получается, чем ближе к учителям словенским – тем дальше от рабского копирования греческого синтаксиса, которое стало нормой у переводчиков допетровского времени на Руси. В самом деле, самое древнее наше Остромирово Евангелие вместо привычного «в начале бе слово» (точно как и в греческом) гласит «искони бе слово», и это только один пример.

Постоянное исправление и поновление славянских текстов оставалось нормой вплоть до середины XVIII века… не потому ли оно прекратилось, что в сей галантный век уже не до «глубокословных славенщизны» стало властителям дум и мастерам художественного слова? Но, во всяком случае, когда сегодня говорят о «сохранении кирилло-мефодиевского наследия», имея в виду, что навсегда стоит оставить в неприкословенности вот эту самую редакцию священных книг двух- или трехсотлетней давности, это какое-то явное недоразумение. Не для того спорили братья с немецкими епископами, чтобы добавить к трем священным языкам четвертый, и снова закрыть список, и не для того обучали помощников, чтобы они отныне только переписывали тексты, к тому же поздние и не всегда аккуратные. Подлинное наследие солунских братьев – вдумчивое творчество в русле церковной традиции, в единстве с полнотой Церкви (что не исключает, конечно, частных разногласий и споров).

Третье мое открытие состоялось в Риме, в базилике Св. Климента (того самого), где почивают и мозги Св. Кирилла. Оказывается, и в Риме он тоже весьма почитаем, и нам, православным из России, позволили помолиться на месте его почитания – и принципиально отказались брать с нас плату за вход в этот храм, который одновременно функционирует как музей. Уже потом я узнал, что католики провозгласили святых филологов «покровителями Европы». Что ж, логично. Где именно заканчивается Европа, географы спорят до сих пор, но я бы сформулировал так: европейская цивилизация на Востоке уступает место другим цивилизациям именно там, где перестают писать кириллицей.

«Буди Србин! Пиши Ђирилицом! (кириллицей)» – говорят сербы, единственный в Европе народ с двумя алфавитами. Сами Солунские братья, как говорят теперь ученые, изобрели, скорее всего, другой алфавит – глаголицу; кириллица появилась позднее, исходя из практических удобств – она была очень похожа на греческий алфавит. Глаголицу сегодня больше всего почитают как раз не сербы, а хорваты, которые сами пишут латиницей, но еще пару веков назад в хорватских храмах, особенно на островах, встречались глаголические книги. История сложилась так, что совсем не так давно на Балканах эти два народа, объединенные общим кирилло-мефодиевским наследием, жестоко воевали друг с другом.

И в нашей, русской культуре, к опыту и авторитету святых Кирилла и Мефодия, часто прибегают люди, придерживающиеся очень разных точек зрения на разные

вопросы. Сейчас не время ни разбирать, ни даже перечислять их – но, несомненно, житие Солунских братьев дает нам прекрасный пример того, как проповедь Слова Божьего переходит все барьеры, и далеко не только языковой.

62. Христианские утопии и государственное строительство

Христианам положено быть консерваторами, а то и реакционерами – такое мнение слышишь довольно часто. Действительно, во времена бурных политических перемен множество верующих оказываются на стороне тех, кто этим переменам противится или, по крайней мере, не сочувствует. И в то же время нет никаких оснований думать, что христиане якобы всегда поддерживают существующий порядок вещей – в истории есть немало примеров того, как именно они этот самый порядок меняли, и самым радикальным образом.

Много подобных историй связано с европейской Реформацией. Глядя на окружающий мир, где было слишком много такого, что с Евангелием никак не совмещалось, реформаторы призывали не только к внутреннему очищению. Для них было очень важно, чтобы и общественная жизнь подчинялась тем же законам, что и частная. Самый известный пример – город-государство Женева в середине XVI века, при Жане Кальвине. Он сумел убедить горожан не только в правоте своих религиозных взглядов, но и в том, что городская жизнь должна им неукоснительно следовать. Горожане в результате проголосовали за предложенный им устав и избрали 12 старейшин, которые отныне управляли городом.

Все вопросы решались демократически... если судить по процедурам. На самом деле, это была настоящая диктатура Кальвина, которая поддерживалась железной рукой: его противникам выносились смертные приговоры, к подследственным применялись пытки. Впрочем, в этом не было ничего уникального: в те времена то же самое делалось во всех остальных государствах. Что было необычным в Женеве, так это строжайшая регламентация всех сторон жизни: что есть, как одеваться, как себя вести. Как несовместимые с благочестием, отменены были любые театральные представления, а чтобы никто не любовался собственной красотой, запрещены были любые зеркала.

Но Швейцария – далеко не единственная страна, где власть издавала подобные законы. Примерно через столетие к власти в Англии пришли люди со схожими взглядами – пуритане. Только они, в отличие от Кальвина, сделали это совсем не мирным путем, а устроили революцию и гражданскую войну. Правда, и они опирались при этом на парламент, и короля свергли, а затем и казнили, именно потому, что он не хотел признавать власть за парламентом. Нам может показаться это удивительным: как это люди, следовавшие Новому Завету, осмелились выступить с оружием в руках против законной власти? Но в том-то и дело, что законной властью они считали парламент, а короля – тираном и узурпатором, который, к тому же, не давал им жить подлинно христианской жизнью. Примеры борьбы с такими правителями они находили на страницах Библии (в основном Ветхого Завета), которая как раз незадолго до этого стала распространяться в Англии на английском языке и сильно повлияла на общественное мнение. Впрочем, англичанам власть пуритан не понравилась, и после смерти главы государства Кромвеля они восстановили монархию, а с ней и известную вольность нравов, причем эта перемена произошла как раз довольно мирным путем.

Но самым удивительным государством Реформации была, пожалуй, Мюнстерская коммуна, просуществовавшая всего полтора года, еще до кальвинистских реформ в 1534–35 годах. В то время в Германии католики воевали с протестантами, в городе Мюнстере собралось значительное число беженцев из других городов, причем большинство принадлежало к радикальному течению анабаптистов. Их название, «перекрещенцы», показывает, что они считали действительным только сознательное крещение во взрослом возрасте, но не этим они запомнились. В городе Мюнстере они провозгласили коммуну: всё имущество провозгласили общим (опираясь на рассказы о раннехристианских общинах в книге Деяний) и даже ввели многоженство, как в Ветхом Завете. Вождь восстания, Иоанн Лейденский, провозгласил себя царем из династии Давида, а сам этот

город – новым Сионом. Впрочем, изгнанный из города епископ не согласился с ним, собрал войско, осадил город и взял его, а Иоанна казнил.

Из этих примеров можно сделать вывод, что подобные утопии делали реальностью только протестанты, но это совсем не так. Самое долговечное государство, основанное на христианских принципах, построили католики-иезуиты в Южной Америке: на территории нынешнего Парагвая и некоторых окрестных землях оно просуществовало полтора века. Говоря о колонизации Америки, мы привычно представляем себе грубых конкистадоров, которые индейцев и за людей-то не считали… во многих случаях это так и было, но далеко не во всех. Открытие Нового Света для многих было возможностью начать принципиально новую жизнь, и для христиан, конечно же, эта жизнь должна была быть основана на принципах их религии. Именно за этим отплывали в Северную Америку английские пуритане, которые и стали первыми поселенцами на территории будущих США.

А вот в Южной Америке нашлось достаточно много желающих устроить такую новую жизнь не только для себя, но и для индейцев. Именно для этого монашеский орден иезуитов получил от испанской короны в свое полное управление провинцию Парагвай. Иезуиты не только строили миссии и обращали индейцев в христианство, но и занимались государственным строительством. Каждая такая миссия становилась центром оседлого поселения, которым управлял священник, а его помощниками были сами индейцы. Иезуиты даже организовывали индейские вооруженные силы для защиты от нападения других европейцев, которые грабили местных жителей и обращали их в рабство. Жизнь в поселении строго регламентировалась, индейцы по ударам колокола собирались на молитву и на работу, причем работали куда эффективнее рабов на плантациях. Именно в этом странном государстве было впервые налажено промышленное производство мате, травяного чая, который затем продавали на рынках. Немалое уважение монахи проявляли и к местной культуре: в поселениях широко пользовались местным языком гуарани, который и по сю пору, наряду с испанским, остается официальным языком Парагвая и широко используется жителями страны. Это единственный пример такого рода в Америке.

Нет и нужды говорить о том, что иезуитское правление было для индейцев куда лучше любой другой колониальной администрации. В середине XVIII века индейские войска (включая регулярную кавалерию!) даже воевали за свою независимость с испанскими и португальскими войсками, и поначалу принудили их к перемирию. Правда, силы были слишком не равны, в конце концов местные жители потерпели поражение, иезуиты были изгнаны из испанских земель, а былые поселения пришли в упадок. Но если в Мюнстере социальная утопия существовала всего полтора года, то в Парагвае она продержалась полтора века.

Есть ли подобные примеры в истории православных христиан? Можно вспомнить о «монашеской республике» на горе Афон, которая, по сути, является автономией в составе нынешней Греции, как раньше была автономией в Османской и Византийском империях, и живет по своим законам. Можно привести и примеры старообрядческих общин, которые жили в независимости от государства десятилетиями. Но все же это не самостоятельные государства в полном смысле слова.

В любом случае, важно понять: христианство само по себе не привязывается к тому или иному государственному устройству, той или иной идеологии. Христиане могут жить в государствах разного типа и даже создавать новые государства, с разной степенью успеха. Они ищут Царствия Небесного, а делами земных государств занимаются в силу необходимости, раз уж живут на земле, и нет у них в этих делах никаких общеобязательных рецептов.

63. Кто избирает парламент?

Нынешним государствам просто неприлично не иметь парламента – все равно, что главе государства выступать в ООН без пиджака и галстука. Такое могут позволить себе разве что нефтяные шейхи Персидского Залива: они и в ООН приходят в своих традиционных одеждах, и народом управляют без всякого участия избранных его представителей. Остальным приходится соответствовать, вне зависимости от того, насколько на самом деле демократичен тот или иной режим. Свое народное собрание есть даже в Северной Корее.

Но ведь такая картина сложилась относительно недавно, за последнюю сотню лет. Народные собрания, на которых решались самые важные вопросы жизни общины, были, конечно, почти во всех древних обществах. Но родиной современного парламентаризма считается Англия, и ее парламент (буквально «говорильня», от французского parler, «говорить») мало связан с этими собраниями. Он возник в начале XIII в. в результате маленькой войны между королем Иоанном Безземельным и знатью, которая была недовольна его политикой. Король потерпел поражение и вынужден был договариваться с оппозицией – так в 1215 году появилась [«Великая хартия вольностей»](#), в которой подтверждались права всех сословий, а также устанавливался «королевский совет» из 25 баронов, которые должны были «всеми силами блюсти и охранять и заставлять блюсти мир и вольности», дарованные королем (а точнее, вырванные у него силой). Собственно, это была уступка слабого правителя олигархам, и никого, кроме баронов, допускать к власти не предполагалось.

В том же году хартия была аннулирована королем, как только он оправился от поражения, но «осадок остался». Короли в последующие времена хартию то подтверждали (как правило, с оговорками), то забывали, только прецедент был уже создан: монарх не может быть самовластным, он обязан договариваться по крайней мере с верхушкой общества по тем вопросам, которые непосредственно затрагивают ее интересы. Уже в 1265 г. «королевский совет» сменился выборным парламентом. Избирательное право тогда имели землевладельцы, участок которых приносил ренту не менее 40 шиллингов в год (заметная по тем временам сумма), а также богатые горожане. В XIII веке парламент стал уже двухпалатным: в верхней палате заседало высшее дворянство и духовенство, а в нижней – горожане и рыцари низшего ранга.

Отношения между монархом и избранным парламентом далеко не всегда были мирными. В XVII в. парламент сначала сместил, а затем и казнил короля Карла I, и одним из основных обвинений было как раз нарушение той самой Хартии вольностей. Но Республика (а точнее, диктатура Оливера Кромвеля) в итоге понравилась англичанам меньше старой добрых монархии. Уже к концу века она была восстановлена, при этом полномочия короля и парламента были разграничены куда четче, чем прежде. В частности, был принят «Билль о правах» 1689 г., король отныне брал на себя обязательство не вмешиваться в ход парламентских выборов. С этого момента можно говорить о Британии как о конституционной монархии (хотя документа под названием «конституция» в этой стране нет до сих пор).

Британская система была консервативна до нельзя и нередко неадекватна: еще в начале XIX в. сохранялись нарезанные в средневековые избирательные округа, каждый из которых отправлял в палату общин по два депутата. При этом численность населения давно уже изменилась, так что округ Олд Сэрам насчитывал сего семь избирателей, а округ Данвич и вовсе оказался полностью затоплен водой из-за изменения береговой линии.

Важнейшей функцией парламента (в основном нижней палаты) было утверждение новых налогов. С чего началась американская революция, в ходе которой появились на карте мира США? С лозунга “no taxation without representation”, «никаких налогов без

представительства; иными словами, колонисты отказывались платить налоги, которые были утверждены парламентом, куда они не отправляли депутатов.

Но вот что интересно: те всеобщие и равные выборы, которые кажутся сегодня единственной нормой, появились в Британии далеко не сразу. Как уже было сказано, изначально избирателями были богатые землевладельцы (дворянство и духовенство) и богатые горожане. Еще двести лет назад, как и в средневековье, голосовали только богатые и знатные. Лишь в 1867 г. право голоса было дано всем взрослым мужчинам Британии, у которых был постоянный адрес (на тот момент – около трети мужского населения). В 1918 году право голоса получили вообще все мужчины старше 21-го года и все замужние женщины старше 30-ти лет, в этом же году женщины обрели право избираться в парламент. Женщины были окончательно уравнены в правах с мужчинами только в 1928 г. Еще одна любопытная деталь: до 1949 г. преподаватели университетов обладали двумя голосами каждый – одним по месту проживания, и еще одним в своем университетском кампусе. И только в 1985 г. право голоса получили граждане Британии, проживающие за границей – причем только первые пять лет (позднее этот срок был продлен до двадцати).

Право избирать и быть выбранным, оказывается, не приходит само, не даруется сверху добрым дядей (а если где и даруется, то не стоит удивляться, что выходит не столько по-британски, сколько по-северокорейски). Парламентаризм на родине парламентаризма возникал постепенно, не без напряженной борьбы, и свое право на голос получали те, кто был готов за него бороться и кто действительно влиял на жизнь своей страны.

Когда-то государь и самодержец всероссийский Иоанн Васильевич писал английской королеве Елизавете об английской парламентской системе: «Ажно у тебя мимо тебя люди владеют и не токмо люди, но и мужики торговые и о наших государевых головах, и о честех, и о землях прибытка не ищут, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываешь в своем девическом чину как есть пошлая девица». До некоторой степени он был прав: и знать, и низкородные купцы в парламенте тщательно подсчитывали, сколько уплачено податей и на что пошли денежки, и как это отразится на их благосостоянии. Только отчего-то оказалось, что в общем и целом такая корысть способствует благосостоянию всей страны. И лишь после того, как простолюдины сумели осознать свои интересы и научились последовательно отстаивать их перед знатью и богачами, их голос тоже зазвучал в палате общин.

Не случайно вышло, что женщинам дали избирательные права после Первой мировой – именно тогда в Европе они заменили ушедших на фронт мужчин в офисах и даже на производстве, показали, что могут справиться сами и с домашним хозяйством, и с работой. И голосовать за границей стало возможно только в эпоху стремительной глобализации, когда человек, уехавший в индийские джунгли, мог оставаться в курсе всех событий дома, мог поддерживать регулярную связь с теми, кто остался.

Словом, право на выбор получает тот, кто готов им воспользоваться и готов отвечать за последствия своего выбора.

64. Уроки черногорского

Когда я учился на филологическом факультете МГУ, нам рассказывали, что существует единый сербско-хорватский, он же хорватско-сербский язык, и что говорят на нем, помимо сербов и хорватов, жители Боснии и Герцеговины и Черногории. Однако сегодня россияне, приехавшие в отпуск в Черногорию, узнают, что существует отдельный черногорский язык, отличающийся и от сербского, и от хорватского, и от боснийского. Местные остряки даже шутят, что вместо черногорского скоро тоже будет два языка: чернский и горский, и у этой шутки есть свои основания: в горах говорят не совсем так, как на побережье.

Отчего так получилось, может быть интересно и россиянам, слишком многое в этнополитической истории славянских Балкан перекликается с событиями из более близких к нам краев.

С точки зрения лингвиста, язык действительно один, есть только разные диалекты, причем границы этих диалектов совершенно не совпадают с государственными. Разница между диалектами тоже не слишком велика. Хорваты пишут латиницей, а сербы – и латиницей, и кириллицей; сербы называют свою семью «породица», а хорваты – «обитель», сербы говорят о театре «позориште», а хорваты – «казалиште». Кроме того, по-разному произносятся звуки, возникшие из старославянского Ђ: одни говорят «бэли, цена, време», а другие – «биели, циена, вриеме» (белый, цена, время), причем среди сербов встречаются оба варианта произношения. Кстати, похожее отличие возникло между русским и украинским языками (в украинском Ђ перешел в звук *и*). Поневоле задумашься, что сербы могли бы сохранить эту букву в своем алфавите, писались бы эти слова для всех одинаково: бъли, цъна, връме – а произносил бы каждый по-своему, как по-разному выговаривают некоторые буквы англичане и американцы. И нет у них никакого особенного «американского языка».

Да, впрочем, если бы такие мелкие различия приводили к образованию новых языков, никакого «американского» бы просто не получилось – в США существуют десятки произносительных норм, и в Британии тоже. Белый житель Нью-Йорка с трудом понимает чернокожего выходца с Юга, в Йоркшире и Глостершире слова выговаривают по-разному, а ирландский английский вообще не понятен ни британцу, ни американцу (сам видел в дублинском пабе, как они беспомощно пытались объясниться с барменом, и сам я тоже, естественно, ничего не понимал).

Казалось бы, если серьезные диалектные различия не препятствуют существованию единого английского, французского, русского или испанского языков, то уж тем более это касается сербохорватского: его носители живут бок о бок и понимают друг друга без малейших затруднений. Но вот особенный черногорский язык решили все-таки создать, как до того создали боснийский, как развели по разные стороны сербский и хорватский. Комиссия по кодификации черногорского работает уже больше года, пока что она придумала две новых буквы, Š и Ž, и на этом остановилась. В самом деле, невозможно найти такие грамматические черты или такие слова, которые употреблялись бы всеми черногорцами и не были бы при этом в ходу у их славянских соседей. Откуда же такой лингвистический сепаратизм? Почему вообще существует независимая Черногория?

На Балканах всегда жило много разных племен и народов, и невозможно было не то, что провести между ними границу – трудно было даже определить, сколько их там живет, собственно. Болгары долгое время считали нынешних македонцев частью своего народа (языки действительно очень похожи), а греки вообще отказывают им в праве называться македонцами, поскольку великий Александр, как мы знаем, не был славянином.

Черногория – это небольшая труднодоступная область на стыке территорий, которыми традиционно владели Османская империя и Венецианская республика. Именно

это обстоятельство позволило местным племенам (и всем, кто пожелал к ним примкнуть) сохранить свою независимость: венецианские корабли контролировали море, османские армии маршировали по сухе, но поставить под свой контроль горцев, владевших оружием с колыбели, не под силу было никому. Да и, признаться, не было в тех горах ни золота, ни стратегических объектов, ни богатых городов, так что проще было оставить горцев в покое. Была только природа изумительной красоты, но ее в те времена завоеватели не ценили.

Сами горцы не особенно задумывались о том, к какому народу они принадлежат, гораздо важнее была принадлежность к конкретному племени. Когда Петр I обратился в 1711 году к местному населению с призывом помочь ему в борьбе с турками, он назвал их так: «черногорцы, никшичи, банияне, пивляне, дробняки, гагане, требиняне, хорваты и прочие христолюбивые» (сколько еще тут может открыться языков!). Кстати, история русско-черногорских отношений вообще уникальна. Краткий ее итог подвели 18 мая 1889 года в Петергофе царь Александр III и князь Никола. Русский самодержец поднял тост: «Пью за здоровье князя Черногорского, единственного искреннего и верного друга России». Никола ответил: «За все, что Черногория имеет, может благодарить благородную Россию». Оба тоста, пожалуй, были лишь небольшими преувеличениями.

Но Россия далеко, а вот отношения с несравненно более близкой (во всех смыслах) Сербией у Черногории были далеко не всегда безоблачными. Пожалуй, этнографически и лингвистически вполне оправдано было бы считать черногорцев особой ветвью сербского народа, как архангелогородские поморы или донские казаки – особая ветвь народа русского. Во всех войнах черногорцы были союзниками сербов, вплоть до недавних натовских бомбардировок. Хотя саму Черногорию почти не бомбили, но по улицам ее городов ходили тогда люди с нарисованными мишениями: дескать, мы не боимся, бомбите и нас тоже!

Почему же тогда на карте сегодня все-таки два самостоятельных государства, Сербия и Черногория? С одной стороны, так сложилось исторически: черногорцам гораздо раньше, чем их северным соседям, удалось отстоять свою независимость, и вплоть до Балканских войн 1912-13 годов у Сербии и Черногории даже не было общей границы, их разделяла территория Османской империи. Кроме того, черногорские правители целиком и полностью ориентировались на Россию, тогда как в Сербии существовали две партии, прорусская и проавстрийская, и они по очереди сменяли друг друга.

Но самая главная причина состоит в том, что черногорцы не спешили объявлять себя «южными сербами» и вливаться в состав большого соседа. Точнее сказать, один раз они попробовали это сделать, в 1918 году, когда по итогам Первой мировой войны было создано Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 года – королевство Югославия). Как видно из названия самого государства, за черногорцами даже не признавалось право на самостоятельное существование, административное деление нового государства проводилось без учета этнических и исторических границ, и в результате... Через десять лет после объединения черногорская газета «Народное слово» писала: «С актом объединения беды Черногории не уменьшились. Но раньше для их смягчения она, обладая самостоятельностью, имела возможность употребить все средства. А сегодня? Сегодня надо месяцами просить, чтобы в компетентном месте был услышан ее голос». Знакомая картина, не правда ли?

Фактически, королевство Югославия еще до своего раз渲ала стало делиться на относительно независимую Словению и два соперничающих центра притяжения, сербский и хорватский. Ничего удивительного в том, что когда югославская армия рухнула под ударами Вермахта и его союзников, единого движения сопротивления не возникло. В балканских горах воевали друг с другом сербские четники и хорватские усташа, и еще одна новая сила – коммунисты-партизаны. Их руководство, прежде всего хорват И.Б. Тито, хорошо поняли, в чем была слабость первой Югославии, и на ее руинах еще в

ходе войны они начали создавать иное, федеративное государство, в котором все основные этнические группы и все исторические области обладали равными правами. Основанная на этих принципах партизанская армия оказалась такой многочисленной и успешной, что сумела освободить свою страну почти самостоительно. И эту самостоятельность югославские коммунисты сумели сохранять и позднее, проводя независимую политику и став фактическими лидерами Движения неприсоединения.

Почему распалась эта Югославия через десяток лет после смерти Тито? Ответов на этот вопрос предлагается немало, но про отделение Черногории можно ответить проще: она просто устала быть заложницей белградской политики, не имея практически никакого самостоятельного голоса. Черногорцы воевали во всех начатых Белградом и проигранных Белградом войнах, воевали доблестно, по праву считаясь элитой Югославской армии. Но Косово уже оказалось перебором – и Черногория стала принимать албанских беженцев. А потом, когда окончились бомбардировки, провела референдум о независимости. 21 мая 2006 года 55,5% пришедших на избирательные участки граждан высказались за отделение от Сербии.

Сегодня примерно половина коренных жителей считает, что черногорцы – отдельная нация, а другая половина – что это часть нации сербской. Но сербские партии на выборах неизменно оказываются в меньшинстве: даже те, кто называет себя сербами, не хотят жить под контролем Белграда. Три четверти, по данным соцопросов, стремятся в Евросоюз, и всего лишь треть – в НАТО (бомбардировки всем запомнились хорошо). Возникла раскольничья и никем не признанная «Черногорская православная церковь», но особым авторитетом она не пользуется и в ее подчинении совсем немного приходов. Зато в остальных храмах стоят сербские национальные флаги, или хотя бы висят на иконах ленточки соответствующих цветов: это Сербская православная церковь в Черногории...

Перечислять все эти парадоксы современной черногорской жизни можно долго. Мораль сей басни, кажется, вполне ясна: излишняя централизация поневоле подогревает региональный сепаратизм. И отношения с Россией у Черногории такие прекрасные именно потому, что от России Черногория действительно далека и независима. А в столице этой страны, Подгорице, стоят памятники А.С. Пушкину и В.С. Высоцкому. Последний, кстати, гораздо скромнее и лучше московского памятника Высоцкому, и на нем начертаны слова поэта:

Мне одного рожденья мало,
Расти бы мне из двух корней!
Жаль, Черногория не стала
Второю родиной моей.

65. Уроки нашего евроремонта

Это сто с лишним лет назад в России спорили: западники, славянофилы... Сегодня этот спор разрешился, по крайней мере, на бытовом уровне. Люди, вне зависимости от политических пристрастий, предпочитают хранить деньги и номинировать дорогие покупки в долларах или евро, а не в китайских юанях или кувейтских динарах (а ведь эти валюты постабильнее будут!), ездить на европейских машинах (в том числе на японских или южнокорейских моделях, собранных где-нибудь в Словакии), отправлять детей учиться в Кембридж или Сорbonну, а не в Тегеран или Пхеньян. Да и жить большинство хотело бы в квартире с евроремонтом, а не в юрте, вигваме или избе. Это, прежде всего, удобно и практично.

И наше государство тоже, вне зависимости от политики и идеологии, по меньшей мере уже три с лишним века всё догоняет и догоняет Запад: при царе, при коммунистах, при демократах, при вертикали. Привычно ругает его, но сравнивает себя с ним и только с ним, а не с Буркина-Фасо или хотя бы Таджикистаном, хотя, казалось бы, выгоднее наоборот. Но мы же не хотим жить, как в этом Буркина! Мы стремимся занять свое место в мировой (читай: западной) цивилизации, при этом сохраняя свое своеобразие. Той же Японии это вполне удалось, значит, удастся и нам.

И ничего нет нового в такой мечте. Мы привыкли считать, что именно этим курсом последовательно идет Россия, начиная с Петра Великого, и величие его главным образом в том и заключается, что он твердо и последовательно повел страну в этом направлении, так, что после него уже никто не смог и даже не захотел свернуть с избранного пути. Хотя, если разобраться, Петр не изменил вектор движения – он только придал этому движению ускорение. Уже при Алексее Михайловиче создавались полки «нового строя» под командованием иноземцев, входила в моду у высшего сословия западная (прежде всего польская) культура, от одежды до манеры писать стихи и портреты, велись и войны на западных рубежах: ту же Ригу в 1656 г. у шведов отбить пытались, причем в союзе с той же Данией, только в тот раз не удалось. Даже никоновы реформы сегодня историки описывают как первую серьезную попытку России занять подобающее место на geopolитической карте мира, как начало строительства империи – и может быть, место для будущих петровских реформ было расчищено именно Никоном.

Но глобальный евроремонт нашего дома мы связываем всё же с именем Петра. Да, он не задал вектора движения, но, несомненно, задал образец – не случайно его образ при любых последующих режимах оставался официальным портретом основателя государства российского. Были, конечно, отдельные недостатки и перегибы (и каждый назовет свои), но и монархисты, и коммунисты, и демократы могли бы повторить слово в слово [сказанное о нем на его похоронах](#) еп. Феофаном Прокоповичем: «Виновник бесчисленных благополучий наших и радостей, воскресивший аки от мертвых Россию и воздвигший в толикую силу и славу, или паче, рождший и воспитавший прямый сын отечествия своего отец».

Попытаться объективно оценить деятельность Петра в краткой статье, при том, что о ней написаны тысячи томов – задача невыполнимая. Но я бы хотел предложить всего лишь одну из возможных оценок, которая не мной придумана, но с которой я согласен. И эту оценку я построю вот на каком образе: Петр унаследовал от своих предков большую, светлую и богатую избу и решил сделать в ней евроремонт, потому что в избе жить как-то несовременно и непrestижно, да и неудобно во многих отношениях. С тех пор в этом самом здании (отчасти избе, отчасти уже таун-хаусе) сменилось много поколений, каждое что-то чинило, что-то радикально перестраивало... но все эти либерализации, индустриализации и модернизации, вплоть до сколковской, в целом согласовывались с петровским генпланом и шли по его методике. И сегодня очень важно задуматься об этом... и может быть, что-то изменить.

Базовое свойство нашего евроремонта – он затевается элитой по той причине, что перед соседями неудобно, да и конкурентоспособность стремительно падает. Простой народ в основном к ремонту бывает равнодушен, а отчасти и враждебен, своей прямой выгоды он не понимает, а элита не удосуживается ему наглядно это объяснить и обсудить, как будет лучше. Картошку сажают не потому, что она спасет от голода, а потому, что начальство приказало и строго потом взыщет. Столицу строят не в том месте, где было бы удобнее и выгоднее, а в том, где укажет царь.

Поневоле приходится опираться на заезжих дизайнеров и прорабов, да на подневольную рабочую силу. Наемники рассуждают по принципу «любой каприз за ваши деньги», им в этом доме не жить. Ну, а подневольные работники, известное дело, вообще не заинтересованы в результате своего труда. Коррупция и неэффективность при такой системе разрастаются до огромных размеров, и прямое вмешательство сверху, ручной режим управления, по сути, остаются единственным способом их как-то обуздить. А как обуздаешь, если все коррупционеры – нужные, прикомленные люди?

Элита в результате тоже всё больше ориентируется на заграницу, и свой собственный тогда дом для нее становится каким-то полем для экспериментов или источником ренты, чуть ли не расходным материалом. Иные из декабристов, стремившиеся переделать всю российскую жизнь, говорили по-французски намного лучше, чем по-русски; для многих большевиков Россия была всего лишь стартовой площадкой мировой революции; немало демократов девяностых не уставали сетовать на неправильную страну и неправильный народ, из которых никак не получается настоящая республика. И совсем недавно, в беседе с одним из очень важных господ из очень важной нефтяной компании о судьбе маленького кукольного театра, его художественный руководитель (и моя теща, по совместительству), спросила: «Неужели вы не хотите, чтобы ваши дети и внуки тоже пришли в этот театр?» И услышала исчерпывающий ответ: «Мои дети здесь жить не будут».

Когда низам уже невмоготу, они на это отвечают русским бунтом, бессмысленным и беспощадным. После которого придут новые властители, затеют новый евроремонт, они теперь уж точно будут знать, что именно народу нужно, они привлекут самых лучших прорабов... Есть ли выход из этого порочного круга?

Есть, и он был открыт еще Петру. В 1698 г. он побывал на заседании английского парламента, ему понравилось: «весело слушать, когда подданные открыто говорят своему государю правду», – сказал он. С тех пор у нас так и повелось: как ни введут парламентское учреждение, так обязательно там будут резать всю правду-матку властителям, да весело, с задором! Так вела себя дореволюционная дума, для того же собирались народные депутаты при Горбачеве, а уж при Ельцине веселье переросло в настоящие боевые действия. После чего парламент и оказался «не местом для дискуссий», очень скучным, и без намека на правду. Но это нам теперь тоже почему-то не нравится.

Петр не понял, что роль парламента совсем другая: он не просто выкладывает всё как есть пред очи царя-батюшки и ждет от него действий, или рубит царю голову (да, бывало и такое), но работает с монархом, возражает, доказывает, принимает законы и утверждает налоги. И монарх должен всё это терпеть... да просто потому, что только так, только в диалоге и взаимодействии можно добиться долгосрочного результата. В конце XVII в. валлийский крестьянин или шеффилдский мастеровой жили не сытнее и не веселее русского крепостного, но они были лично свободны. Лондонский купец был не милосерднее и не бескорыстнее московского, но он мог влиять на свое правительство известным им обоим образом, он действовал в своих интересах по общим правилам – и в борьбе таких вот частных интересов рождалась промышленность, возникала современная экономика. Не по указу сверху, а «силою вещей».

В 1721 году в «Духовном Регламенте» тот же епископ Феофан по прямому поручению Петра написал: «Правление соборное совершеннейшее есть и лучшее, нежели единоличное правительство, наипаче же в государстве монаршеском». Он, правда, отнес

это только к Церкви, и с одним примечанием: Церковь должна полностью подчиняться императору, его слово – закон. Сегодня, пожалуй, все согласны, что для Церкви это решение было неверным… а как для государства?

Чтобы дом вышел прочным и удобным, нужно обязательно учесть мнение тех, кто собирается жить в этом доме. Да, неизбежны споры и конфликты интересов, и необходимо общее руководство, и нужны импортные материалы и приглашенные специалисты. Но решающее слово пусть останется не за ними, а за хозяевами.

Да, и собственно о евроремонте. Так вышло, что четыре года назад, как раз накануне кризиса, когда цены на недвижимость вдруг резко рванули вверх, мне пришлось заниматься продажей и покупкой квартир. Это, конечно, отдельная история… но я сейчас не об этом. Квартира, которую я в итоге купил, была с евроремонтом. Когда я впервые вошел в нее, то ахнул – какая везде красота! И цена была вполне доступна (правда, в ходе покупки она выросла, но это уж ладно). А вот когда в этой квартире начала жить моя сестра… выяснилось, что, что материалы использованы были по принципу «покрасивше да подешевше», да и рабочая сила явно не сильно напрягалась. Сразу стало везде что-то отваливаться и протекать, и даже не разберешься, где – коммуникации были проведены как попало и зашиты сверху гипсокартоном. В этой квартире никто после ремонта не жил, ее сразу выставили на продажу. Видно, и ремонтировали так, чтобы поскорее продать.

Нам Россию продавать не надо, я считаю, да и кто купит? Будем сами в ней жить.

66. Про(то)колы модернистских мудрецов

Недавно вышло в свет русское издание нового романа Умберто Эко «Пражское кладбище». Перевод у Елены Костюкович, как всегда, п блестящий, да и Эко, итальянский писатель, профессор и постмодернист у нас популярен не меньше, чем в Европе. Его исторические романы – удивительное сочетание невероятного сюжета и множества достоверных деталей. Все краски, звуки, запахи переданы так точно, как будто автор сам побывал в иных временах, все второстепенные персонажи взяты из реальной жизни и описаны точно и полно, а вот главный герой никогда не существовал... но вполне мог существовать, и уж если бы существовал – совершенно точно он жил бы в таком доме, так одевался, так вел себя и так думал, как описано в романе! Главное, что удается передать Эко – образ мышления определенного круга людей, дух эпохи.

Время и место действия «Пражского кладбища» – вовсе не Прага, а Италия и Франция второй половины XIX века. Главный герой, Симоне Симонини – мастер высочайшего класса по подделке документов. Начав со скромной работы по составлению подложных завещаний и контрактов, он постепенно оказывается втянут в сложные политические игры, связанные с походами Гарибальди, объединением Италии, политикой Наполеона III, франко-прусской войной и большими маневрами дипломатов и шпионов по всей Европе, не исключая и России. Симонини – отъявленный мерзавец, человек без единой положительной черты, внушающий омерзение и негодование буквально с первых страниц текста (это при том, что повествование ведется от первого лица). Кажется невероятным, чтобы такой человек действительно жил на свете.

Но главный герой этого романа вовсе не он, а... текст, название которого хорошо известно каждому – «Протоколы сионских мудрецов». Оказывается, что именно он составил конечную версию этого текста, впервые опубликованного в России в самом начале XX века (наиболее полная и широко известная публикация – «Великое в малом» Сергея Нилуса, 1905 г.). Смысл этих протоколов вполне прост: существует тайная всемирная организация, которая правит миром незаметно для всех людей и ведет их к полному порабощению и обнищанию ради собственной выгоды. Эта организация почти вседесуща и почти всесильна, ее коварные замыслы подстерегают каждого из нас чуть ли не на каждом шагу, единственный для человечества шанс выжить – вступить с ней в решительную борьбу. Организацию эту составили еврейские (сионские) мудрецы, которые сами зачем-то так простодушно и выложили в этих протоколах все свои секреты, а потом протоколы были выкрадены некими смелыми разведчиками и представлены на суд общественности.

Уже в начале 1920-х годов было доказано, что протоколы – фальшивка. Выяснилось, что они в значительной мере повторяют написанный Морисом Жоли в 1864 г. памфлет «Диалог в аду между Монтескье и Макиавелли», где подобные хитрые замыслы приписывались вовсе не раввинам, а агентам тогдашнего французского правительства Наполеона III. Речь идет не просто о сюжетных совпадениях, но о прямом списывании, включая, например, образ многорукого божка Вишну. Но дальше – больше, сам памфlet Жоли заимствует идеи из написанных за десятилетия до того романов Эжена Сю «Тайны одного народа» и «Парижские тайны», где в роли такой зловещей всемирной организации выступает уже орден иезуитов. В свое время книги Сю были весьма популярны и в России. А еще до того, в 1797-1799 гг., иезуит Огюстен Баррюэль в своих книгах разоблачал такие же коварные замыслы еще одной тайной всемирной организации, на сей раз масонской... Эко проводит явственную связь между всеми этими теориями (и упоминает некоторых других авторов), связав их личной историей своего вымышленного персонажа, негодяя Симонини.

Но ведь он никогда не существовал... есть ли что-то общее у всех этих теорий заговора, на самом деле? Или речь шла просто о вольном цитировании и опосредованном влиянии, не более того?

Безусловно, общее есть, и не случайно все эти теории появились именно в XIX веке (плюс несколько лет в ту и другую сторону). В это время рушился по всей Европе, начиная с Франции, «старый порядок», т.е. феодальный строй жизни. Наступал век науки и разума, всё новые машины неизвестно меняли жизнь человека, и если подобные изменения происходили в общественной жизни, им надо было подыскать рациональные объяснения. Вот по железным рельсам едет паровая машина и обгоняет дилижанс, значит, всё это кто-то сконструировал и построил; а если сеть железных дорог постепенно охватывает всю страну – значит, есть единый центр, где заранее планируется их строительство, всем владельцам дилижансов на разорение.

И точно так же было важно найти рациональное объяснение любым общественным процессам. Если звезды зажигают, перефразируя слова поэта, значит, это кому-нибудь нужно, выгодно, полезно, кем-то проплачено и организовано. Иначе с чего бы это крестьяне и ремесленники, которые прежде довольствовались своим положением, вдруг вздумали бунтовать? С какой это стати натуральное хозяйство стало сменяться безжалостным капиталистическим рынком, на котором к тому же свободно продаются в немыслимых количествах алкоголь, наркотики, порнография? Почему вдруг имущество простых людей оказывается заложенным, а на них висят неоплатные банковские кредиты? Почему правительства бывают такими бездарными и жестокими? Немыслимо объяснить это совокупностью чьих-то личных замыслов и просто ошибок, в этом наверняка есть хитрый централизованный замысел!

Более того, Европа в эпоху наполеоновских войн вдруг оказалась такой маленькой – да не только Европа, Ближний Восток и заморские колонии тоже были вовлечены в эти войны и революции. Разные и, казалось бы, совсем не похожие друг на друга страны и народы переживали нечто очень сходное, особенно ясно это стало во время революционных выступлений 1848 года, вспыхнувших почти по всей Европе. Значит, эти коварные замыслы исходят не из одного национального центра, миром правит могущественная всемирная организация, а поскольку такой в явном виде не наблюдается, она должна быть тайной, ее ресурсы – огромными, ее влияние – безграничным.

Ну, а кого конкретно назначить на эту должность: масонов, иезуитов, политиков или евреев – уже вопрос второстепенный. Хотя и было доказано уже около века назад, что данный конкретный текст, «Протоколы сионских мудрецов», был в значительной мере списан с того самого памфлета против Наполеона III, он оказался поразительно живучим – его использовали и немецкие нацисты, и крайне правые, и просто любители простых объяснений по всему земному шару. Даже многие обвинения совпадали: во время строительства парижского метро таинственные мудрецы подозревались в том, что именно они его так спланировали, чтобы впоследствии взорвать из-под земли весь Париж. Прошло уже больше века и две мировые войны, но Париж стоит на месте. Зато еще при советской власти мне довелось слышать ту же самую историю про московское метро, недаром же оно носило одно время имя Кагановича – явное указание на тайный каганат!

Эко поступил с «протоколами» точно так же, как они поступили с реальностью. Он изобрел одного-единственного виновника, тайного и почти всесильного, притом омерзительного до дрожи, и приписал ему множество самых разнообразных злодейств. Что ж, Эко – постмодернист, и это типично постмодернистская игра. Но интересно другое.

Девятнадцатый, а за ним и двадцатый век можно было бы назвать веками рождения и смерти модернизма. В девятнадцатом возникла сама идея о том, что всё многообразие общественных процессов можно объяснить действием таинственной и злонамеренной силы, совещания тех самых сионских мудрецов. В двадцатом многие страны, и в первую очередь наша, попробовали на самом деле устроить свою жизнь по этой модели: все решения принимаются всесильным и всеведущим советом (у нас он назывался «Политбюро»), недоступным для простых смертных. Эксперимент провалился, и не признали этого разве что в Северной Корее.

Само появление этого постмодернистского романа, его массовое издание на русском языке ясно свидетельствует: мы, кажется, перестали ужасаться теориям заговора, перестали принимать их за образец для подражания. Мы можем теперь просто иронично улыбнуться по этому поводу, а это самая здоровая реакция.

67. Десятилетие потерянных

Закончилось десятилетие двухтысячных – даже вышел новый том в серии «Намедни». Но говорить о них все же рановато – мы не знаем пока, каким останется это десятилетие в истории, что окажется началом глубинных перемен, а что – случайной рябью на поверхности.

Зато мы можем говорить о предшествующем десятилетии: о девяностых. Нет ни у кого сомнений, что это действительно великое и страшное десятилетие, в которое изменилось буквально всё, к чему мы привыкли. Сегодня одни вспоминают беспросветную нищету и локальные войны, разгул бандитизма и коррупции, развал страны и всего хорошего, что было в ней. Другие – небывалый доселе дух свободы и творчества, наполнившиеся полки магазинов и зарубежные поездки, возможность самому решать и свою судьбу, и судьбу народа. Как будто те и другие жили в двух совершенно разных странах, живя на одной и той же улице...

Десятилетие уникальных возможностей – хочется сказать про девяностые. И большинство из нас добавит: упущеных возможностей. Мало кто использовал его по полной, как один мой одноклассник, который успел на закате Советской власти сесть за «экономическое преступление» (фарцовку), в девяностые вышел, точно такими же «преступлениями» сколотил немалый капитал. «Я ничего не делаю, а деньги идут и идут, на что их тратить?» – рассказывал он. Подсел на героин и капитал потерял. С героина соскочил, но стал сильно пить. Когда я видел его в последний раз, он честно трудился топ-менеджером в фирме еще одного одноклассника и лечился от алкоголизма. Это ведь были уже двухтысячные, время стабильности и прогресса.

Для меня главный образ девяностых – наш подъезд в самом центре Москвы, самый обычный подъезд старомосковского дома. Когда-то, до 1917 года, в нем были ковры и бархатные перила – потомок первых владельцев этого дома жил в коммуналке на втором этаже, он рассказывал. Но грянул рынок, и толкучка, расползающаяся от Гума-Цума-ДетМира, как раковая опухоль, очень скоро парализовала и наш переулок. Днем по переулку было невозможно пройти, а вечером дворники жгли брошенные картонные коробки и целофановые обертки, над мостовой летел едкий дым. В туалет куда было ходить торгующим? В незапертый подъезд, конечно.

И еще у нас были бомжи, тихие, спокойные, ночевавшие живших на широких лестничных площадках месяцами. Они стелили себе картонки, таскали тряпки, от них воняло, зато они здоровались и не нахальничали, а главное, сами не гадили там, где спали – да и торговцам устраивать туалет рядом с бомжами было неприятно. Так что мы не возражали против них. Правда, один раз залетный, невоспитанный бомж миниатюрных размеров улегся спать в нашу детскую коляску, прикованную цепью на площадке первого этажа – утром жена его там и обнаружила. Я не верил, пока сам не увидел последствия – порванную изнутри и пропахшую коляску, ее пришлось выкинуть, это была большая потеря в рыночную эпоху. Как взрослый человек уместился в младенческой коляске? Это великая тайна.

Они вообще были какими-то инопланетянами, они носили по три драных пальто сразу, они щеголяли ранами, от которых нас муттило, а сами они их как будто их не замечали. В пять утра они могли позвонить в дверь и попросить стакан. Стакан был дан, чтобы не провоцировать скандала, и когда моя мама пошла в восемь утра на работу, она обнаружила его под дверью, в нем было налито пальца на два какой-то спиртосодержащей гадости – с владельцами стакана поделились. В контакт с этой внеземной цивилизацией мы обычно все же не вступали. Разве что сосед с первого этажа как-то разбрзыгал там слезоточивый газ, чтобы бомжи не ночевали. Но первой вошла в подъезд моя жена, ей и досталась вся порция газовой атаки.

А потом они стали сами пропадать. На дверях подъездов появлялись кодовые замки, мутная стихия толкучки сменилась организованным рынком киосков, киоски росли

в размерах, сливались в торговые комплексы, а потом булочные и аптеки по соседству превратились в меховые и ювелирные бутики... Не знаю, как в биологии, а вот в торговом деле я сам наблюдал дарвиновскую эволюцию, от кишения одноклеточных до появления динозавров. В подъездах перестали гадить – правда, начали колоться и кидать шприцы, бледные мальчики и девочки лет по шестнадцать. Мы снова проходили мимо, ребята вежливо здоровались и смотрели пусто и печально, а кто-то скандил, вызывал милицию... Та не приезжала. Скоро исчезли и эти дети – героинщики долго не живут.

А дом ветшал. Почти все другие дома вокруг «реконструировали» – оставляли один фасад, потом возводили за ним что-то бетонное, по объему раза в четыре больше, и прикрывали этим фасадом. Наш дом стоял так, что некуда было его надстраивать, поэтому его не трогали. Однажды соседка на четвертом этаже принимала ванну, прогнившие перекрытия не выдержали веса, она вместе с ванной провалилась в такую же ванну на третьем этаже. Женщина не пострадала, но шума было много. Перекрытие потом заделали, а вот новую ванну так и не поставили – слишком большая нагрузка. Мышься из той квартиры жильцы ходили к друзьям и соседям. Может быть, ходят до сих пор.

Потом огромная коммуналка на первом этаже была продана за какие-то фантастические доллары (тысяч тридцать? сорок?) неизвестной фирме, та пробила отдельный вход с улицы, оборудовала офис... и в подъезде снова возник туалет. Облегчались девочки, сидевшие в машинах у этого отдельного входа, раскрашенные, в полной боевой готовности. Видимо, в сам офис их не пускали.

Но и это длилось недолго. Девочки исчезли, в офисе произошел ремонт и началась вполне солидная жизнь, потом под такой же офис продали такую же коммуналку на втором этаже. Появилось видеонаблюдение, лестницу вплоть до второго этажа отремонтировали... Но теперь это уже не наш подъезд. Мы продали квартиру и исчезли, как все те, кто ночевал в нем прежде, не оставив следа. Странники и пришельцы.

Уже в двухтысячных услышал я от настоятеля нашего храма, в самом центре Москвы: «Бомжи нынче куда-то делись, а за благотворительными обедами приходят в основном молодые люди, приехавшие на заработки. Приходят уже пьяные, закусить. Где же те старики и старушки, которых мы кормили раньше?» Боюсь, ответ будет прозаичным и жестоким: кто-то умер, кто-то переехал на окраины. Это теперь совсем другой город, бедным в центре не место.

А еще в девяностые восстанавливались церкви. Наша семья в те годы бывала чаще всего в трех, все три возникали из руин: в одной прежде была типография, в другой – переговорный пункт, а в третьей уже не упомню, что. Надо было разгребать завалы, таскать мусор на носилках... но это было блаженное время. Мы собирались среди этих руин, как первые христиане в катакомбах: все свои, пусть даже и не знакомы лично, все понимают, что привело их сюда, и среди двух-трех десятков людей на воскресной литургии не было ни случайных, ни скучающих лиц. Там, за окнами, кипел и бурлил молодой капитализм, там торговали и убивали, а мы... «добро есть нам где быти», – только и оставалось сказать.

Но так продолжалось недолго. По мере расчистки завалов храм заполняли люди – те самые, с улицы, других не было. Они практически ничего не знали, да не всегда и хотели узнать: приходили помолиться, исповедаться, передохнуть между отчаянными схватками за место под солнцем. Вдохнуть запах ладана и ощутить теплоту батюшкиной руки, которая накрывает буйну голову епитрахилью: «прощаю и разрешаю...»

Но и мы, христиане с «дореволюционным стажем» не так много могли и хотели им объяснить. Нам самим было не до того, мы тоже выживали. Интеллектуалы уходили с головой в богословие фаворского света или в древнерусскую иконопись – и в самом деле, что еще было делать в загаженных подъездах, без этих башен слоновой кости, без утонченной игры в бисер?

Другие сбегали в град Китеж, в Святую Русь, ушедшую на дно даже не в 1917 году, а намного раньше, при Петре или при татарах. «Ты, главное, будь русским!» – говорил

мне на исповеди один священник, и я понимал, что имеет он в виду не реальных русских людей, а голубоглазых блондинов с полотен Глазунова. Было только неясно: а такие вообще бывают на свете?

Немногие из православных тогда строили активную общинную жизнь, подконтрольную коллективу, ориентированную на социальное служение. Выходило неизбежно что-то вроде советской общественной работы, да оно и понятно – откуда взяться другим образцам у людей, выросших в СССР? Я с детства сторонился всяких собраний и общественных нагрузок, поэтому об этой стороне церковной жизни знал мало. Немного участвовал в благотворительных акциях – например, посещал детей в детдоме. Самым трудным было видеть полное несоответствие наших усилий тем бедам, которые стояли перед этими детьми. От них отвернулись родители, им кидало скучный кусок государство, их на каждом шагу стремились обмануть или использовать предпримчивые и просто похотливые граждане – а мы практически ничего не могли с этим поделать, ни вместе, ни поодиночке. Я мог погулять с парой таких детей в парке, мог рассказать им что-то о Боге и о Христе... может быть, это и было просветом в их серой повседневности, но самой повседневности это никак не меняло. Наше христианство не столько преображало повседневность, сколько пряталось от нее, «навевало сон золотой».

Еще в начале этого десятилетия священников и грамотных мирян звали куда угодно, жадно ловили каждое их слово: ну вот наконец-то они объяснят нам, как жить! Помню, как один батюшка выступал несколько раз в программе «Спокойной ночи, малыши» – и наша маленькая дочь, знавшая и любившая этого батюшку, была очень огорчена. Еще бы, он занял место Хрюши и Степашки! А что, если теперь они займут его место в алтаре?

Но всё это очень скоро прекратилось. Людям стало не до «духовности»; вернее, они потребляли ее небольшими порциями: детей покрестить, машину освятить. Рынок «всё расставил по местам»: спрос – предложение. Странно было и заикнуться о том, что обряд и молитва не могут иметь цены по прейскуранту. Народ толпами валил креститься-венчаться, но мало кому приходило в голову, что крещение – вовсе не итог, а начало пути. Не долг, отданый памяти предков, а напротив, обещание перед Богом начать новую жизнь.

Но и нам некогда было это объяснить. Требовалось поднимать храмы и монастыри из руин, возрождать в них богослужение – эти цели были очевидны, просты и понятны. А научить народ жизни по Евангелию – это как? Ну вот, читаем проповеди, переиздаем Библии и прочую духовную литературу, кто хочет, разберется. А нам не до того, у нас служба, потом требы, потом машину кирпича привезут, от спонсора.

И эти спонсоры... Что можно собрать с нищего прихода, когда половину этих старушек самих подкармлививать надо? Зато есть богатый человек, и не так важно, откуда у него деньги, важно, что он хочет пустить их на благое дело. Так возрождались храмы – и так же утрачивалась хотя бы минимальная финансовая прозрачность. Что получено, на что потрачено – эти цифры знали только несколько человек в каждом приходе, и не всегда даже в их число входил настоятель. А уж рядовым прихожанам и вовсе спрашивать было неловко. Платить мы были не готовы, брать на себя ответственность – как правило, тоже.

Постепенно стало заметно, какие мы разные, насколько разобщены. Когда-то, до революции, свой храм был почти в каждом квартале, и его прихожане знали друг друга не только по общей молитве – они были соседями по месту жительства, по работе, по социальной лестнице. Им было, где встретиться и о чем поговорить после службы. Но теперь люди ездили с другого конца Москвы к понравившемуся батюшке, и, если у них не было какой-то общей группы милосердия или евангельского кружка, то встретиться после службы они могли разве что в мак-дональдсе по соседству с храмом. И то, в 90-е биг-маки были мало кому не по карману.

А еще тогда не было интернета. Он стал появляться в домах ближе к концу десятилетия, очень дорогой и ненадежный, и мало кто мог позволить себе полноценное

общение на форумах или, чаще, в ФИДО. Церковная пресса была за редчайшими исключениями сухой и официальной, редкие конференции и семинары собирали людей одного круга... Площадок для общения практически не было. Именно тогда родилась печальная шутка, что экуменизм – это когда общаются представители разных конфессий, супер-экуменизм – когда люди из одной конфессии, а гипер-супер-экуменизм – когда из одного прихода. И в самом деле, порой было проще обсудить какие-то насущные проблемы с зарубежными христианами (тогда они очень интересовались нашей жизнью и охотно помогали), чем с единоверцами и соотечественниками.

Церковь призвана быть в мире, но не от мира. В лихие девяностые в мире все бурлило, кипело, менялось – и в храме хотелось тишины и покоя, вечного, неизменного распорядка вещей. Чем консервативнее, тем лучше – эта обычная болезнь неофита стала в девяностых прямо-таки повальной эпидемией, люди массово искали, по выражению одного моего друга, «типикон спасения» – некоторую последовательность молитв и действий, которая гарантирует мир в душе и спасение в вечности. Не находили его, разумеется, и кто-то умерял неофитский пыл, а многие отчаявались и покидали церковь в полной уверенности, что Православие – сплошная зацикленность на внешнем, пустое обрядование. Бесплодность и тупиковость такого формализма, его несоответствие принципам Предания тогда еще мало кому была видна: мы были заняты строительством.

В девяностые мы сумели восстановить рухнувшие стены и наладить в них сносную жизнь. Мы успели разочароваться в наивных идеалах, но постепенно приучались брать ответственность за себя самих и близких. Так было и в обществе в целом, и в церкви. Но нам редко удавалось тогда наполнить эту жизнь радостью и смыслом, увидеть цель своего движения. Мы почти не общались друг с другом и пришли к концу того десятилетия поодиночке, относительно свободными, но издерганными и разочарованными. На пороге двухтысячных нам очень хотелось передохнуть, успокоиться, а проблемы пусть подождут...

И похоже, что в десятилетие нам предстоит наверстывать многое из того, что не было сделано в девяностые.

68. И что же такое сергианство?

Когда я впервые попал за границу в 1992-м году, я встретил православных из РПЦЗ. Они были практически такими же, как и православные в России (более того, они из нее совсем недавно уехали), но с одним существенным отличием: «в ту церковь ни ногой». И меня они тут же стали просвещать: мол, «красная церковь» безблагодатна... Почему, недоумевал я? Из-за [декларации митрополита Сергея](#) 1927 года, отвечали мне. Об этой декларации я к тому моменту уже знал, она казалась мне достаточно спорной (по меньшей мере), но логики этой я понять не мог. Более полувека назад один из иерархов моей церкви пошел на сомнительный компромисс с властями. Но от меня-то никто не требовал подписаться под этой декларацией. И что же, теперь Святой Дух навсегда оставил тех, кто не прервал общения с этим иерархом? Но тогда Он наверняка оставил тысячу или более лет назад и византийских, и римских епископов, которые тоже не всегда проводили безупречную политику. Земная церковь состоит из грешных людей, которые часто совершают неблаговидные поступки. Если нас это не устраивает, остается только основать собственную секту, которая будет лишена всякой исторической памяти, а заодно и исторических грехов.

Так я тогда рассуждал, и теперь так думаю, и не мог я понять тех, кто упорно говорил мне о сергианстве в начале 1990-х. Церковь была нищей, но абсолютно свободной, если бы даже она захотела пойти на недостойный компромисс с политиками, те и слушать бы ее не стали, у них были совершенно другие заботы.

Да и что такого страшного в этой самой декларации, рассуждал я? «Ваши-наши радости», как говорили мне знакомые из РПЦЗ? Но вчитаемся в формулировку митрополита Сергея: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи». Разве это так уж сильно отличается от сказанного А.А. Ахматовой: «Я была тогда с моим народом там, где мой народ, к несчастью, был»? Митрополит Сергий говорил о радостях и неудачах своей Родины, а не ВКП(б) или лично товарища Сталина, и думаю, что разгул красного террора он относил отнюдь не к радостям, а к бедам Родины. Примерно так разъяснил смысл этой декларации как раз незадолго до того, в 1991-м г. и [патриарх Алексий](#).

Конечно, выражался вл. Сергий несколько двусмысленно, не следовало бы ему, пожалуй, делать таких заявлений... живи он тогда в Париже или Белграде, вместе со всей своей паствой. Но все они находились под той самой советской властью, которая не просто грозила тюрьмой лично митрополиту Сергию – она вполне всерьез могла взяться за окончательное искоренение всякого христианского присутствия в республике Советов. Было бы лучше, чтобы Сергий сказал всю правду, не покривил душой – а потом сгинул бы в лагерях не только он сам, но и немногие оставшиеся священники и активные миряне, чтобы уже через одно-два десятилетия Россия стала бы атеистической пустыней, как потом Албания и Северная Корея?

Судить митрополита Сергея и тех, кто пошел за ним, я и тогда не брался, и сейчас не возьмусь. Они не отреклись от Христа, они сберегли церковную организацию и возможность проповеди. От Христа они не отреклись, против веры не погрешили, а каков был предел допустимого компромисса в делах политических, об этом не можем судить мы, живущие в совсем иные времена. Очень может быть, что они за черту действительно заступили, но за это они уже ответили перед Богом. И уж не тем их судить, кто мог позволить себе полную свободу высказываний по другую сторону границы... и кто потом допускал неумеренные восхваления в адрес борца с большевизмом Адольфа Гитлера, еще не зная всей правды о нацизме, да и не желая ее знать.

Но вот почему мои знакомые так горячо говорили о сергианстве спустя более полувека после той декларации, почему некоторые продолжают говорить о нем и сегодня, я, кажется, начинаю понимать. И дело тут совсем не в митрополите Сергии... Он был

заложником советской власти, а если ты стал заложником террористов, правило только одно: исполнять их требования, сохраняя себе жизнь. На время приходится забыть о чести и достоинстве, о законах и привычках. Так обстоит дело и с любыми религиозными нормами: например, самые строгие ревнители иудейских законов о кошерной пище или субботе пояснят, что действие этих законов приостанавливается, когда речь идет о спасении человеческой жизни, ведь это высшая ценность в этом мире. А здесь спасали не себя, а церковь.

Но вот ведь какая странность случается иногда с заложниками... «Под воздействием сильного шока заложники начинают сочувствовать своим захватчикам, оправдывать их действия, и в конечном итоге отождествлять себя с ними, перенимая их идеи и считая свою жертву необходимой для достижения “общей” цели». Называется это [«Стокгольмский синдром»](#), и механизм этого явления понятен: человек не может смириться с тем, что он для другого – всего лишь расходный материал. Заложник обязательно ищет в террористе что-то человеческое, чтобы установить личный контакт, но так он рискует изменить не взгляд террориста, а свой собственный. И тогда он будет сопротивляться освобождению, оправдывать действия террориста, оплакивать его гибель...

Страшнее всего это проявляется с людьми, которые стали жертвами насилия в детстве. Ребенок не может принять, что родной ему человек просто удовлетворил свою страсть за его счет, он парадоксальным образом начинает со временем воспринимать совершившееся насилие как проявление любви или как справедливое наказание за какую-то вину, и вина, конечно же, найдется... И потом, уже взрослым, такой человек будет искать повторения этой ситуации, будет постоянно становиться жертвой насилия или насильником, а порой и тем и другим одновременно. Он может просто не научиться иным отношениям.

Ведь есть свои преимущества и в том, чтобы быть заложником, жертвой. Ты ничего уже не решаешь, от тебя ничего не зависит, ты ни в чем не виноват, а если и был виноват, то многократно искупил свою вину страданиями. И потому, пожалуй, имеешь право применять насилие сам, ведь ты страдал, пусть и другие пострадают... Страшная логика! И самое страшное, что это даже не логика, это подсознательные установки, которые не видны самому человеку. Он может совершенно искренне забыть о совершившемся насилии, и не думать о своем стремлении его воспроизводить. И если он даже все это осознает и захочет изменить свое поведение, ему, скорее всего, потребуются годы работы с психотерапевтом.

Мы выросли в стране, где на протяжении десятилетий насилие было нормой вещей. Эти образцы поведения передавались из поколения в поколение, нас учили ненавидеть больше, чем любить, нас учили мстить врагам и не брать пленных. Это наша общая история, наша общая беда, и нам долго еще с ней разбираться.

И когда я слышу и вижу то, что происходит в нашей земной церкви, я всё чаще прихожу к выводу, что стокгольмский синдром и ее не обошел стороной – да и как мог обойти, если в церкви те же люди, что и в обществе? Можно назвать этот синдром «сергианством», можно привести другие исторические параллели: например, как легко в XVIII веке иерархи признали и оправдали синодальный строй, а единственный из них, кто не пожелал признавать «высшим судией церкви» императрицу Екатерину, [митрополит Арсений \(Мациевич\)](#) умер в тюрьме. Много было подобных эпизодов в истории, и декларация митрополита Сергия, и вся вытекающая из нее церковная политика – яркий, но не уникальный случай.

И вот что, на мой взгляд, произошло... Вынужденный компромисс заложника со временем стал привычным состоянием, выросли поколения церковных людей, которые не знали другого положения вещей. И они стали оправдывать его, находить в нем высший смысл. Что делалось некогда под угрозой смерти, стало делаться по привычке, а потом и

по велению сердца – а как же можно иначе? И когда настали совсем другие времена, когда исчезла сама советская власть – как вдруг этого стало не хватать!

Очень многое в нашей церковной реальности, думаю, именно отсюда родом. Это и желание многих обязательно подстроиться под мнения наличной власти и ни в коем случае с ней не спорить. Это и громогласная великодержавная риторика, непременно с борьбой против агрессивного блока НАТО (при Сталине и Хрущове это еще называлось «борьбой за мир»). Это и абсурдные иконы с изображением Сталина, и лубочно-пропагандистское восприятие отечественной истории, да и вообще навязчивое стремление изобразить всё богатство окружающего мира в духе коммунистической песни: «вихри враждебные веют над нами, темные силы нас злобно гнетут, в бой роковой мы вступили с врагами, нас еще судьбы безвестные ждут» (причем враги эти – ни в коем случае не собственные страсти и пороки). Наконец, это и отношения внутри некоторых приходов и епархий, которые напоминают незабвенные заседания парткома, не без примеси «духовного» садо-мазохизма.

Я не знаю, нужно ли дунуть и плонуть на пресловутую декларацию, чтобы от всего этого избавиться. Не думаю, что такой жест поможет. Но избавляться от этого надо, и срочно – хотя бы потому, что меняется наше общество, в церковь приходит всё больше и больше людей, выросших в условиях информационной и личной свободы. Они спрашивают, что такое православие, и нет, на мой взгляд, более злобной на него карикатуры, чем весь этот комплекс – стокгольмский ли, сергианский ли, но уж точно не церковный, не православный, не христианский.

69. Жара в эпоху раскола

Мы уже привыкли, что по телевизору нам показывают либо агитки, либо развлекательную, а если хочешь о чем-то задуматься, ящик надо выключать. Но телеканал «Культура» сломал этот стереотип минимум дважды, и об этом заговорили все, кто вообще привык задумываться. Я имею в виду два сериала – «Раскол» и «Жару». Они, казалось бы, очень разные. «Раскол» – художественный фильм о делах давно минувших дней, своего рода иллюстрация к учебнику истории. Никаких новых фактов мы из него не узнали, да и все разумные интерпретации были уже предложены давным-давно, создателям фильма оставалось только выбрать свою точку зрения и представить ее зрителю.

«Жара» – совсем другое дело. Это документальный рассказ... даже не рассказ, а краткое воспоминание о совсем недавних и неприметных событиях. Учебники истории о них молчат: да вообще было ли там что-нибудь такое, о чем стоит говорить? И если было, то что? Если «Раскол» – попытка подвести итоги, то «Жара» – попытка начать разговор на тему, доселе совершенно не затронутую: поворот интеллигенции к Церкви в начале 1970-х годов. Разные жанры, разные создатели, разный темп повествования: строгая хронология, неторопливая размеренность, приглушенные краски «Раскола» и беглые ассоциации, неожиданные сопоставления «Жары», от которой и вправду веяло горячим. Ведущий торопился обо всем сказать, словно печеную картофелину вынул из костра: руки обжигает, и с какой стороны укусить, не знаешь, но до чего же пахнет заманчиво!

Есть у этих фильмов нечто общее и очень важное. И не в том даже дело, что оба они посвящены истории нашей Церкви и, в конечном счете, нашего общества. Об этом тоже можно говорить по-разному, и мы как-то уже привыкли к картинам и книгам «за» и «против». Вот сейчас придет умный дядя и художественно нам расскажет, кто был прав, а кто недопонял, каково всемирно-историческое значение, в чем положительная роль, а где отдельные недостатки, и какой из этого вывод следует сделать на будущее. Эти фильмы тоже далеко не беспристрастны (да и может ли быть полная объективность в разговоре на такие темы?), и не зря возникли потом напряженные дискуссии: почему показали именно тех и именно так, и не есть ли это «вода на мельницу идеологического врага», и всякое такое. Но создатели двух фильмов предложили зрителю выбирать самому, как относиться к пламенной упрямости Аввакума или к административному напору Никона, принимать ли кабинетного ученого Аверинцева за «лидера поколения» или считать подлинными героями тех, кто в знак протesta «вышел на площадь». Предпочтения авторов прекрасно видны, они не скрываются – но они и не навязываются. В прежних «фильмах о православии» («Остров», «Поп», «Царь») всегда был только один положительный герой, проповедовалась только одна безусловная правда, и никаких тебе вариантов.

А здесь – сочетание и даже противоборство частных правд разных людей, идущих своими путями к общей Истине. Примерно так ведь оно и в жизни бывает. И еще... выбраны два момента нашей истории, у которых довольно много общего – царствование «тишайшего» Алексея Михайловича, и не менее спокойное правление дорогого Леонида Ильича. Никаких особых зверств, если сравнивать с Грозным и Сталиным, но и перспектив тоже особо никаких не было видно – страна двигалась по инерции, и понятно всем было, что многое надо бы переосмыслить и поменять, да вот только непонятно, что и как. В результате власть что-то меняет, вроде бы и хочет как лучше: книги старые исправить, болота осушить, – только в результате выходит, как всегда. Само собой так выходит, даже спички не надо бросать – горят подмосковные торфяники, сжигают себя староверы в лесных скитах. А впереди, хотя никто еще и не догадывается – внезапный и резкий перелом, после которого вся жизнь пойдет по другому.

Очень созвучно это и нашему времени, правда? Вот и встает вопрос: а как тут быть, что делать (уж не будем про «кто виноват»)? В чем она, христианская жизнь периода застоя? В том ли, чтобы неукоснительно поститься-молиться и повторять затверженные с

детства слова? Или в том, чтобы напрячь свой пытливый ум, всё переосмыслить, найти новые решения и убедить всех в их правильности? Или же в том, чтобы взять потихонечку власть в свои руки и уж тогда силой исправить все недостатки, загнать страну железной рукой в новое счастье?

В фильме «Раскол» один из главных героев – это мальчик, которого юный царь встречает случайно по дороге на богоявление. Потом этот мальчик вырастет и будет строить Никону монастыри и воевать с поляками за царя, будет спасаться от новопечатных ересей на Соловках и охранять заключенного в яму Аввакума… Живет этот человек вроде бы как придется, меняет своих начальников, а с ними и перстосложение, в зависимости от случая – а в самом конце фильма произносит банальнейшую житейскую мудрость о том, как должно себя вести человеку, стоящему у кормила власти (и тут самое время напомнить, что «кормило» – однокоренное к слову «кормщик» на корабле, а вовсе не к слову «кормиться», как его нередко понимают). Вот и еще один образ простого русского мужика, «маленького человека», который ко всему приспособится, всё вынесет – и в результате переживет и консерваторов, и реформаторов, и даже найдет, что сказать им напоследок. Не потому, что как-то по-особенному мудр, а потому, что жизнь – она всегда богаче любых теорий.

В «Жаре» такого единого героя нет. Но есть множество самых разных лиц: безымянные прохожие на улице, пожарники в горящем лесу, слушатели на квартирной встрече с митрополитом Антонием. И понимаешь: ну да, как книги правил и монастыри строил не лично Никон, а тысячи бывших мужиков, точно так же и Церковь, которая у нас есть сейчас, устроилась трудами самых разных людей, обратившихся к вере именно тогда, в семидесятые-восьмидесятые годы прошлого века, и тех, кого они потом в нее привели. Кто, например, стоял у истоков Свято-Тихоновского православного университета? Тот самый доктор геолого-минералогических наук и священник Глеб Каледа, с рассказа о котором начинается фильм, и его товарищи и единомышленники. Это если говорить о консерваторах – но кто тогда наши церковные либералы? Принято отвечать: ученики отца Александра Меня, который служил точно в те же годы.

Можно, конечно, долго рассуждать о том, что нынешние либералы и нынешние консерваторы – совсем не то же самое, что отцы Глеб и Александр, что не обошлось тут и без «профессиональных духовных детей» лейтенанта Шмидта, простите, протоиерея такого-то. Всё это верно. Но верно и другое: наша церковная жизнь есть прямое порождение тех самых глубинных процессов, которые свершились за советским занавесом, и ее просто невозможно понять вне их контекста.

Сегодня приходящим в Церковь людям может показаться, что она всегда была такой, существовала в законченном виде последние несколько столетий по меньшей мере. Даже в отношении обрядов и обычаям это не вполне верно, но ими жизнь Церкви не ограничивается. Был период советских гонений, когда то расстреливали и ссылали, то позволяли служить, то закрывали храмы, то снова позволяли – но никогда не разрешали свободно говорить о своей вере, не позволяли действовать по ней. Закройся там у себя в комнате и молись-постись, если хочется, ну в храм сходи на праздник (если ты не партиец и не комсомолец, конечно) – и это всё. А что делать, если христианство для тебя – прежде всего образ жизни и сокровищница смыслов, а не система обрядов? Люди, о которых рассказывает «Жара», предложили свои ответы на эти вопросы и поделились ими с окружающими.

И снова про «Церковь и интеллигенцию», – слышу я вздох. Ну сколько можно! Нет такой проблемы: кто хочет, тот живет церковной жизнью, а вольному воля. Но те, кто рассуждает подобным образом, забывают, откуда взялась у нас эта самая церковная жизнь. Давно ушли в прошлое те времена, когда к вере приучали с младенчества, как приучали к крестьянскому труду – и даже не к вере, к скорее к ее внешним проявлениям, к кодексу бытового православия. Сегодняшние прихожане в 999 случаях из 1000 не от бабушки с дедушкой научились лоб крестить и молитвы читать, они пришли в храм

потому, что им открылись некие важные для них смыслы, они прочитали важные для них тексты. А там, где заходит речь о смыслах и текстах, естественно говорить об образованном сословии, призванном эти смыслы и тексты порождать, сберегать и передавать другим. Точно так же обсуждать виды на урожай не получится, если не иметь при этом в виду крестьян, уж какие они ни есть. В наше время и в нашей стране образованное сословие принято называть интеллигенцией; имя можно придумать и другое, но суть от этого не изменится. Когда рухнул коммунизм и возникшую пустоту заполнили, среди прочего, христианские смыслы, то они взялись не из воздуха – их сберегали по преимуществу те, кого с известной долей условности можно назвать христианской интеллигенцией. Кто хочет понять, откуда мы такие взялись, должен оглянуться на нашу историю.

И к «Расколу» это относится в полной мере. И никоновские реформы, и сопротивление им родились из одного и того же кружка «боголюбцев», образованных и искренне верующих людей, которым небезразлично было будущее России и ее Церкви. Только они его несколько по-разному понимали и не смогли меж собой договориться. Сегодня среди христианской интеллигенции тоже нет единодушия по ключевым вопросам, и выглядит эта история очень серьезным предупреждением. Минуло более трех веков, забылась острота былых дискуссий – а раскол так и не преодолен. Только ли потому, что существует лишь один правильный способ осенять себя крестным знамением, только один правильный обряд? Видимо, не в этом дело. Как в глухие брежневские годы люди напряженно искали христианский жизненный путь в нехристианском окружении, старались выйти за строгие рамки обряда и воцерковить всю свою жизнь – так и в эпоху тишайшего царя задавались они вопросом о соотношении веры и обряда, внешнего единства и личной свободы, традиционности и вселенскости.

Да и не все ли русские споры оттуда? Так оно потом и пойдет: птенцы гнезда петрова и бояре, дворяне и крестьяне, западники и славянофилы, революционеры и охранители, белые и красные, демократы и коммунисты, модернизаторы и евразийцы, наконец... Чуть ли не на каждой странице наших учебников истории видишь непримиримую борьбу этих лагерей, каждый из которых хочет нашей стране блага, но видит его по-своему, и оппонента принимает за врага, а не брата, пусть и заблудшего. Может быть, и не с раскола началось (прежде него были, например, опричнина и земщина), но церковный раскол XVII века стал самой яркой, самой кровоточащей раной. Он – наша главная метафора, и не случайно Варлам Шаламов, сидевший в сталинских лагерях по обвинению в троцкизме, писал от имени неугомонного протопопа: «Наш спор – о свободе, о праве дышать, о воле Господней вязать и решать».

Не думаю, что с этими словами согласился бы сам Аввакум, но мы сегодня видим суть спора именно так. Принято сочувствовать страдальцам, и хочется видеть в пустозерских узниках поборников личной свободы... а вот читаешь письма протопопа и понимаешь: приди к власти он, крови и гари было бы ничуть не меньше. Вошла в фильм и знаменитая фраза о никонианах из его членобитной царю: «кабы ты мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех перепластал во един час». Так и в случае победы декабристов взошла бы над Россией никакая не «Звезда плenительного счастья», а строжайшая диктатура людей, которые точно знали, что надо их стране. Не в том беда, что победили не «наши» – а в том, что одни наши не смогли договориться с другими нашими.

Ни «Жара», ни «Раскол» не пытаются научить нас, кто был тогда прав и как надо теперь. Они показывают, как было, и заставляют задуматься: а что же происходит сейчас, куда же двигаться дальше? Готовых ответов нет, и за это хочется вдвойне и втройне поблагодарить Николая Досталя и Александра Архангельского, а с ними и всех, кто создавал два этих исторических и таких актуальных фильма о нашей Церкви и нашей стране.

70. Так было ли возрождение?

С чего началась свобода вероисповедания в СССР, я помню хорошо. Шел 1988 год, шумно отмечалось тысячелетие крещения Руси... Я служил тогда в армии, и однажды старшина конфисковал у меня карманный Новый Завет. Грозил всяческими караами, передал его замполиту батальона, тот – замполиту полка... А замполит полка запросто вернул его мне, сказал только два слова: «Теперь можно». Старшина был очень удивлен!

Никогда не забуду и это удивительное ощущение от первых литургий в нашем храме в середине девяностых, еще в подвале, из которого и сам выносил вчера носилки с мусором... Всё было времененным, зыбким, неустроенным – но Царство Небесное сияло сквозь эту разруху и нищету в каждом жесте и слове, в каждой улыбке. А потом всё постепенно наладилось... но и это ощущение невозможного чуда куда-то отошло, его место занял привычный распорядок. Это тоже естественно, как на смену первым свиданиям приходит проза семейной жизни.

Рассуждать о глобальных общественных сдвигах очень сложно. Во-первых, каждый свидетель видит лишь свою часть картины. Во-вторых, тут неизбежны оценочные суждения: что одному покажется стабилизацией, другой назовет застоем, что для одного революция, для другого – смута. Ну, и слишком уж легко тут давать рецепты: а вот если бы тогда послушали, что я говорю теперь, и сделали всё наоборот... И так разговор уходит от реальности к каким-то резонерским конструкциям, которых никогда не было на свете, а может, и вовсе не могло быть.

Церковь – это часть общества, и в ней происходит примерно то же самое, что в обществе, только обычно с некоторым сдвигом по времени. Это вполне естественно: если светское общество стремится «уловить тренд» и угадать, что будет в моде завтра, то Церковь заботится скорее о том, как не утратить в повседневности вечное, и потому с особым вниманием смотрит на вчерашний день. Упрекать ее в этом нелепо, такова уж ее природа.

Первые годы церковной свободы стали тем, чем и должны были стать – временем бурного количественного роста. Пустота, возникшая после падения коммунизма, стремительно заполнялась самыми разными событиями, людьми и смыслами, в том числе, и даже, пожалуй, в первую очередь – православными. Число открытых храмов, совершенных служб, рукоположенных священников и изданных книг внезапно выросло в сравнении с советскими временами в десятки, а то и в сотни раз – вот только люди так быстро не преображаются. Они меняли серп и молот на восьмиконечный крест, а портрет Ленина на икону – но это еще не значит, что становились другими их сознание и стиль поведения.

В советское время как раз все очень увлекались количественными показателями. Мы догоняли США по выплавке чугуна на душу населения – а надо было, как оказалось, следить за производительностью микропроцессоров. И сегодня естественно задать вопрос: вот этот «план по валу» крещений-венчаний-отпеваний не следовал ли той же самой модели? Восстанавливая множество храмов и монастырей – имели ли мы тогда, кем и чем их заполнить? Зачастую ведь так и получалось: главное – чтобы стены были и чтобы служба в них шла, а уж остальное как-нибудь само приложится.

Массовое это воцерковление в чем-то напоминало именно что выплавку чугуна: выплавили-то много, а есть ли толк? И нередко массовое православие на проверку оказывалось похожим на какую-то гремучую смесь бытового шаманизма (землицы с могилки поесть) и мысленного бегства в вымышенный мир Святой Руси. Да и само слово «воцерковление», становившееся всё более модным, предполагало: чем больше человек будет поститься, молиться и слушать соответствующее радио, тем лучшим он будет христианином. Нам очень вовремя показали сериал «Раскол» – он про то, как люди, воцерковленные просто дальше некуда, заварили на Руси такую кашу, какую и через три с половиной века никак не расхлебаем. А ведь постились-молились очень усердно. Оно и

верно: даже очень большая чугунная чушка не может заменить самого крохотного микропроцессора. Развитие должно идти не только вширь, но и вглубь, а в духовной жизни – прежде всего вглубь, и только потом вширь, да и то с осторожностью.

Сегодня всё больше людей чувствуют это и спрашивают нас: ну да, вы заняли подобающее место в обществе, хорошо, мы согласны. Что вы скажете нам с этого самого места, чему научите, чем поможете? Их ожидания зачастую нереалистичны, они нередко требуют, чтобы Церковь, с одной стороны, ни во что не вмешивалась, а с другой – во всем их поддерживала и помогала. Одно противоречит другому, но отвечать на вопрос «так в чём смысл существования Церкви в обществе» всё равно придется. Мы так долго боролись за это место, что теперь, добившись убедительной победы, кажется, совсем теряемся при подобном вопросе и начинаем объяснять, что место это мы занимаем по праву... Да, по праву, но нас не о том спрашивают.

Еще одна черта, доставшаяся нам от советских времен – негибкость системы, отсутствие обратной связи. Всё ведь у нас было тогда по бумагам хорошо, а если и были недостатки, то только отдельные. Неэффективная экономика, ошибочная политика – всё это где-то там, у них, а у нас есть только отдельные бракоделы, головотяпы, бюрократы, и мы ведем с ними борьбу. Точно так же и о церковных недостатках говорить теперь не принято: даже историческое православие у нас совершенно безупречно (мистическую сторону не трогаем), а есть лишь отдельно взятые грехи и пороки отдельных людей. Вот они покаются и будет всё хорошо.

Как было избежать нам этих перекосов, если других христиан тогда почти что и не было, да и сейчас подобные настроения в прошлое отнюдь не ушли? С другой стороны – а надо ли за всё это держаться сегодня, когда уже вошло в жизнь поколение, никогда не любившее дедушку Ленина даже под манную кашу? У нас, конечно, есть перед глазами опыт горбачевской перестройки, когда заговорили о всех проблемах и недостатках сразу, ничего не исправили, зато всё развалили. Но ведь это и было следствием той чудовищно негибкой системы, когда ничего нельзя исправить, а можно только каждый раз «до основания, а затем».

Сегодня в нашей стране формируется гражданское общество – медленно, но верно, а это как раз тот самый темп, который привычен Церкви. Люди постепенно отвыкают от мысли, что уж следующий-то царь точно будет правильный, сразу всё даст хорошим, а плохих накажет. Они приучаются к мысли, что надо работать самим и самим отвечать за свои поступки. Может быть, отсюда и недоверие некоторых к Церкви, которая якобы именно так изображает Небесного Царя. Но я полагаю, что Церковь на самом деле нуждается именно в таких людях и даже может стать для них местом встречи – не случайно год назад именно Синодальный отдел по благотворительности собирал и распределял помощь, в том числе и от неверующих, и от атеистов. Солидарность, ответственность, открытость – именно этих качеств критически не хватает сегодня нашему обществу, именно к ним можем призывать и мы, больше примерами, чем словами. Только самим надо сначала научиться...